

**АНАТОЛИЙ
ЗАКЛИНСКИЙ**

Харрис

2016

Покидая Землю на корабле спасения, Крис Харрис думал, что жизнь его станет лучше. Ожидания не оправдались. Однако космос всегда вносит свои коррективы, и на этот раз они могут оказаться куда более серьезными, чем кто-либо мог ожидать.

Анатолий Заклинский
Харрис

Вторая половина кровати была пуста. Ночью Карл заплакал, Марси пошла его успокоить, да так и осталась с ним в его комнате. Хотя, конечно, комнатой это можно было назвать только условно. Отделение два на полтора, в котором едва помещалась обычная односпальная кровать. Детской кроватки не было — тоже та ещё роскошь, учитывая условия — вот Марси и оставалась там, как будто принципиально не хотела спать с формальным мужем, вот только сказать об этом напрямую как будто было бы некрасиво.

В очередной раз подумав о странности их отношений и вообще всей своей жизни, Харрис поднялся, натянул на себя плотный комбинезон из грубой синтетической ткани, сапоги, после чего заправил кровать и, открыв дверь, вышел в коридор.

Сегодня обошлось без будильника. Он всегда был свидетельством о том, что начался ещё один дерьмовый день его дерьмовой жизни. Сегодня Крис Харрис встал без него, что не очень-то меняло положение. Каждый раз, просыпаясь вот так, один в постели, которую хотел бы делить с любимой женщиной, и с самого момента пробуждения чувствуя эту ноющую боль в голове, он спрашивал себя: стоило ли вообще спасаться с гибнущей Земли? Мало того, что сам себя ненавидел каждую доступную единицу времени, так ещё и обеспечивал места людям, которые не способны были оценить его широкий жест.

Во время самых тяжёлых приступов ненависти он думал о том, что его жизнь закончилась ещё тогда, в далёком двадцать восьмом году третьей новой эры, когда поражающий элемент галарианской бомбы пробил его голову и задел мозг. Чёртовы звёздочки, как их называли. Не слишком удачно с технологической точки зрения, зато очень болезненные раны, вот и Харрис в тот момент уже рассчитывал не проснуться, но ему посчастливилось. Три грубых операции в полевом госпитале, потом реабилитация в течение трёх месяцев и металлическая пластина в черепе на всю жизнь.

Это был даже не медицинский сплав, а просто какой-то титан, снятый чуть ли не с подбитого в том же бою боевого робота сверхмалого класса. Это были двадцатые, четвёртая опустошающая война, поэтому мы лечили, как могли, и на том скажите спасибо. Пластина жутко чесалась всё то время, пока Харрис находился в госпитале. Иногда это было невыносимо — хотелось взять дрель и сверлить себе череп. Казалось, что только это поможет. Врач осматривал его несколько раз, заявляя, что, несмотря на плохие условия операции и несоответствие материала, не видит признаков отторжения. Харрису действительно повезло. Если бы его и без того раненый мозг ещё и начал гнить, тогда бы ему точно не выбраться.

Его тогда не комиссовали ровно по одной причине — земная армия нуждалась в солдатах, хоть каких, лишь бы не новобранцах. Галарианцы те ещё бойцы, но и с ними приходилось сражаться. В войне была одержана победа, но тот сброд, который одолели земляне, был ещё одной кучкой стервятников на изорванном теле местной звёздной группы.

И тут шанс. Он — ветеран третьей войны, да ещё с внезапно обнаружившейся семьёй. Для того, чтобы получить приличное жильё где-то в пределах системы этого, конечно, было недостаточно, но для приличных апартаментов на корабле спасения вполне. Ну, как приличных. Скажем, если бы он занимал их один, то было бы ещё терпимо, но он делил их с женщиной, которая при первой же возможности сбегала из постели, и чужим ребёнком.

У таблеток, которые помогали заглушить ноющую боль в голове, был ровно один

недостаток — их нельзя было принимать на голодный желудок, поэтому, вооружившись карточкой, Харрис шёл получать утреннюю порцию органики. Сегодня хотелось яичницы и кофе. Марси, как всегда, захочет яблочной каши. Но раз она не встала, когда он выходил, значит её ей готовить не нужно. Просто получить три пачки для неё и Карла, чтобы им было, что есть днём, когда он уйдёт на работу.

Да, то, что ты ветеран, даёт тебе возможность получить работу на корабле спасения, а не просто место, где ты будешь жить и не тужить. Впрочем, Крис Харрис не протестовал, а напротив, радовался. Если бы не работа, то вечерние сцены занимали бы целый день, а после этого он был бы готов сам лететь в пространство галарианцев, чтобы они подорвали ещё одну бомбу поближе к его голове, чтобы уж точно наверняка.

Он даже не приходил домой, чтобы пообедать, как это делали многие, добавляя тем самым последний штрих к своему образу «идеального» мужа. Место жительства обеспечил, сам дома почти не появляется, да и спать с ним было не обязательно. Всех это устраивало, а что касалось не слишком большой квоты на еду, то тут от него мало что зависело. Корабль спасения оказался переполненным уже с самого момента запуска, а алгоритмы регуляции численности ещё не были толком отлажены, так что приходилось мириться. Как знать, пройдёт ещё год или два, и он окончательно свыкнется и начнёт ценить эту жизнь такой, какая она есть, а пока нужно действительно, просто затянуть пояса и крепиться.

Яичница была вкусной. Ну, если не сравнивать её с настоящей или с той, что продаётся не в виде порошка, а жидкого синтетического белка. Но такая имеет крайне ограниченный срок хранения, поэтому на этом корабле спасения ей не место. К слову, так его называли только на жаргоне, и только те люди, которые понимали его действительную цель — спасти кого-то, кого не устраивают условия на Земле, а кого-то просто увезти, чтобы хоть как-то сгладить проблему перенаселения. Официально же миссия была колониальной.

Аурэмо не был венцом творения земной технической мысли. Вообще, перед отправлением Харрис не понимал, для чего нужно столько рабочих. Понял потом, когда уже через месяц после старта начались трудности. Это тебе не ковчеги высшего класса. Несмотря на то, что здесь есть собственная элита, это просто хлам, способный курсировать по пространству. Дёшево, сердито, случись что непредвиденное, жить им недолго. Так, посудина для того, чтобы послать кого-то, кого просто нужно куда-то послать. Выживут — хорошо. Не выживут — ну а что вы хотели?

Конечно, так считали в основном Харрис и ему подобные, которые в своей жизни на борту только и видели, что трудности, но сами они это не осознавали. Техническая же комиссия, допустившая корабль к длительному перелёту, подтвердила, что у него достаточные для такой миссии технический уровень и качество сборки. В отношении секторов с элитными пассажирами, это, к слову, было вполне справедливо, ну а у неэлитных пассажиров хватит рабочих рук, чтобы самостоятельно подлатать вероятные поломки.

От раннего подъёма был большой плюс — общественная кухня ещё не наполнилась людьми, поэтому Харрис приготовил яичницу в тишине и в такой же тишине съел её, после чего подошёл к крану, чтобы налить стакан воды и запить таблетку. Действовать начнёт не сразу, но это был самый простой и дешёвый способ заглушить эту боль. Наверное, на верхних уровнях есть автохирурги, способные выполнить высокосложную операцию и избавить его от всех этих болей, но рабочему со дна этой посуды вряд ли кто-то предоставит такую привилегию.

Его размышления нарушил тонкий лай маленькой собачки и быстрое постукивание

коготков по металло-пластиковому полу. Он понял, как глупо выглядит, задумавшись и замерев около крана с пустым стаканом в руке. Он тут же открыл воду и стал снова наполнять стакан. На счастье хотелось пить.

— Бобби! — девушка возрастом не слишком далеко за двадцать шикнула на свою кудрявую собачку, которая заливисто лаяла, носясь возле ног Харриса, — извините, мистер.

— Ничего страшного, — улыбнулся Крис, глядя в большие карие глаза незнакомки.

На ней были лёгкие тапочки, брюки и безрукавка из грубой ткани. Стандартная для нижних уровней одежда диссонировала с её лёгким и приятным образом. Особенно это выражалось в мягких и красивых плечах, выходящих из-под широких лямок безрукавки.

Харрис обернулся к столу, взял свою яблочную кашу и направился на выход. От резкого движения в виске кольнуло, но это было нестрашно. Скоро всё пройдёт, по крайней мере, до следующего утра. Про себя он думал, каким стариком выглядит на фоне этой девушки, а ведь на деле он не намного старше неё. Максимум, лет на семь-восемь. В свои двадцать девять он уже прошёл тяжёлый путь и даже успел начать мечтать о том, чтобы он, этот путь, оборвался.

— Почему не разбудил? — спросила Марси.

Наверное, будь их семейная жизнь такой, какой он хотел бы её видеть, и это действительно было бы проступком, в её интонациях звучали бы вызов и недовольство, ну а сейчас их можно было бы охарактеризовать точно так же, как отношения — никакие.

— Я думал, ты пока ещё не будешь вставать, — пожал плечами Харрис, кладя на стол перед женой упаковки с кашей.

— У Карла болит животик, — сказала она, — он стал очень беспокойно спать.

— У нас ещё осталась часть медицинской страховки на этот месяц.

— Я уже потратила всю свою, — сказала она, посмотрев на него.

— Хорошо. Можешь взять мой полис.

— Спасибо, — она благодарно улыбнулась и поцеловала его, как простая соседка — в щёку.

Конечно, сама Марси не испытывала тех болей, с которыми каждый день боролся он. Большую часть его ежемесячного полиса съедали таблетки. И если бы их можно было просто покупать за деньги! Нет, пока медицинская станция не начнёт функционировать на полную мощность — всё строго по полису. А она, как он слышал, не такая уж большая, чтобы разом покрыть запросы всех пассажиров. Приоритет, конечно, отдаётся верхним уровням, а что делать таким, как Харрис, в случае обострения, мало кого волнует.

У него был расширенный полис, покрывающий также производственные травмы, но если его жена уже умудрилась израсходовать два страховых комплекта, то за третьим, пусть и увеличенным, дело тоже не встанет. И тогда, если случится что-то похожее на то, что было два года назад, ему потребуются уход похлеще, чем Карлу с его коликами. Если бы Харриса спросили, он бы без колебаний ответил, что серьёзно болеть может только голова, а всё остальное так, ерунда, особенно живот. Прими слабительного и засядь в санузел. Ему уже приходилось и привыкать к однообразному армейскому рациону, и не есть по несколько дней, а потом питаться впроголодь, так что всё, касающееся пищеварительной системы, его пугало мало.

Но вот когда дело доходило до головы, он на своей шкуре испытал коронную фразу их полкового врача, который любил говаривать, что если извилина наезжает на извилину, то прищемить можно всё тело. Не более, чем метафора, но для Харриса первое время после

операций она была суровой будничной правдой.

Харрис прошёл в прихожую, проверил пропуск в нагрудном кармане, а потом надел кепку.

— Уже уходишь? — спросила Марси.

— Да, — ответил он, поправляя кепку и рабочий комбинезон перед выходом.

— Ещё же рано.

— Нормально. Вдруг, что-то случилось.

— Скотт бы уже вызвал тебя по интеркому.

— Всё равно.

На этот раз она поцеловала его в губы, но слишком формально, всё так же по-соседски. Он выдавил из себя улыбку и направился на выход. Если дать волю одолевавшим его желаниям, он бы сейчас не отказался ещё немного вздремнуть. По большей части это было начавшееся действие таблетки. Боль отуплялась и начинала едва заметно блуждать где-то в районе темени. Это лучше, чем если бы она обострилась и выстреливала в переносицу и глаза. Но куда лучшим действием был эффект, который про себя Харрис называл антидепрессивным — ему становилось всё равно. В другие моменты стоило Марси сделать шаг ему навстречу, например, легко чмокнуть в губы, как он сам устремлялся навстречу ей. Сразу начинал думать, что у них, возможно, всё хорошо. Это был обман, и, потом, когда он вновь натёкся на холодность, его всегда корбило. Особенно, когда он не находился под действием препарата. Так что за этот эффект отрезвления и успокоения, он готов был считать свои таблетки волшебными. Ты не слишком радуешься теплу, не слишком страдаешь от холода.

А на работу пока ещё действительно было рано. Спускаясь в лифте, Харрис думал о том, как будет сидеть один в раздевалке. В такие моменты его спасали сигареты, причём, спасали вдвойне. С одной стороны, помогали скоротать время, а с другой — эффект, ими производимый, мягко ложился на действие таблетки, и боль переставала блуждать, останавливалась и ещё больше смягчалась. Именно поэтому он терпел и не начинал курить ни сразу после пробуждения, ни после завтрака. Если хочешь получить качественный эффект — следуй алгоритму. Завтрак, таблетка с глотком воды, первый эффект таблетки, а только потом сигареты.

Он пришёл в их рабочую бытовку больше, чем за час до начала рабочего дня. Скотт был на обходе, поэтому Харрис мог насладиться ещё и одиночеством, что также было неплохо. Хотя, его коллега был парнем неплохим, это Крис не слишком быстро и легко сближался с людьми.

Бытовка была их раздевалкой — вдоль длинной стенки стояли шкафчики для одежды. Она же являлась кухней — в дальнем углу была микроволновка для тех, кто желал разогреть обед, принесённый из дома. И здесь же была столовая: всё пространство вдоль левой стенки занимал большой стол, чтобы два десятка человек при желании могли за ним усесться. Собственной стенкой в углу напротив микроволновки была отделена комнатка их мастера. Его хоть и отделили от рабочей массы, всё же держали близко к ней. Вероятность того, что начальство может в любой момент появиться, никому не позволяла прохлаждаться.

На столике лежал замасленный рекламный проспект. Если судить строго по нему, то у землян вообще всё хорошо и с космосом, и тем более с освоением других миров. На обложке с помятыми углами сияла красноречивая надпись «Колония будущего». У людей, в круг которых входил и Харрис, возникала улыбка на лице, когда им напоминали, что они

колонисты. Причин этих злых и циничных улыбок было множество. Начать стоит с того, что на Аурэмо сменится несколько поколений, прежде чем он достигнет пункта назначения, ну а закончить можно было бы и тем, что по сути никто из них не является грамотным специалистом для освоения мира. За этим не сюда, а туда, на верхние уровни, где, поговаривают, даже хранятся специально обученные граждане. Именно хранятся в специальных холодильниках, и разбудить их нужно будет после прибытия в назначенный мир. Именно они, настоящие колонисты, возьмут в руки бразды правления такими, как Харрис. Вернее, их потомками, которые, как и положено обыкновенным яблокам, не слишком далеко упадут от яблони.

В том, как Харрис чиркал зажигалкой и как он перелистывал страницы замасленного проспекта, знающий человек углядел бы нечто неестественное. При должном знании в области медицины он бы сразу заметил, что его рука ненастоящая. Ещё одно наследие ушедшей войны. В отличие от пластины в черепе, сделана она была лучше. На момент потери дела земной армии были ещё не так плохи, но бывалые солдаты нужны стране во все времена, так что Харриса, хоть и не наградили, но вернули в строй.

Ирония судьбы и человеческого тела. Если у тебя отсутствует рука по самую лопатку и ключицу, ты можешь служить. А маленькая травма мозга — и уже комиссован. Это с Харрисом это правило не сработало ввиду обстоятельств, но в другой момент могло быть именно так. Хотя, если вспомнить того самого полкового врача и его рассуждения, то всё вставало на свои места. Механическая рука скорее плюс — не болит, не боится ранения, выдерживает повышенную и пониженную температуру, и — что самое главное — является единственной частью тела, которую не сводит во время приступов. Да, когда голова сама не своя, искусственная рука не сказать, что прямо идеально слушается, но и не слишком шалит. Нейтралитет в чистом виде. Да, протез устаревший, и в первую очередь это видно по грубоватой работе пальцев — на пианино не сыграешь, но тогда важно было умение нажимать на спуск, и с этим проблем не было. Да и сейчас, учитывая все плюсы, минусов можно было не замечать.

Рука проблемой не была. Все проблемы в голове. А в голове Криса Харриса вертелись одни и те же мысли. Опять он задумался о том, что главной его ошибкой было то, что он вообще ввязался в это путешествие, если можно было так сказать. Наверное, мечтал начать новую жизнь вместе с Марси, но всё повернулось не так, как хотелось бы. Нет, во многом эта жизнь была новой, но если бы он знал, что всё сложится именно так, предпочёл бы догнивать вместе с Землёй и останками Солнечной системы. Что он здесь имел? То же самое гниение, только в более извращённой форме.

Лязгнула дверь, послышались шаги. Это был Скотт, и Харрис подумал о том, что теперь скоротать остатки времени до начала рабочей смены будет проще.

— Если в бытовке утром пахнет дымом, это старина Харрис спасается бегством от своей жёнушки.

Харрис привстал и пожал другу руку. Слова Скотта, конечно же, были шуткой. Если бы он знал, насколько они попадают в цель, то вряд ли бы позволял себе говорить подобное. Но Харрис предпочитал не выносить сор из своей жилой каюты. Пусть хоть другие думают, что у него всё в порядке.

— Как обход? — спросил он, — где сегодня разгрести дерьмо?

— Всё как обычно. Нужно будет свезти пустые кислородные баллоны на заправку, а потом доставить обратно. Роджерс опять будет пытаться починить трубу, так что кого-то,

наверное, направят к нему. Может быть, даже тебя, если попросишь. Ему нужны такие силачи.

Он бросил едва заметный взгляд на механическую руку Харриса. Она вообще частенько обеспечивала хозяину работу менее грязную, но более тяжёлую во всех отношениях. Криса это вполне устраивало, потому что на нижних ярусах Аурэмо словосочетание «разгребать дерьмо» не было метафорой. Мало того, что построен корабль был не слишком надёжно, так мало кто соблюдал правила пользования канализацией. Это тебе не профессиональные космонавты, которые отвечают за каждое нарушение чуть ли не головой. Здесь окурки, забившие фильтр, не были редкостью, как и какая попало бумага. Они не так далеко улетели от пространства, подконтрольного землянам, так что пока ещё не были редкостью и презервативы, доставлявшие больше всего хлопот.

Но это всё было не так жизненно важно. Какой-нибудь богатенький раздолбай с верхнего яруса подождёт, пока ему прочистят унитаз. В конечном счёте, он же сам виноват. Но вот если система подачи кислорода не будет починена вовремя, то плохо может быть всем. Конечно, люди-шестерёнки с самого дна могут и потаскать баллоны, но в какой-нибудь нештатной ситуации это повреждение воздушных коммуникаций может оказаться критической проблемой, так что до этого было лучше не доводить.

Харрису хотелось бы заняться именно этой работой, хотя от неё, несмотря на наличие металлического помощника, здоровая рука уставала заметно больше. Порой даже ломило плечо, но за пару дней это проходило. Со временем он понял, что нужно беречь себя, и не только из чувства эгоизма или излишней любви к себе. Теперь, когда его страховой медицинский полис задействован для лечения ребёнка Марси, ему просто опасно получать хоть маленькую травму, которая не лечится аспирином или зелёной, которые без труда можно найти в аптечном автомате.

А починка кислородных аппаратов могла привести и на несколько ярусов выше. Нет, не в относительно хорошо организованные жилые сектора, а в оранжерею. Часть растений была предназначена в первую очередь не для производства кислорода, а для выращивания небольшого количества еды. Само собой, даже в договоре было указано, что пассажиры-рабочие не могут на неё рассчитывать. Но даже посмотреть на налившиеся красным помидоры было бы интересно.

Другая часть растений тоже предназначалась не столько для выработки кислорода, сколько для эстетики. Например, один из отсеков оранжереи был отведён под хвойные виды. Харрис не бывал там, но от одного представления, какой там воздух, сразу хотелось дышать глубже. Если бы там нужно было открутить какой-нибудь вентиль или прочистить фильтр, он бы с радостью это сделал.

А вот где ему уже довелось побывать, так это в оранжереях, предназначенных как раз сугубо для выработки кислорода. Они были населены ровно одним видом — амао. Это была культура, специально выведенная для космоса. Никаких плодов она не приносила, не приносила никакого эстетического удовольствия, но по части выработки кислорода не имела себе равных. Фактически, если насытить воздух чрезмерно большим количеством углекислого газа и сделать свет ярче, её листья тут же начнут расширяться. Казалось, она разрастается, но это обманчивое ощущение. На самом деле, это называлось состоянием повышенной активности, в котором амао была способна переработать столько углекислого газа, сколько будет нагнетено в помещение, где она произрастает.

Пожалуй, это было одно из немногих выдающихся достижений человечества, которое,

можно сказать без преувеличения, и проложило ему дорогу в космос. К примеру, если бы амао не являлась такой выдающейся органической фабрикой по переработке углекислого газа, людям пришлось бы придумывать что-то другое. Пожалуй, даже в том, что касалось жизни планетарной, эта культура была единственным, что удерживало человечество на плаву. Не будь её, на Земле уже существовало бы несколько закрытых центров, которые были бы по своему назначению подобны кораблям спасения. Разве что, покидая шлюз, жители попадали бы не в открытый космос, а на поверхность планеты, некогда бывшей им родной?

— Мне интересно вот что, — сказал Скотт, тоже доставая сигареты, — о чём ты так смачно думаешь, когда листаешь эту хрень? А? Ответишь мне.

Харрис встретился взглядом с небесно-голубыми глазами своего младшего товарища и грустно улыбнулся, а потом захлопнул проспект и оттолкнул его в сторону.

— Нет, нет, — запротестовал Скотт, — на этот раз отвертеться не получится. Говори.

— Если обещаешь мне поставить пиво после работы.

— Замётано! — он с готовностью протянул руку.

— Вот даже насколько интересно.

— Да. Говори.

— Ну, мне интересно, куда мы прилетим, и что увидят те brave ребята, которых мы везём где-то там, ближе к верхним ярусам. Мы ведь, — он немного помедлил, — фактически, отказались от своей жизни. Уж мы-то точно ничего такого там не увидим. Мы будем видеть только дерьмо и фильтры, в которых застряли гондоны.

— А в нашем младшем технике притаился философ, — рассмеялся Скотт, — одно только «мы ведь отказались от своей жизни» чего стоит.

— А разве нет?

— Знаешь, — немного подумав, ответил Скотт, — ты прав. И когда я тебе сегодня выставлю пиво, мы об этом ещё поговорим, но пока могу сказать вот что. Всё это, чёрт возьми, несправедливо. Это мы можем быть на том проспекте. Вернее, мы можем быть теми парнями, кто высадится на планете. Чем мы хуже них? Ничем. Ладно, я. Хрен знает, как сюда загремел. Но ты ведь ветеран. Военная подготовка, все дела. Тебя даже в гарнизон не взяли. Кто они после этого?

— У меня квалификация ПС-14Б. Была, — добавил он, — а здесь нужна БС, и не меньше пятнадцати. Был бы я абордажником, ещё куда ни шло, так я просто из пехоты.

— Знаешь, что я тебе скажу? Эти парни наверху тоже мало что могут, кроме как держать автомат. Мог бы ты справиться с их работой? Конечно, мог бы. Да тебя одень в их форму, ты и сам засияешь. Почему ты не на их месте? Потому что всё здесь нечестно, мать твою так. И не мне тебе объяснять.

Скотт начинал выглядеть немного одержимым. Харрис никогда раньше не видел его таким. Впрочем, они были знакомы не так давно, так что такое состояние могло быть для него вполне нормальным. Относительно этой нечестности Крис не хотел бы ничего говорить. Да, в определённом смысле он верил в везение, но списывать на него абсолютно всё было нельзя. В конечном счёте, он сам выбрал для себя такую жизнь. Ссылка на отсутствие альтернатив была бы проявлением слабости, да и к тому же сам Харрис понимал, что альтернативы есть всегда. Нужно было заботиться о старой жизни, а не стараться завести новую.

— Мы можем это как-то изменить, — продолжал тем временем Скотт. Он сбавил обороты, и речь его стала более тихой, вкрадчивой, как будто бы он что-то замышлял.

— Уж не хочешь ли ты предложить мне восстание, — улыбнулся Харрис.

— Ну, не совсем восстание, а просто ну, — он немного помедлил, подбирая слово, — можно же отстоять своё право на большее количество привилегий.

— О каком праве ты говоришь? — Харрис поморщился, — ты брал билет рабочего. Тебя сюда пустили бесплатно, дали страховку, рацион и работу. Тебе этого мало?

— Я понимаю тебя. Ты пока ещё слишком благодарен, но рано или поздно каждый здесь поймёт, что страховка и рацион не стоят того, что мы тут делаем каждый день.

— Я не то чтобы благодарен, — заметил Харрис, — но понимаю, что сам согласился на такие условия. Меня сюда никто не тянул. Тебя тоже. Лично для меня это была возможность нормально устроить жизнь, и я получил, что хотел.

— Нет Хар, и однажды ты это поймёшь. Дело не в том, что ты отдал за билет, а в том, на что ты годишься. Убирать за ними дерьмо не стоило даже за рацион, страховку и оклад, и мы это однажды объясним. А пока, — он как-то нехорошо улыбнулся, — в двадцать втором блоке подтекает канализация. Убирать, конечно, пошлют тебя и Гроула. Так что можешь сразу надевать целофан.

Он загасил сигарету в пепельнице и встал из-за стола. Харрису не понравились его слова, отдававшие неуважительностью, но он предпочёл принять их за шутку.

— Не забудь про пиво вечером, — сказал Скотт, открывая свой шкафчик, — и кстати, по поводу устройства жизни. Сделай мне одолжение. Отпросись сегодня с работы пораньше и сделай жёнушке сюрприз. М?

Он подмигнул. Всё так же нехорошо. Харрису это не понравилось вдвойне, и он уже решил было перевести их начинающийся конфликт в активную фазу, как в бытовку вошёл Фил — их мастер, в компании троих рабочих, среди которых был и старик Гроул.

— Отчёт после утреннего обхода я послал, — улыбнулся Скотт, приветствуя пришедших, — пара проблем, а в остальном всё тихо.

— Хорошо.

С этими словами Скотт попрощался и ушёл отсыпаться. Харрис чем-то завидовал ему. Он и сам любил ночную смену. Может быть, потому что не чувствовал себя таким никчёмным, когда не приходилось делать самую грязную работу. Максимум перекрыть вентиль и внести починку в план.

Скотт всё предвидел верно. После прочтения его отчёта и ознакомления с данными компьютера Фил послал Харриса и старика Гроула в двадцать второй коммуникационный узел. Так что пришлось, как и говорил Скотт, надеть поверх рабочего комбеза целофановый, чтобы не запачкаться сточными водами.

Что до напарника, то старик нравился Крису, хоть и не был многословным, и даже когда ему задавали вопросы, отвечал односложно и сам никак разговор не поддерживал. Он был одним из множества тех, кто построил этот корабль, и теперь воспользовался положенными льготами и вылетел вместе с остальными в космос.

Учитывая его статус, он мог бы жить на несколько ярусов выше, в более приличных апартаментах, но он использовал свои привилегии несколько иначе. Старик Гроул взял с собой всех членов своей большой семьи. У него было два сына, которые уже женились и успели завести детей. Они, кстати, были немного младше Харриса, так что на их фоне он мог бы посчитать себя не слишком удачливым.

Гроул был кладезем производственного опыта и мудрости. У него даже была своя собственная философия, не сказать, что очень оригинальная, но в его словах она начинала

играть особенными красками. Кто-то как-то спросил его, почему тот в конце концов решил отчалить с Земли, да ещё и потащил за собой всю свою семью. В ответ старик разразился целым большим рассказом о том, что старается сделать для человечества как можно больше и видит свою миссию в том, чтобы его потомки осваивали новые миры. Сам он уже вышел из возраста, продуктивного в плане потомков, вот и прихватил своих сыновей. Поговаривали, что он не слишком ими доволен и считает, что позволил таким образом их жизни обрести хоть какой-то смысл.

С такой философией и к Харрису он относился не слишком хорошо. Уважал в основном лишь за участие в войне, которое точно не могло быть притворством. Про пластину в черепе он ещё мог не знать, но механическую руку, как бывалый заводчанин, отличал даже если та была укрыта рукавом и перчаткой.

— Да, кто-то ночью изрядно просрался, — сказал Гроул своим скрипучим голосом, когда на них накатила волна зловония после открытия двери коммуникационного блока.

Харрис ощутил слабый рвотный порыв в первый момент, но поборол его, тем более, что старик не торопился входить внутрь. Он дал вони немного рассеяться и только потом уверенно переступил порог, хлюпая грубыми рабочими ботинками по протёкшему содержимому канализации.

— Да уж, им бы самим разок таким подышать, сразу бы следили за своим сральником, — сказал он, перекрывая один из вентиляей.

Харрис поставил ведро на то место, куда указал Гроул, а потом по его же указанию ещё сильнее закрутил вентиль. Сточные воды текли из-под небольшого распределительного узла, и сначала нужно было отключить их подачу на него. Когда они перекрыли все вентили, и струйка перестала течь, старик стал откручивать болты, прикреплявшие трубу к узлу.

Он то и дело сплёвывал на пол, и постоянно курил, чтобы хоть как-то перебить запах. Один раз в дверях появился какой-то молодой человек в аккуратной форме работника технической службы. Он был старше рабочих по званию, но непосредственно отдавать приказы не мог, в лучшем случае — только осведомиться о происходящем. Однако юнец не сделал даже этого. Он встретился глазами со стариком, и ему хватило одного лишь взгляда Гроула, чтобы понять, что отсюда лучше убраться. Причиной его прихода, очевидно, был запах, распространившийся уже по всему этажу.

Причиной утечки была плохая прокладка. Видимо, изготовлена она была не по технологии и слишком быстро потеряла эластичность. Это было не так критично до того момента, пока в системе не стало систематически повышаться давление.

— Да уж, дерьмо ещё похлеще этого, — сказал старик, Держа в руках резинку круглой формы, — только что не воняет. В общем, я на склад, а ты пока приберись здесь немножко.

— Хорошо, — хоть и неохотно, но кивнул Харрис.

Конечно, разгребание дерьма было самым нелюбимым его занятием, но, к счастью, подобные происшествия случались не так уж часто. Он вылил содержимое ведра в ближайший санузел, там же достал швабру и немного протёр полы. Вонь стала заметно слабее, но теперь Харрису казалось, что она не покинет его даже после того, как они устранят неисправность и выйдут отсюда, потому что и сам он пропах дерьмом, несмотря на дополнительную защиту из полиэтилена.

День выдался необычайно тяжёлым. Вскрылась целая бракованная партия резиновых изделий, которую, несмотря на некондицию, всё-таки использовали при производстве. Текли трубопроводы в местах стыков с распределительными блоками. Харрис и его напарник Гроул из-за срочной работы даже не ходили на обед, но это стало отличным поводом для того, чтобы отпроситься пораньше. Не то чтобы Харрис хотел сделать так, как ему посоветовал Скотт, просто он действительно устал намного сильнее, чем обычно. У Аурэмо как будто началось расстройство кишечника, а они, как полезные микроорганизмы пытались ликвидировать эту болезнь. Их месторасположение на самых нижних ярусах вполне соответствовало этой метафоре.

Усталый и чертовски голодный, Харрис, тем не менее, зашёл в душевую и отмыл всю грязь с ботинок и одежды. Сам принимать душ не стал, решив, что сначала хочет отдохнуть. Оставив рабочие ботинки и полиэтилен в своём шкафчике, Крис направился в своё жилище. Он, как ни в чём не бывало, открыл дверь и вошёл внутрь. Лишь долю секунды слышал он какой-то звук, но как только нога ступила через порог, а дверь хлопнула, закрываясь, всё стихло.

— Марси? — позвал он, начиная расстёгивать ботинки.

Вместо ответа послышалась какая-то возня со стороны их спальни, и это было первым, что всерьёз насторожило его усталый мозг. Он снял ботинки и направился к закрытой двери, которая, к слову, обычно была открыта.

Марси выскочила на него как ошпаренная. Причём это было буквально во всех смыслах слова. Волосы взъерошены, тело в лёгком поту, а на лице сумасшедшее выражение.

— Крис? — удивлению её не было предела.

— Да. Что случилось?

— Нет. Ничего.

Он понял причины её замешательства, которое овладевало ею всё больше. Она уже поняла, что спастись не получится, но всё ещё пыталась что-то сделать. Выглядело это жалко в его глазах, но он не стал сходу разрушать легенду.

— Не сходишь за порошком? Я что-нибудь приготовлю, — попросила она.

— Ой, ты знаешь, — он зевнул, — я бы убил кого-нибудь за яичницу с куском тушёнки, но, ей богу, хочу подремать хотя бы пятнадцать минут, ладно?

Он нарочно придавал своему голосу добродушные обывательские интонации. Он себе сейчас виделся таким честным добродушным муженьком, вернувшимся с работы домой к любящей жене. Однако его внутреннее состояние было прямой противоположностью тому, что он выражал внешне. Наверное, если бы сейчас действительно была возможность прислониться к подушке головой, он всё равно не смог бы уснуть, несмотря даже на смертельную усталость.

— Нет, пожалуйста! — она пыталась остановить его, но он в несколько шагов преодолел расстояние до двери в спальню и открыл её.

— Хар? — донеслось оттуда.

— Олли. Что, любимая, — он перевёл взгляд на жену, — захотелось более молодого мясца?

— Я всё объясню!

Олли был моложе Харриса на пять лет и являлся полной его противоположностью. Этаким холёный паренёк, не потрепанный войной и прочими перипетиями жизни. Он, пожалуй, выглядел даже моложе своего возраста, это в отличие от Криса, который мог вполне утверждать что ему уже далеко за тридцать, и люди бы этому верили.

— Всё синтетика, синтетика, — Харрис не обращал внимания ни на молодого паренька, ни на жену, пытавшуюся ухватить его за плечо, — а тут настоящее. Когда ещё такое попробуешь? Только надо хорошенько его приготовить.

Олли пытался защититься, но мощный удар механической руки, направленный сверху вниз заблокировать было невозможно. Он тут же взвыл от боли, а Харрис, игнорируя это, схватил его своей левой рукой и начал колотить протезом правой. Вот уж где точность реакции пальцев на нервные импульсы была неважна. Они сложены в кулак, кулак настигает цель.

— Пожалуйста! Нет! Я всё объясню, — молил тот.

Харрис не верил. Это всё от того, что он был и физически и морально сильнее его. Тот попытался ответить на удар, но его кулак наткнулся на металлический прут, заменявший Крису локтевую кость.

Марси пыталась остановить Харриса, но он грубо оттолкнул её. Она неловко и даже смешно плюхнулась на кровать и скатилась на другую сторону. Продолжая наносить удары, Харрис выволок Олли в прихожую. Только здесь он услышал как навзрыд ревет в соседней комнатке Карл. Он сделал вид, что не слышит этого.

— Ну так объясняй! — сказал он Олли, который уже затих

Левая половина его головы напоминала месиво. Нос был сломан, глаз опух, все щёки были в кровавых ссадинах. Судя по тому, как сильно он шепелявил, не было уже и нескольких зубов. Он что-то бормотал, но расслышать было ничего нельзя. Харрис открыл дверь своей комнаты и бросил его в коридор. Тот даже не пытался подняться.

— Скотина! — налетела на него Марси, — что ты за человек такой?

— Я человек такой? — крикнул Крис, не закрывая дверь, ведущую в комнату, — я скотина? Эта скотина взяла тебя с твоим выbledком на этот херов корабль, чтобы вам хотя бы было что жрать и чем дышать. Я убираю здесь дерьмо, чтобы у вас была страховка, и это я скотина?

Зашумели двери соседних комнат.

— Пошёл ты!

— Это я пошёл? Да я пойду. Посмотрите, люди, да у нас на этаже шлюха!

Перед ним неожиданно возник Скотт, который жил в комнате напротив.

— Хватит, Хар! — закричал он.

— А ты знал, да? Знал? Какого хера я узнаю об этом только сегодня?

Он было замахнулся и на своего друга, но тут же опустил руку. Потом повернулся обратно к Марси, которая пыталась помочь Олли подняться.

— Этот ублюдок не взял тебя на корабль. Он купил билет себе и своей жёнке, а тебе приходит кинуть пару палок, только и всего. Я-то чем хуже? А?

— Пошёл ты на хер, козёл! — кричала в ответ Марси.

— Перестаньте! — из-за спины Скотта выскочила Дора, его жена, — хватит, уймись.

Олли воспользовался тем, что фокус сместился с него, и ретировался в сторону лестницы. Ноги плохо его слушались, поэтому он шёл, цепляясь за стену и выступающие дверные косяки, оставляя на них кровавые следы.

— Я найду за тобой через час, — грозно сказал Скотт, а потом подтолкнул Криса в направлении двери, — иди уже, пока полиция не явилась.

— Да хер я на них клал! Пусть только попробует заявить.

Харрис недовольно развернулся и сделал шаг в сторону своей двери, небрежно толкнув Марси внутрь. Она не сопротивлялась, и пулей бросилась в направлении комнаты, где всё ещё заливался плачем Карл.

Крис сел за стол, подвинул пепельницу и закурил. Сейчас он ощущал чудовищное опустошение. Будь они на Земле, он бы обулся, громко хлопнул дверью и ушёл бы куда-нибудь. Заночевал бы у друга, или, на худой конец, снял комнату в какой-нибудь вшивой гостинице, а потом бы озаботился более капитальной арендой жилья. Здесь так сделать было нельзя. Здесь у каждого было ровно столько квадратных метров, сколько хватало бы для жизни, а число кроватей строго соответствовало числу жильцов. В этом и состояла вся тупость ситуации. Ни он, ни его формальная жена не могли пройти в своём гневе до конца, потому что бежать здесь было некуда. Все друзья в таком же положении, и даже потеснить кого-то неудобно.

Карл замолчал, Марси вышла из его спальни. Крис предугадал её желание, и поэтому вытянулся ей навстречу и схватил за плечи. Она била его руками в грудь, едва сдерживая крик ненависти. Он тоже молчал, а лицо его не выражало никаких эмоций. Когда ему надоело держать её, он усадил её на стул рядом с кухонным столом. Она подчинилась.

— Ты ведь даже не беременна, да? — сухо спросил он. Она не отвечала, — я врал им, чтобы они взяли тебя, а ты врала мне. Как всё у нас удачно.

Учитывая, что Харрис не платил за билеты на корабль, взять он мог только либо работоспособных членов семьи, либо ближайших родственников. Он солгал, сказав, что Карл его ребёнок. Никому не было дела, и проверять это никто не стал. На тот момент они встречались с Марси недолго, но это, пожалуй, был лучший этап их отношений. Она сказала ему, что беременна от него, а он поверил, только поэтому и согласился на всю эту авантюру. Теперь думал, что лучше бы так и сидел на Земле.

— Хочешь изобразить святошу? — гневно сказала она, подняв на него красные от слёз глаза, — ты не святоша. Ты — кусок говна.

— Может быть и так. Я убивал и людей, и инопланетян. Может быть, я заслужил звание куска говна, но не тебе об этом судить, потому что ты рядовая блядь, которая своей дыркой старается заслужить привилегии. Там, на Земле, ты никому не была нужна со своим спиногрызом на руках. Кроме меня, дурака. А здесь? Думаешь, он тебе хотя бы пачку каши даст за то, что ты с ним трахаешься?

— Да пошёл ты!

— Ах, у вас всё по любви?

Он рассмеялся. Истерично, совсем ненормально. Ему самому это не нравилось, он не хотел вновь напугать ребёнка, но остановиться не мог. Всё от того, что он сам не мог даже рассудить, что более паскудно — секс в обмен на продовольствие при отсутствии нужды, или надежда на какие-то чувства или, может быть, то, что этот человек, из, так сказать, более привилегированного сословия, возьмёт её к себе, на ярус выше. Вот только привилегированность эта была показной. Да, он заплатил за билет, но в обмен на это он имеет лишь укороченную рабочую смену, более чистый и лёгкий труд и квоту на ещё одного ребёнка во время полёта, при том условии, что у него уже есть двое.

Привилегированность эта была незначительной, эфемерной. Настолько, что даже если

он заявит в полицию на Харриса, тому мало что сделают. Если за каждый такой инцидент наказывать кого-то, то вскоре некому станет убирать дерьмо и латать дырки в этой гигантской консервной банке. И это при том, что материально взять с него нечего, а во время недолгого заключения нужно будет всё так же кормить. Ну а принудительными работами напугать можно было как раз-таки, самого Олли, потому что он находился в более хороших условиях изначально. В отличие от Харриса, который всё это и так делал каждый день.

Они снова молчали. Харрис курил уже третью сигарету. Бессилие убивало его. Очень некстати отступал адреналин, и пластина начинала выть. Боль пульсировала, как будто бы этот кусок титанового сплава был антенной, которая то и дело принимала сигналы от кого-то далёкого, желавшего связаться с ним.

Крис бросил взгляд на руку. Полимерная кожа была повреждена в нескольких местах, но несильно. Нужно будет лишь немного поработать иглой и леской, а потом залить специальным клеем. Он уже так приуровнился к этим мини-операциям, что после того, как он завершит свою работу, ничего даже не будет видно. Куда хуже смотрелась кровь, обильно покрывавшая первые фаланги пальцев и часть тыльной стороны ладони.

Решив, что руки нужно отмыть, а заодно перекусить, он поднялся и, не гася сигарету, направился на выход.

— Ты куда? — вдруг спросила Марси таким голосом, как будто бы ещё двадцать минут назад ничего не произошло.

— Пойду стоговорю пожрать, — сухо сказал он, натягивая ботинки, — я же не заслужил, чтобы мне кто-то с этим помог.

Так жалко он себя ещё никогда не чувствовал. Удар в самое сердце. Наверное, он всё-таки любил её, и поэтому сделал всё то, что сделал. Спас её и ребёнка, если не от преждевременной смерти, то от прозябания в грязи и нищете. Он-то, если подумать, и вовсе ни в чём не виноват. Сейчас эта странная любовь приобрела ещё более странный оттенок. Смешанная с ненавистью, она захлёбывалась во всё том же бессилии.

Единственным, что удерживало его самооценку от окончательного падения и разрушения, был тот факт, что паренёк с яруса выше уже не будет так распускать хвост. Харрис даже без механической руки уделал бы этого дохляка, но так получилось гораздо эффективнее. И что она только в нём нашла? Да уж, он в который раз осознал, что не способен понять женщин.

Он взял пачку яичного порошка, сполоснул сковороду, сбрызнул её маслом, а потом, пока она грелась стал растворять сыпучую белковую смесь в воде. Руку он ещё не помыл, решил сделать это, пока омлет будет жариться.

На пустую пока ещё кухню — она наполнится после конца рабочей смены — вошла всё та же девушка, которую он видел утром. Увидев кровь, она немного испугалась. Выразилось это только в том, что глаза её немного расширились на одно мгновение. Харрис в этот момент смотрел на неё, поэтому подметил этот невольный жест.

Он вылил омлет на разогретую сковороду, и кухня наполнилась приятным запахом. Потом он всё же смыл кровь и, вопреки правилам, закурил прямо на кухне.

Девушка, судя по всему, не работала. Может быть, растила ребёнка или ещё что-то. Но семья у неё определённо была многочисленная, потому что она взяла большую кастрюлю, подогрела воды и высыпала в неё аж пять пачек каши.

Харрис молча курил, потом снял сковороду с нагревателя и поставил прямо на стол.

Девушка тем временем помешивала кашу, а потом, неловко обхватив ручки тряпкой, попыталась убрать. Крис подоспел вовремя. Она обожглась и чуть не выронила весь ужин своей семьи. Уже по привычке он ухватил горячую кастрюлю правой рукой и удержал, при этом даже не поморщившись.

Глаза девушки расширились ещё больше, когда он, держа кастрюлю всего за одну ручку, поставил её на стол.

— Сядь и успокойся, — сказал он, снова доставая сигареты, — голодна?

Она отрицательно покачала головой, но всё же села напротив него за длинный стол. Смотрела на руку. Наверное, всё же ожидала увидеть покраснение на коже, хотя должна была подметить отсутствие каких бы то ни было следов, при том, что пальцы ещё недавно были окровавлены.

— Она ненастоящая, — сказал Крис, — отделяя вилкой небольшой кусочек омлета, — выдерживает даже триста градусов. А если не заботиться о резинке, то и все пятьсот. Потом датчики начинают дурить.

Она всё ещё с непониманием смотрела на него.

— Ты не можешь разговаривать? — спросил он, посмотрев ей в глаза.

— Могу, — осторожно ответила она.

— Отлично. Одной проблемой меньше. Как тебя зовут?

— Ноа.

— Отлично. А меня Крис. Рад познакомиться. Я тебя раньше не видел здесь, Ноа.

— Я вас тоже, Крис.

— Ну, учитывая, что эта посудина остановок не делает, то ты тоже тут с самого начала.

— Да. И мне надо идти.

— Конечно, — кивнул он, — семья ждёт ужин. Может быть, мне помочь тебе?

— Нет. Спасибо. Я справлюсь, — сказала она, поднимаясь.

— Как знаешь.

Она вновь обхватила ручки тряпкой и, убедившись, что на этот раз не обожжётся, подняла её.

— Спасибо вам.

— Не за что, — улыбнулся Харрис немного усталю, а потом вернулся к своему омлету, когда она, тихо шлёпая тапками по пластику, ушла.

Глупо было тешить себя тем, что эта мимолётная встреча что-то привнесла в его и тем более в её жизнь. Вряд ли она обратила на него внимание, не говоря уже о том, что не стоило даже надеяться на то, что она испытала симпатию. Так, ерунда. А ведь где-то в глубине души хотелось чего-то приятного и тёплого. Например, семьи, где ты, вернувшись домой, получаешь кашу, пусть и синтетическую, а не то, что получил сегодня Харрис.

Что бы там ни было, небольшая минутка доброты подошла к концу, и сейчас с ним наедине осталась только ненависть, захлёстывавшая его полностью. Он ненавидел себя, ненавидел Марси, её ребёнка, которого считал главной причиной того, что у них вообще ничего не складывается. Он ненавидел этот корабль и каждого, кто летел вместе с ним. Правда, если бы сейчас здесь был тот, кто спросил бы его о причинах этой ненависти, Харрис не нашёлся бы что ответить по большинству пунктов. Ну, себя понятно, Марси понятно, но остальные здесь были совершенно не при чём.

Адреналин отступал, и Крис уже о многом успел пожалеть. Например, о том, что поддался импульсу и сделал из любовника жены отбивную. Да, вряд ли ему что-то за это

будет, но всё равно как-то не хорошо. К слову, подобные моменты сожалений он тоже ненавидел. Ненавидел особенно. Сейчас ум, взявший верх над злобой, подсказывал ему, что было бы хуже, если бы он пошёл к Олли и рассказал членам его семьи, чем занимается их папа-муж. Хотя, с другой стороны, им тоже особенно некуда разбежаться, так что поругаются да помирятся. А от разбитой морды хоть какое-то удовлетворение.

Закончив с омлетом, Крис помыл после себя сковороду, а потом направился в курилку — небольшое помещение, где и положено было дымить сигаретами. Несмотря на то, что большая часть жителей нижних уровней имела эту вредную привычку, ограничения всё же были наложены. Правда, за ними никто особенно не следил. Так, на уровне ругани на общественной кухне в огромной коммуналке, имя которой нижние уровни корабля спасения. Что ни говори, прямо-таки государство в миниатюре. Свои низы, свои верха, кстати, разграниченные очень чётко и буквально. Свои средства поддержания порядка, жёсткие и мягкие. Хочешь жить — работай, и будет у тебя рацион. Ребёнка можешь отдать в школу. Если он получит хорошую специальность, возможно, при наличии места, будет работать на уровень выше тебя. Так, глядишь, к моменту высадки в потенциально пригодном для жизни мире твоя семья уже будет одной из самых выдающихся на корабле.

Правда, это Харрис был одним из немногих, у кого при наличии тёплого угла и рациона не возникало никаких, так сказать, «высших» намерений. Наверное, отчасти потому, что он знал, что может быть и гораздо хуже, а может, потому что над налаживанием жизни ещё предстояло работать и работать. Это было его высшим, раз уж ему удалось выбраться из жалкой лачуги на окраине промзоны. Здесь хотя бы воздушные фильтры одни на всех. Наверное, там, наверху, воздух дополнительно облагораживают, но Харрис уже одно отсутствие пыли и посторонних запахов считал благом. Ну а уж постоянное тепло и отсутствие ветра, продувающего насквозь, так вообще верхом комфортной жизни.

Но Скотт был не из таких. Сегодняшний разговор с ним это подтвердил. Он считал, что заслуживает большего. Вот к каким рассуждениям приводит тёплый угол, кусок синтетической пищи, да жена, греющая постель. Революция! Да, действительно, могло показаться, что внизу чернь впахивает, пока наверху люди занимаются в лучшем случае чистой работой, а желающие — так вообще ничем. Неудивительно, когда чернь стремится свергнуть элиту, но только для того, чтобы самой стать точно такой же элитой, и — о чём никто особенно не думает — тоже быть свергнутой. Харрис уже в армии осознавал, что роль шестерёнки не так уж и плоха. Например, он не смог бы принимать решения, которые так или иначе приводили бы к гибели солдат. Наверное, поэтому дальше рядового никуда и не ушёл.

Что же непосредственно до Аурэмо, то здесь всё было ещё проще. Не платить за билет может только чернь, которая будет обслуживать корабль и делать грязную работу. Можешь заплатить — хорошо! Уменьшенный день, при наличии квалификации — хорошая работа. Можешь много заплатить? Вообще нет проблем, нужно же оплачивать производство жестянки, так что вполне можешь считать это лёгким космическим круизом. Кури сигары, пиши картины, употребляй пищу с минимальными примесями синтетики. Непонятно правда, на каком таком особенном энтузиазме ты ломишься в дальний космос с компанией колонистов? У тебя и в обычной жизни на Земле всё вполне неплохо. Но кого это волнует, когда нужно хоть как-то двигать человечество вперёд, а что до большинства людей, то они в родном мире всё равно бы задохнулись или умерли от болезней.

Пожалуй, расслоение земного общества разве что не имело физического выражения, как

перекрытие между уровнями, а на деле было точно таким же чётким. Это Харрис и ему подобные могли сказать, что у человечества множество внутренних проблем, и с межзвёздными перелётами можно было бы и повременить, но те, от кого зависело конечное решение, думали иначе.

Харрис впервые задумался о полёте, когда увидел повсюду рекламу, и она его заинтересовала. Когда же он, почёсывая механической рукой титановую пластину в темени, стоял и смотрел на расценки, то отчётливо понял, кто и как заслуживает своё место. Корабль уже был построен, но места оставались — и в самых низах и среди элиты. Нужно же было заполнить баллоны кислородом, взять дополнительный запас топлива, склады забить органикой, да желательнее не абы какой, а ещё кучу всяких мелочей, начиная от синтезаторов по производству зубной пасты и заканчивая банальными многоразовыми салфетками. Он ничего из этого не купил, не заплатив за билет. Только побегал с оформлением брака да билетов для себя, молоденькой жены и ребёнка, которого назвал своим. Он, кстати, официально носит фамилию Харрис, но не гены Криса. Об этом он особенно не задумывался, но подсознательно это на него давило, хоть и не сказать, что сильно.

Пожалуй, единственное, в чём он был согласен со Скоттом, так это в том, что ему самому хотелось бы быть в составе колонистов, которые будут осваивать новый мир. Он не считал, что мог бы справиться лучше или хотя бы так же, не завидовал, что им их места оплатили другие. Просто, это было единственное, что придало бы его жизни хоть какой-то смысл. Да, можно послушать старика Гроула, постараться перенять его ценности, и тогда замена прокладок в том, что они называли дерьмопроводом, тоже будет казаться целью. Естественно, крутые парни тоже иногда ходят на горшок, который за ними кто-то должен выносить. Вот только здесь Харрис снова наталкивался на желание поддержать Скотта, но уже в том, что он способен на большее.

Революционного движения здесь, как такового не было, только спекуляции на кухнях да нелепые мечты перед сном, особенно после нескольких бутылок пойла. Однако свою потенциальную ценность для организации такого рода Харрис понимал — он мог держать в руках оружие. И не просто держать — он мог делать это лучше чем многие из тех, кого знал. Здесь были и другие ветераны, но настоящих пехотинцев, прошедших всю кампанию от и до, почти не было. Не нежелание участвовать в войне, а скорее катастрофические потери повлекли за собой такие последствия. Многие были невосстановимо ранены, поэтому на корабль не попали. Ну а большая часть тех, кто попал, являлась специалистами, так сказать, двойного назначения — связь, машины, корабли. Все, кто что-то знал, находились на пару-тройку уровней выше, и их угол был теплее, а кусок хлеба слаще. Так что в своём роде Харрис был уникален. Подумаешь, специализация полевая, а не бортовая, из-за чего ему и пытаться не стоило попасть в гарнизон. Важно само умение держать оружие и быть готовым его применить.

Если бы Скотт предложил ему убивать, он бы наверняка отказался, но это не значило, что Харрису не было интересно, чем вообще дышит и как живёт их движение. И вообще, сам процесс вербовки. А что до ненависти к верхам, то он её не испытывал и не думал, что испытает, если те, конечно, не начнут в конец наглеть. Пока не начали, так что надежда на лучшее имела право на существование.

— Вот ты где! — Скотт был лёгок на помине. Он быстрыми шагами вошёл в курилку, сел рядом с Харрисом и тоже поджёг сигарету.

— Потерял меня?

— Есть немного. И не только я.

— А кто ещё?

— Как кто? Жёнушка твоя. Она даже заходила к нам. Сама.

— Ох, неужто. Поддержку искала? Ах, Олли не успел кончить из-за Криса, я так недотраханная и осталась, поддержите меня в моём горе.

— Все ошибаются.

— Ещё хочу слышать фразу про то, что все мы грешные. Наверное, если бы Олли Гринвуд не должен был работать, также, как и все мы, то к нему можно было бы сходить за проповедью.

— Я знаю, — он улыбнулся, — и ты знаешь. Здесь уходить некуда, и права особо качать негде, так что наслаждайся его разбитой мордой и успокаивайся.

— Конечно, но ты не уйдёшь от главной темы.

— От пива?

— И от пива тоже. Но сначала скажи, ты знал о том, что он к ней ходит?

— Дора сказала мне вчера. Я сегодня сам хотел его подловить, но ты меня опередил. Как это Фил отпустил тебя раньше?

— Сегодня было непомерно много дерьма. Такое чувство, что все там наверху взяли и разом насрали на нас.

— Так оно и есть, но это лучше обсуждать не здесь.

Бар был небольшим. Да и баром его называли сугубо условно. Это было что-то вроде относительно просторной комнаты, где также стояли автоматы с пищевыми смесями и напитками. Здесь было лишь несколько столов, таких же, какие стояли в раздевалке, где Харрис каждый день надевал непромокаемый костюм поверх комбинезона.

— Поговаривают, что обычные нормы будут только первый год, а потом урежут.

Харкен отхлебнул пива и вытер пену с губ рукавом комбинезона. Соглашаясь прийти сюда, Харрис уже знал, какие разговоры будут вестись, но это было лучше, чем быть сейчас дома. Он вообще не представлял, как туда вернётся, но пока об этом ему думать не хотелось. Уж лучше слушать псевдореволюционные бредни, основанные на домыслах. Да, именно на них, потому что никто не мог достоверно сказать, каков будет даже завтрашний день на этой посудине, не говоря уже о том, что может произойти через год. Нет, всё здесь рассчитано на все случаи жизни вперёд. И органики хватит всем, и критических поломок не случится. Пожалуй, и революции сюда можно было смело отнести. Вряд ли кто на них был способен по-настоящему — так думалось Харрису.

— Один парень из механички может сделать неплохие самопалы, — продолжал тем временем Харкен, — и тогда мы сможем потребовать для себя что-то большее.

— Что скажешь, Хар? — посмотрел на него Скотт.

Что могли вызвать эти слова у человека, бывшего на настоящей войне? Средства правопорядка на корабле вооружены современным оружием, против которого даже неплохой самопал ничего не сможет сделать. Больше того, они имеют специализацию по действиям в условиях ограниченного пространства космического корабля. Что может противопоставить им сброд, который и сам по себе плохо стреляет, да ещё с оружием, сделанным из не пойми чего. Естественно, что такие бравые речи вызывали у Харриса — улыбку. Он вообще рассмеялся бы, но сдержался, поэтому лицо его приняло снисходительный вид.

— Что? — почти возмутился Харкен.

— А чем будут стрелять твои самопалы? — спросил Харрис, — спичками будешь поджигать и ждать, пока выстрелит? Ах, да, для этого же нужен порох, а кто тебе его даст? Тот парень из ботанички, который тебе сказал про нормы? Так я тебя успокою — у тебя в распоряжении в придачу к тем железкам есть только дерьмо, которое мы каждый день подгребаем.

— Да пошёл ты! — Харкен сказал достаточно громко, чтобы на них начали оборачиваться за соседними столиками, а потом сделал ещё один глоток.

Он был старше Харриса, причём намного — не меньше, чем на десять лет. Являясь типичным представителем низшего класса, он воспринимал всё слишком просто и даже наивно. Жизнь его не удавалась, но сейчас, безусловно, пошла в гору. Наверное, он тоже обрёл спутницу жизни непосредственно перед отлётом, потому что семьи на борт брали гораздо охотнее. В свете всего этого жизнь заиграла новыми красками, ну а дальше согласно пирамиде потребностей. Они достигали пика, но не понимали, что фундамент слишком зыбкий и держится как раз на том, что все они являются частями одной и той же единой системы.

Харкен больше ничего не захотел говорить. Он допил пиво разом и ушёл. Харрис

ожидал большей агрессии, чтобы пустить в ход те же революционные мысли, связанные с практически свободным распространением дешёвого алкоголя, но к этому прибегать не пришлось. Ему было бы интересно, как завсегдатай этого и подобных заведений может бороться с системой, следуя её правилам. Худшим из её правил, предназначенных для того, чтобы, по его мнению, его же лучше держать в узде.

— Ты чего, Хар? Я думал, мы думаем об одном и том же, — Скотт говорил уже тише, речи его были не так монументальны, и Харрис был больше склонен поддаться, но всё равно относился с пренебрежением.

— О чём? О том, чтобы начать резню и сдохнуть?

— Нет. Они обнаглеют, мы восстанем, выьем себе условия и всё. Ну, ты разве не хочешь жить на пять уровней выше, как этот Олли. Он что, лучше тебя?

— Ну, раз он нашёл деньги, то да. В данной ситуации лучше. Он и такие, как он, оплатили твой и мой рацион. Горькая правда жизни. Тем радостнее мне было бить ему морду.

— Хар, ты сам понимаешь, что ты сказал? Они оплатили, они и посчитают нужным отнять.

— Кто тебе это сказал? Харкен, который ходит в механичку? А тамошний работник отличается от него только тем, что умеет работать на станке?

— Ну и что. Это уже связи.

— Найди план и посмотри какие-нибудь неподписанные сектора. Вот где-то там есть настоящая оружейка. Мастерская, где работает специалист с хорошим рационом и привилегиями. Он может сделать что-то поинтереснее самопала, но он не будет, а тот, кто будет, не выточит тебе и двух болтов.

— Я думал, ты нас поддержишь. А ты вот как?

— Не надо только впутывать сюда личное, Скотти. Вы ведь ничего не знаете. Кто сказал, что рацион урежут? Тот парень? А от кого он узнал? Да там, на самом верху, если и захотят сделать что-то такое, то не планируют. Органики вдоволь, и она, мой друг, почти никуда не девается. Технологии, мать их.

— Но если что-то случится, ты с нами? — он протянул руку.

— Я с тобой, — он пожал руку, — но я больше всего хочу, чтобы ты не схватил пулю из-за крикуна, который не выставит свою жопу вперёд. Вот за что я. Делай свою работу и живи так, как ты решил жить. Тебя на цепях сюда никто не тянул.

Домой ему возвращаться не хотелось. Может быть, отчасти потому, что он называл своим домом место, которое таковым не являлось. Он старался затянуть момент их ухода из бара, но Скотт вскоре сказал, что им обоим завтра утром на работу, а Фил не любит запах, хоть их работёнка и пахнет в тысячу раз хуже перегара, которым от них может веять.

Харрис бы с радостью ещё прогулялся до курилки и посидел там, размышляя за сигареткой, но Скотт как будто бы хотел проследить, что он пойдёт именно домой. Пожав руку, он не закрывал дверь, пока Крис не ушёл к себе.

В комнате было тихо и темно. Он даже подумал, что Марси вместе с Карлом нашпатаки, куда сбежать от него. Однако не успел он обрадоваться мыслям об одиночестве, как из детской послышалось сопение. Она снова спала рядом с ним, и Харрис решил, что в этот раз всё будет честно. Он ляжет спать один, и это будет правильно и по-настоящему.

Он быстро разделся и прыгнул под одеяло. Почему-то ему стало невообразимо холодно, и хотелось поскорее укрыться. Сон не заставил себя долго ждать. Кода Крис отвернулся к

стенке, он почти сразу закрыл его глаза.

Что могло ему сниться? Обычная нормальная жизнь, где ты, может, и не хватаешь звёзд с неба, но на том уровне, на котором ты находишься, у тебя всё в целом неплохо. Жена тебе не изменяет, у тебя есть свои дети, работа, тёплый угол и кусок хлеба. Если вообразить, что ты находишься в холодном и враждебном тебе космосе, то ценность всех этих обычных вещей возрастала в разы.

Ему снились объятия жены, и ближе к утру он ощутил, что они настоящие. Среди ночи она осторожно легла к нему в кровать. Он чем-то её понимал — слишком долго заикливаться на ссоре в условиях, когда нельзя довести её до крайности, было нельзя. Но про себя он решил, что ни за что не простит её. Выйдет срок, она сама пойдёт работать, и тогда он подаст на развод. Ну а пока это было невозможно, всё равно приходилось терпеть.

Утром он как обычно принесёт ей три пачки каши, а сам отправится завтракать, а потом вновь выполнять работу, которой и должен оправдывать их нахождение здесь. Понимала ли его жена, на что он похож? Харрис с полной уверенностью ответил бы, что нет. Иначе, зачем ей было бы так поступать с ним.

В тот момент, когда Харрис уснул на собственной кровати, закончив тем самым сумасшедший и тяжёлый день, на верхних уровнях только начинали происходить судьбоносные события.

В отличие от низкоквалифицированной, но дешёвой рабочей силы низа, команда, управлявшая кораблём, была достаточно компетентной, однако внештатная ситуация, возникшая неожиданно, всё равно была достаточно сложной, чтобы пришлось созывать внеочередное собрание.

Обычно, если что-то происходило внутри, подобного не требовалось. Срочно поднималось начальство какого-то одного ведомства, и оно-то и давало приказ подчинённым решать проблему. Будь то неожиданная утечка кислорода во внешнее пространство, или повреждение силовой установки, из-за чего падало ежедневное ускорение, в перспективе сулившее отставание если не на годы, то уж точно на месяцы. То же самое нужно было бы делать и в случае бунта, но подобное пока было лишь в теории. Однако то, что сегодня стало причиной внеочередного собрания, да ещё и созванного поздней ночью, находилось за пределами корабля.

Руководитель миссии Рас Джеймсон, снял очки, потёр глаза и оглядел всех присутствующих. За продолговатым овальным столом в хорошо освещённом зале сидели все, кто занимал хоть сколько-нибудь руководящие посты. Руководители службы безопасности, навигационной, инженерной, медицинской служб и прочие. Высший совет миссии, если говорить по протоколу.

— Попрошу доложить господина Колмана, — сказал Джеймсон, убедившись, что здесь присутствуют все, кого он хотел видеть.

— Итак, — Колман, руководитель службы связи, высокий и щуплый мужчина, вытянулся вверх, подобно телескопической антенне, — два часа назад мы засекли странный сигнал. Учитывая, что его не удалось расшифровать, и даже само шифрование не похоже ни на один из наших или вообще каких-либо известных вариантов, мне не остаётся ничего, кроме как заключить, что он имеет внеземную природу.

Он говорил быстро, не слишком уверенно, но ни разу не запнулся. И вообще, служба связи считалась одной из самых ненужных на корабле, который находился в пустом пространстве, где не предвиделось никаких контактов. Единственной её полезной функцией была наладка местных информационных коммуникаций, из-за чего над её работниками иногда подшучивали, потому что эти функции с лёгкостью могла на себя взять более крупная инженерная служба. Так что раньше Колман не присутствовал даже на плановых заседаниях, ограничиваясь лишь короткими отчётами, которые в основном содержали в себе сообщения о том, что всё в порядке. Иначе и не могло быть на только недавно покинувшем верфи корабле, но сейчас вдруг важность службы связи возросла многократно. После слов Колмана не было в зале человека, кто не смотрел бы на него с ожиданием. На него, и на руководителя миссии, по совместительству бывшего капитаном корабля.

— Известно, от чего он исходит? — спросил Филипс, командующий гарнизоном, невысокий и полноватый, но очень строгий человек с военной выправкой.

— Объект достаточно мал, и нам пока не удалось засечь его визуально.

— Но сигнал достаточно мощный, — сказал Филипс.

— Именно так. Это дополнительное свидетельство того, что на нём используются инопланетные технологии.

— И что им нужно? — спросил он вновь, но Колман не спешил отвечать.

— Думаю, на этот вопрос господин Колман ответить вам не сможет, — сказал Джеймсон, — садитесь, могли бы и не вставать. Итак, господа. Первое, о чём я вас всех попрошу, так это не волноваться. Это важный момент нашей миссии, и настал он намного раньше, чем мы ожидали. Это событие, к которому мы должны отнестись очень и очень серьёзно, но, как вы понимаете, без дёрганья. Тем более, что это ещё не все новости.

— А что же ещё? — не унимался Филипс.

— Сигнал периодически повторяется. Мы послали ответ, но он после него не изменился. Это уже основание считать аппарат погибшим. Хотя, наверное, я слишком рано это предположил, — ответил Колман, посмотрев на Джеймсона.

— Да, пожалуй. Это немного портит ситуацию, но нам неизвестна их логика. Может быть, они рассчитывают получить в ответ что-то определённое, а может быть, мы просто не можем добить до них.

— У них сложный код? Двоичный? — спросил Кларк, руководитель инженерной службы.

— Нет. Троичный, насколько мы вообще смогли разбить его на составляющие. У них есть пропуски, есть сигнал и есть двойное повторение.

— Почему вы решили, что пропуски тоже являются составляющей?

— Если взять самый короткий и замерить его длину, то потом любой из длинных можно разбить на несколько коротких. Двойное повторение всегда выделено двойным отсутствием и одинарным промежутком между сигналами, так что и его можно выделить. Причём, точность поразительная, — ответил Колман, — нам даже не пришлось ни округлять ни предполагать. С большей вероятностью я могу сказать вам, что это наши приборы могут что-то неточно измерить, но в их коде всё практически идеально.

— Это, отнюдь, не значит, что он неземной, заметил руководитель отдела логистики Уотерс.

До этого момента он сидел и молчал, отблёскивая лысиной и очками. Он умел слушать, был категорическим педантом, любил перестраховываться, и никогда не действовал наобум.

— Но мы не используем такой код, — сказал Колман.

— И что? Это очень, надо сказать, неудачный код. Представьте себе помехи, и в таком случае двойной элемент вы можете принять за два единичных. Я понимаю, что в космосе это не так уж и страшно, но если экстраполировать этот принцип на цивилизацию в целом... И потом, между элементами должны быть пропуски, как вы решите, какой из них является элементом кода, а какой нет?

— Все они являются.

— Я бы воспринял это как какую-то шутку. Издёвку, — Уотерс посмотрел на Джеймсона, — хоть принцип и не наш, они опираются на наши наработки.

— Скажите, Колман, — по-доброму улыбнувшись, сказал Джеймсон, — вы отследили направление, с которого исходит сигнал?

— Конечно.

— Может это быть какой-то шутник, находящийся в пределах гелиосферы.

— Нет. Сигнал движется извне. И сам объект движется так, как будто бы просто попал под действие гравитации Солнца, а не стремится приблизиться к нам. Это дополнительно

подтверждает предположение о том, что он, к сожалению, погиб. Но мы ведь всё равно должны исследовать его.

— Да. Так гласит протокол, но у нашей миссии несколько другая цель, — сказал Уотерс, — мы потеряем скорость, приличную часть которой набрали благодаря гравитационным манёврам, которые, как нетрудно догадаться, мы не сможем повторить.

— Я понимаю, Алистер, — Джеймсон улыбнулся своей обычной улыбкой, — но в протоколе есть упоминания инопланетных объектов, которые мы можем встретить на этом неблизком пути. Так уж вышло, что мы встретили его быстро и неожиданно, но это не значит, что не надо обращать на него внимание, раз уж он находится ближе к Земле, чем к пункту нашего назначения.

— А вот тут я позволю себе с вами не согласиться, господин командующий, — он тоже улыбнулся, но с долей ехидства, как будто бы говоря таким образом, что знает больше Джеймсона. И это во многом на самом деле так и было, — его нахождение на небольшом расстоянии от гелиосферы позволяет нам ограничиться отправкой соответствующего сообщения на ближайшую земную станцию, а они уже будут принимать решения по поводу его исследования.

Он бы ещё добавил что-то в духе «и вы знаете, что это правильно», но воздержался. Он лишь хотел публично напомнить, что, действуя по своему усмотрению, господин Джеймсон серьёзно рискует успехом миссии, и хотел таким образом переложить всю ответственность на него.

В свою очередь Джеймсон, разумеется, хотел бы исследовать объект. Может статься, что даже один кусок технологии, вырванный из контекста целой цивилизации, может помочь землянам обрести второе дыхание и окончательно наладить собственную жизнь. И это были только общие причины, а ведь имели место ещё и личные — кому не хочется вступить в первый контакт с инопланетянами. Если объект достаточно мал, то их гарнизон может оказаться серьёзной гарантией того, что боевое столкновение — если таковое случится — завершится в пользу землян. А если же его не будет, то это ещё лучше. Мирный контакт или просто завладение объектом тоже очень весомый вклад в процветание земной цивилизации. На этом фоне, потеря даже нескольких лет для миссии из-за сброса скорости, выглядит незначительной. Всё равно в пути придётся провести не одно столетие. Зато сколько они могут приобрести!

— Попрошу высказаться господина Филипса, — сказал Джеймсон.

Командующий гарнизоном несколько удивился, что его слово имеет здесь такой вес, но быстро справился с этим удивлением. Джеймсон намеренно спросил его, зная, что тот мыслит примерно также. Хоть земная цивилизация и начинает медленно вставать с колен, приток свежих технологий ей не повредит. Тем более, даже Колман подтверждает их наличие.

— Я считаю это возможным, — сказал Филипс, — если я верно помню, в дальнейшем, мы имели бы право даже на небольшие отклонения от курса, не говоря уже о торможении, без которого исследование объектов невозможно. Представляете, какой будет наша скорость уже через десять лет? И нам всё равно пришлось бы от неё отказаться.

— Именно об этом я и хотел сказать, — Джеймсон посмотрел на Уотерса, — и потом представьте, Алистер, мы сделаем этот шаг для землян быстрее. И кстати, что, если этот объект просто пролётом здесь? Пока мы пошлём сигнал, пока наши соотечественники его получают, пока соберут миссию и вышлют её, а? Это может быть единственный шанс

установить контакт. И представьте, если объект терпит бедствие, а мы окажем ему помощь, насколько это отличное начало новой дружбы наций!

Уотерс, конечно же, считал всё это глупостью. Не исследования космоса и установление контакта с новыми цивилизациями в принципе, а именно то, что происходило сейчас. Он справедливо полагал, что каждый должен находиться на своём месте, и их миссия должна двигаться дальше, а другая, специально созданная, заниматься исследованиями неизвестного аппарата, предположительно — инопланетного. Но что он мог доказать главному?

— Я поддержу любое ваше решение, — главный логист миссии улыбнулся.

Конечно, теперь, когда ответственность не лежит на нём, он может спокойно наблюдать. Получится удачно — тень славы падёт и на него. Получится неудачно и миссия провалится — он же предупреждал, что каждый должен быть на своём месте, и такими исследованиями должны были заниматься специально подготовленные специалисты. Как ни крути — всё складывается неплохо.

И потом, всё ещё может измениться. Завтра выяснится, что объект огромен, и что выходить с ним на контакт может быть для них чревато, так что так или иначе придётся сообщить на Землю и двигаться дальше, и то, если получится. Но верить всё же хотелось в лучшее. Если они могут так легко погибнуть здесь и сейчас от рук инопланетян, или что там у них выполняет хватательные функции, то дальше в космос можно вообще не пытаться сунуться. За это Уотерс был спокоен. Верил ли он в судьбу? Возможно. Он не боялся сгинуть, если это суждено, а сейчас от его решений ничего не зависело. Он лишь мог сделать так, чтобы корабль функционировал даже в повреждённом состоянии, но всё же надеялся, что до такого не дойдёт.

— Итак, — чуть ли не с победным Видом продолжал Джеймсон, — я попрошу навигационную службу рассчитать торможение, чтобы мы смогли провести исследование объекта. Инженерную службу прошу подготовить корабль, а гарнизон приготовиться к поддержке. Кто знает, что от них можно ждать?

Как не хотели бы капитан и его приближённые скрыть факт того, что их корабль совершает торможение, теряя весь набранный расчётный разгон, им пришлось делать это открыто. Помимо ночного включения отрицательных ускорителей в шадящем режиме, было назначено ещё и дневное, или, точнее, вечернее, которое должно было отнять у корабля наибольшую часть скорости, чтобы потом, ночью, добрать остальное, а к следующему вечеру выйти к объекту.

В ту ночь Марси снова прижималась к Харрису, да ещё и держа Карла. Как будто бы в ней проснулось нешуточное суеверие, что раз происходит торможение, о котором никто ничего не знал заранее, значит, это не к добру. Сам Харрис так не считал, но и предложить что-то в ответ не мог. Он не знал, чем вызвано сие мероприятие и даже не пытался теряться в догадках. Явно что-то нашли, но что именно? Что-то важное, раз решили остановиться. Если им когда-либо нужно будет знать подробности — им их сообщат со всем восторгом и трепетом, которые эта новость только будет заслуживать.

Примерно с этими же мыслями он сидел и молча курил утром в раздевалке, слушая рассказы своих коллег. Они начинались тем, что кораблю было приказано остановиться, потому что началась новая война и их миссию прекращают, и заканчивались тем, что этого потребовал новый сверхмогущественный разум, живущий, как оказалось за пределами Солнечной Системы. Он, дескать, настолько могучий, что запретил землянам и нос высовывать из своей гелиосферы, и теперь их точно отправят назад.

Харрис ощущал, как во многих проснулось желание вернуться домой. По его мнению, большая часть слухов была придумана именно в таком духе только поэтому. Миссия оказалась совсем не тем, чего ждали эти люди, на что они надеялись. Хлебнув сполна изоляции, синтетической еды, грязной работы, за которую даже не дают фактических денег, и не будут давать первые пять лет, пока рабочие не окупят свои билеты.

В этом свете им неожиданно стало казаться, что дома лучше — если что, иди куда хочешь. Можно и подзаработать на стороне, и загулять как следует, и всё в этом же духе. Относительно загулов Харрис испытывал только положительные эмоции в связи с неожиданным торможением. Всё дело в том, что в узких коридорах и углых комнатках тонкостенных жилых секторов любой крик многократно отражался и начинал блуждать. Естественно, и причины этой выходки, и прочие подробности стали известны всем, кто удосужился проявить хотя бы вялый интерес. Наверное, остановились новости о неверной жене только там, где никто не знал, кто такие Крис и Марси Харрис. Он лишь надеялся, что о супружеской неверности стало известно и жене Олли, и она, раз уж не могла уйти, то хотя бы устроила ему серьёзную взбучку.

Конечно, как испущенный однажды звук не мог вечно отражаться от преград, так и слухи о чьей-то постельной жизни не жили бы в коридорах и углах станции вечно. Харрису нужно было лишь немного сбавить чувствительно ушей, чтобы не слышать шёпотки за спиной, и ждать, пока это станет не интересно никому вообще, и люди быстро переключатся на информацию из чьей-нибудь ещё спальни. Но сейчас всё вышло даже ещё лучше — ничья спальня не понадобилась вообще. Одно торможение — и все только о нём и говорят.

— Не страшно потерять часть гарнизона, — сказал Скотт, — вон, мы отдадим им Хара, он любого инопланетянина поставит на место. Так ведь?

— Если только с тобой на пару, — отшутился Харрис.

На деле же, так рассуждать мог только дилетант, ну а кем, если говорить грубо, мог быть простой парень из рабочего района какого-нибудь захолустного города дальней промышленной зоны? Тут даже не было ничего обидного — сухая терминология. В космос он никогда толком не летал, не говоря уже о том, чтобы встречать когда-либо настоящих инопланетян. Их он видел только в школьных учебниках по космологии. После школы Скотт, как и многие ему подобные, перешёл в училище, где космологии, скорее всего, не было вовсе. И дело даже не в конкретных видах инопланетян, встреченных когда-либо землянами, а скорее даже в общем принципе всех тех, кто имел отношение к пространству, находящемуся за орбитой планеты — в космосе бывает всякое. Харрис, будучи однажды солдатом, причём неплохим, хорошо усвоил этот принцип, неоднократно оплатив его кровью.

— А может быть так, что это кто-то из наших старых знакомых? — глагольствовал старик Гроул, — как думаете?

— И с чего нам тогда останавливаться? — поморщился Скотт, — проскочили бы их и всё, а армия пусть решает.

— Видать, нельзя было. Да и чем твой гарнизон хуже армии, а? Вмажем по ним на подходе, а потому уж точно армия дорешает.

— Не, — покачал головой Скотт, — не обижайся, старик, но ты херню несёшь.

— Вот увидишь, — ехидно заметил Гроул, — а ты чего молчишь, Хар? Мы же на граполовском направлении. Это могли быть они.

— Если я правильно помню, — ответил Харрис, жмурясь от дыма, который попадал ему в глаза от того, что сигарета его была очень короткая, — немного не туда, и если прикинуть, куда мы уже улетели, то вряд ли это они.

— Да ну тебя, — буркнул старик, — я уж думал, хоть ты всё понял.

Харрис пожал плечами и улыбнулся. К счастью, вскоре утренний трёп был закончен, и они разошлись по рабочим местам. Слухи, хоть и распространились, хоть и были самыми разными и порой подробности, возникавшие в ходе многочисленных пересказов, противоречили друг другу, никто не запаниковал и даже не испугался. Максимум, возникло напряжение, но и оно было связано не с предвкушением опасности, а скорее, с ожиданием чего-то, возможно, доселе неизведанного. Скорее всего, именно такого, иначе, зачем было так экстренно тормозить и терять время, которое скомпенсировать теперь будет не просто сложно, а невозможно.

Но то было уделом простых рабочих вроде Харриса, которые посудачили на перекуре и пошли по своим делам. Те же из жителей нижних уровней, кто не был занят на работах, примерно настолько же был погружен в бытовые заботы о том, как сделать получаемый рацион максимально пригодным для еды, по возможности немного сэкономить, и всё в таком же духе.

Но по мере подъёма, приоритеты менялись. В относительно тихих мастерских более высоких уровней и обсуждения были не такими громкими, но те люди были более грамотными по части космологии. На более высоких уровнях были даже профессиональные космологи, но самое главное, там и слухи были достовернее. Они ещё не успели передаться через несколько уст, чтобы начинаться со слов «я слышал», да и тем более, каждый руководитель своего подразделения пытался постараться по-своему проанализировать сложившуюся ситуацию. Поскольку самолично это сделать им возможным не

представлялось, приходилось подключать специалистов, которым, чтобы получить точный анализ, и данные нужно было представить точные.

Эти специалисты волновались уже больше, во многом в силу того, что способны были отчётливее осознать ситуацию, в которой все они оказались. Но очаг волнения, его эпицентр, приходился, конечно же, на гарнизон, особенно на группу, которой непосредственно предстояло устанавливать первый контакт с инопланетянами. Когда все остальные ложились спать, у них всё только начиналось.

— Не тычьте оружием в кого попало, — инструктировал Филипс старшего офицера Маркина, — но в то же время оно всегда должно быть наготове. Мы ведь не знаем, кого там встретим.

— Может быть, первым пойду я и вообще без оружия, а ребята прикроют? — предложил старший офицер.

— Нет! — строго ответил Филипс, — самое большое, что я могу допустить, это если ты просто уберёшь автомат за плечо, но вообще без него — это уж уволь. Если бы они были гарантированно мирными, то ещё куда ни шло, а раз уж они дают странный код и вообще никак не реагируют на наши попытки с ними связаться, то должны понимать, что мы тут испытываем.

— Хорошо, — кивнул Маркин.

Остальные четверо бойцов, которые должны были идти непосредственно следом за командиром, тоже согласно покивали. Естественно, никто из них не хотел идти в космическую неизвестность, полную потенциальных опасностей, без оружия. Это верхушку интересовали политические вопросы — аспекты установления контакта, то, какими будут дальнейшие отношения с вновь открытой цивилизацией, насколько это сотрудничество будет выгодно для землян и тому подобное. Простых же солдат больше волновал момент непосредственно выхода. Среди них самым популярным был слух, что, дескать, высшее руководство не может направить их на данный вид работы, но офицеры всячески пресекали подобные разговоры. Да, они сами проявляют инициативу, но угроза может исходить и извне, а не обязательно изнутри корабля, и бортовая специализация бойцов предусматривает и это тоже.

Все рассчитывали на лучшее. Оно, это лучшее, в зависимости от склада ума и личных характеристик людей находилось где-то между установлением успешного контакта, благодаря которому они войдут в историю, и возможностью того, что корабль инопланетян окажется пуст и безжизненен.

— Может быть, они сами уже мертвы, и надо быть начеку. Может быть, на самих них кто-то напал, — подтверждал эти слухи Филипс, продолжая инструктировать подчинённого старшего офицера — сам понимаешь.

Филипс участвовал в третьей космической войне в качестве младшего офицера и даже бывал в серьёзных ситуациях. Конечно, галарианцы не тот пример инопланетян, по которому можно писать отдельные главы в учебнике космологии, но он чётко усвоил основные принципы боевой космической деятельности и без них.

А вот Маркин был уже, что называется, свежего поколения. Войну он встретил в учебке. Продлилась она на полгода дольше, и он тоже формально мог бы считаться ветераном, но в этом плане ему не повезло, и все аспекты войны и вообще противоборства в условиях космоса он знал только благодаря теоретическим занятиям и редким учениям. Они тоже были в основном сугубо условными, потому что проводить их было особенно не на что.

Война поглощает ресурсы с огромной скоростью, и нехватка их ощущается ещё долгое время и после неё. Так что опыта у него было не слишком много, но если судить так, то он вообще мало у кого был.

— И если случится что-то серьёзное, сразу отступайте, занимайте позиции и зовите вторую группу.

— Да, — кивал Маркин.

Вторая группа должна была ждать их во внешнем помещении шлюза. В ней, в отличие от первой, должно было быть десять человек, среди которых два пулемётчика и ракетчик, на случай, если вдруг придётся спешно отступить и потребуются насильно запечатать врагам выход с их корабля. Военный человек, Филипс всё делал по-военному. Другой руководитель миссии, чрезмерно озаботившись дипломатией, мог не разрешить подобных мер, но Джеймсон предоставил ему полную свободу действий, взяв лишь слово офицера, что тот не будет стрелять в первый же момент, как что-то завидит. Глупо было бы получить возможность установить серьёзный межзвёздный контакт и не реализовать эту возможность из-за неаккуратного поведения боевого офицера. И Филипс и Маркин были с этим согласны. И момент, когда нужно было всё сделать именно так, как они договорились, приближался.

Корабль имел форму, чем-то напоминавшую яйцо, только яйцо, имеющее три грани, как у пирамиды, сверху и полусферу снизу. Острые углы были сглажены, а вся поверхность была изрисована разнообразными узорами, как будто это был не космический корабль, а декоративное геометрическое тело.

Гигант Аурэмо сначала сделал два круга вокруг неизвестно объекта, который по сравнению с ним был малюткой. В это время специалисты связи пытались наладить дистанционный контакт. Сканировали частоты и спектры, посылали сообщения и световые сигналы. Ничего. Только повторяющийся с равной периодичностью один и тот же сигнал. Многие уже начинали опасаться, что для открытия потребуется инженерная служба и уйма времени. Джеймсон, которому увиделось нечто зловещее в узорах, покрывавших объект, всерьёз размышлял над тем, чтобы вообще отказаться от первоначального плана, хоть это и казалось ему глупым после того, что они проделали ради этого контакта. Однако в любом случае, даже если придётся вызывать инженеров с газорезкой, сначала всё должны обследовать бойцы гарнизона во главе со старшим офицером.

Выдвижная секция шлюза, на космическом жаргоне называемая просто присосоккой, выдвинулась вперёд, и соединилась с корпусом инопланетного корабля в месте, которое с наибольшей вероятностью было входом внутрь. Оно выглядело как несколько концентрических кругов, перечёркнутых тремя отрезками, равноудалёнными друг от друга.

Изображение с камеры на шлеме Маркина транслировалось в информационный зал главной лаборатории, где собрались лучшие умы миссии. Обсудить было что, но пока все пребывали в молчании, боясь из-за разговоров пропустить что-то очень важное.

— Я не учёный, — заметил Маркин, приближаясь к входу в корабль, — но эта штука очень старая.

Его слова подтвердил бы любой человек, имеющий даже относительно небольшие знания по космологии и сопряжённым наукам. Обшивка корабля была бурого ржавого цвета и помимо крупных узоров несла на себе следы множества мелких столкновений. На земных кораблях, даже достаточно долго курсировавших по космосу без косметического ремонта, их было не в пример меньше, что самым логичным образом наводило на мысль о возрасте.

— Пытаюсь найти какой-нибудь механизм, который отопрёт эти ворота, — продолжал меж тем офицер.

То, что издалека выглядело просто как концентрические круги, было промежутками между створками. Сложно было угадать, как именно работает этот механизм, но они каким-то образом должны были вдвигаться друг в друга при открытии. Оставалось только надеяться, что спустя немаленький срок, на протяжении которого этот корабль дрейфует в пространстве, этот механизм всё ещё функционирует, и, больше того, что им удастся найти рычаг, приводящий его в действие, если его вообще можно открыть снаружи.

В центре кругов находилось отверстие, которое оказалось настолько глубоким, что снаружи при помощи обычного освещения не было видно, что находится внутри. Маркин достал фонарик и осветил внутрь. Он не успел доложить на командный пункт о том, что видит там что-то, что отражает свет, потому что створки содрогнулись.

Старший офицер и остальные бойцы невольно отступили назад на два шага и нацелили оружие на открывающийся вход. Учёные, наблюдавшие за процессом из главной

лаборатории, тоже не проронили ни слова. Всё также боялись упустить что-то интересное. У них ещё будет время это обсудить, но сейчас лучше получить как можно больше данных. Бойцы ведь на многое не обратят внимания.

За воротами сложной конфигурации, которые частично ушли внутрь корабля, а потом раздвинулись в стороны, находился вполне обычный коридор эллипсоидной формы, вытянутый вверх. Если предположить, что инопланетяне делали его под свой рост, то они были гигантами, потому что для человека такая высота потолков была избыточной. Логично было бы предположить, что это грузовой шлюз, но опять же, если сравнивать с людскими конструкциями, коридор был слишком узким. Да и вообще, шлюзом его назвать было сложно, потому что после одной единственной перегородки сразу начиналось пространство корабля.

И оно, это пространство, тоже выглядело старым, что было вполне логично. Металл, которым был отделан коридор, потемнел и покрылся бурой коркой. Тяжёлые сапоги Маркина ступили на ржавый решётчатый пол, и отзвук унёсся вперёд, отражаясь от стен. Всё вокруг было влажным, а термометр фиксировал температуру почти в пятьдесят градусов Цельсия. Гравитационный датчик же, как будто в противовес, высвечивал показатель, равный восьмидесяти пяти процентам от земного.

Но старшему офицеру не нужно было спрашивать учёных, чтобы понять, что это вполне нормально. Во-первых сами инопланетяне могли жить в таких условиях, а во вторых это могло быть естественным результатом сбоящих систем энергообеспечения и контроля климата. В пользу второго варианта говорило ещё и то, что влажность и температура могли быть составляющими условий нормальной жизнедеятельности, а вот ржавчина на полу и стенах — нет. Сложно было бы представить разумную форму жизни, способную на межзвёздные перелёты и в то же время так наплеватьски относящуюся к собственному кораблю. Нет, здесь явно что-то не так.

Шлюз в этом проходе всё-таки был. Сначала анализатор скафандра фиксировал отсутствие атмосферы, потом подал сигнал о прохождении сильного электромагнитного поля, а потом сообщил, что вокруг появилась атмосфера. Она состояла из углекислого газа и азота, кислород практически отсутствовал. Это тоже могли быть условия жизнедеятельности инопланетян, тем более, что после наличия заслонки, имеющей как минимум электромагнитную составляющую, стало ясно, что энергия в корабле есть.

Это подтверждалось по мере продвижения вперёд. Система энергообеспечения хоть и сбоила, повышая температуру во всём свободном пространстве, но точно функционировала. Через налёт, представлявший собой смесь ржавчины, влаги и ещё какой-то непонятной субстанции местами проглядывали светильники. Даже если бы Маркин и его подчинённые выключили фонарики, по кораблю можно было бы передвигаться и, если приглядеться, даже обозревать окружающее пространство.

Наверное, так оно даже казалось бы не таким зловещим. Но это впечатление точно продержалось бы недолго, потому что когда они вышли в относительно широкий коридор, встречавшийся с первым, то в стороне увидели нечто, что сначала приняли за кучу мусора, коим это нечто, конечно же, не являлось.

Учёные пришли к выводу, что это некая питательная органическая смесь, поверх которой проросло нечто, что напоминало коричневые помидоры, кожура которых была очень натянута. Настолько, что, казалось, она от-вот лопнет. Не было видно, откуда они растут, но никто не стал бы спорить с утверждением, что перед ними живое существо, пусть

даже и выяснится, что по своей организации оно ближе к растениям.

Формацию тщательно осмотрели со всех сторон, снимая на камеры, чтобы потом учёные могли изучить всё подробнее. Сейчас на это никто не обращал внимания, но находка внесла большие коррективы в версии о том, что произошло с кораблём. В том, что он является погибшим, уже не оставалось сомнений — вряд ли бы хоть сколько-нибудь разумная форма жизни терпела бы такое препятствие в одном из своих коридоров. И раз уж они погибли, то причиной гибели, скорее всего, и стали эти существа непонятного пока что вида. Продвигаясь дальше, Маркин очень надеялся, что им не потребуется брать образцы. Сам он боялся даже прикоснуться к тому, что было так похоже на помидоры, хоть и не росло на веточках, а облепило целую кучу непонятного вещества.

Структура корабля оказалась очень проста. По его периметру находились коридоры, выходящие к шлюзам наподобие того, через который внутрь вошла земная группа — всего таких шлюзов было три — по числу граней — а в других местах были похожие ворота, ведущие в центр. Не без опаски Маркин посветил в центральное отверстие, чтобы открыть ход, и то, что он увидел сразу за дверью, не обрадовало его.

Сложно было представить себе структуру и вообще механику этого корабля, но если судить очень грубо и учитывать общую площадь помещений, то место, в котором они сейчас оказались, должно было одновременно быть и центром управления и местом, где находились пилоты — кабиной это сложно было бы назвать — и всем остальным. Однако масштаб — это единственное, что он смог представить, поскольку всё пространство, до куда хватало глаз, было заполнено уже известными «помидорами».

Возможно, здесь были компьютеры, пульта управления движением, вентиляцией, распределением энергии и прочим, но форма их была стёрта всё той же неизвестной субстанцией, покрытой характерными наростами. Наверное, если бы группа людей не видела то пространство, которое занято этой инопланетной биомассой, а только лишь часть, высвеченную фонариками, им не было так жутко, но им помог всё тот же тусклый свет, позволявший представить масштабы трагедии.

— Думаю, контакт устанавливать не с кем, — заметил старший офицер.

Никто ему не ответил. Маркин повернул голову и посмотрел примерно в том направлении, где они видели кучу в коридоре. Не возникало сомнений, что туда эта субстанция вырвалась из этого центра. Чем бы она ни была, однажды она поглотила этот корабль вместе с его обитателями, от которых сейчас уже вряд ли что-то осталось. А теперь она его переваривала. Имея в союзниках время, она могла одолеть и железные перекрытия и более ответственные детали сделанные из прочных материалов.

— Нам нужно взять образцы, — первым попросил кто-то из учёных.

— Я не уверен, что стоит это делать, — возразил Маркин, — эта штука, несомненно, погубила их, и мы не можем рисковать успехом миссии.

Учёный замолчал. Наверное, отключив связь, говорил со своими высоколобыми коллегами. Конечно, для них это просто биомасса, которая хоть и одолела инопланетян — возможно, более развитых, чем земляне, — всё же не представляет серьёзной угрозы, и с нею можно справиться стандартными карантинными методами.

— Возвращайтесь в шлюз, — сказал тем временем Филипс, и у старшего офицера Маркина сразу отлегло с души.

Объект оказался мёртвым, уничтоженным неизвестной формой жизни, и у его руководителей так или иначе хватило мозгов для того, чтобы сейчас просто отчалить, не

обращая внимания ни на что, в том числе и на своё желание установить с этой формой жизни контакт, изучить её и сделать вклад в науку.

Однако радость эта продолжалась недолго. Ровно до того момента, как они вошли в шлюз. Корабль успел показаться таким родным и навеять мысли о том, что всё позади, как старший офицер увидел бойца, который держал в руках защищённую среду, и означать это могло лишь одно.

— Кто распорядился? — спросил Маркин.

— Я, Грег, — сказал Филипс, — нам нужно три штуки, не больше.

— Хорошо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В другой ситуации, будь они наедине, Маркин бы возразил командиру, и, возможно, его доводы оказались бы приняты, но сейчас он не хотел нарушать субординацию публично, да и сомневался он в том, что это было решение самого Филипса. Это Джеймсон, любитель творить всяческие авантюры, особенно, не своими руками. Да и учёные, конечно, добавили маслица. Не всё же им исследовать, как ведут себя растения в оранжереях и животные на миниатюрных фермах. Это форма жизни, настоящая, инопланетная и серьёзная, раз стубила целый корабль, по технологиям превосходящий земной. От себя Маркин добавил бы, что эта форма жизни ещё не столько опасная, сколько, скорее всего, коварная. Одной только опасности было бы мало для того, чтобы вырваться на свободу, учитывая возможности тех существ, которые когда-то бороздили местные просторы. Они явно не из Солнечной, а значит, совершили межзвёздный перелёт на этой посудине, что, если опираться на один лишь размер, в эту эпоху земного развития было сложно представить. Тем не менее, факт оставался фактом, и Маркин на месте высокоуровневых умников подумал бы три лишних раза, прежде чем отдавать такого рода приказы.

— Мы справимся быстро, командир, — боец, державший в руках среду, подошёл к Маркину и кивнул ему.

— Хорошо. Ты идёшь рядом со мной, остальные четверо прикрывайте. Работаем по стандартной схеме.

И хотя все уже знали, что эти полукруглые наросты и могут быть опасны, они не набрасываются на людей, порядок должен был соблюдаться. Бойцы гарнизона вновь построились и выдвинулись внутрь инопланетного корабля.

Хотя никто не ускорялся намеренно, до цели, коей являлась куча коридоре, добрались быстрее, чем в первый раз. Магнитная заслонка, сберегавшая атмосферу корабля, уже не казалась чем-то таким уж необычным, как и наличие гравитации. Но тем не менее Маркин не позволял своей бдительности притупляться. По его приказу бойцы окружили кучу, а он встал рядом с тем из них, который должен был брать образец.

Его подчинённый поставил герметичную среду на ржавый пол, потом долго откручивал большую крышку сверху. Он как будто бы откладывал ответственный момент, когда кто-то должен будет прикоснуться к этим наростам, взять три из них и положить внутрь герметичного сосуда. Маркин вдруг задумался, смог бы он сам это сделать, или хорошо, что есть боец, который будет ему подчиняться? Желание победить самого себя в конечном итоге пересилило.

— Давай я, — сказал Маркин, убирая автомат и протягивая руку, облачённую в плотную перчатку.

— Вы уверены?

— Да. Держи среду и будь готов, если что, помочь мне.

— Есть.

Боец достал пистолет, приготовившись, в случае необходимости выстрелить. Это была большая ответственность — стоит промахнуться, и можно серьёзно ранить старшего офицера, за что, конечно же, по голове не погладят, особенно если учесть условия, в которых они находятся — враждебная атмосфера и угроза биологического заражения. Здесь каждый из присутствующих каждую мелкую единицу времени, которую способен был воспринять, радовался тому, что его скафандр герметичен.

Медленно и осторожно поднося руку к инопланетной материи, Маркин уже подумал и о том, каким оно будет, это прикосновение к чему-то чуждому? Мягкие они или упругие? Лопнет ли «помидор» от одного касания, подобно гнойному нарыву или окажется настолько прочным, что его непросто будет раздавить даже при желании?

Первым ощущением было сжатие. Существо отреагировало на прикосновение и сгруппировалось. Если бы фрукты на деревьях были разумны, они, наверное, вели бы себя примерно так же — старались удержаться, сопротивляясь человеку, желающему их сорвать. Однако, учитывая слабость их крепления к ветке, у них бы вряд ли получилось, в отличие от того, с чем сейчас имел дело Маркин.

Представитель инопланетной жизни сжался и углубился в кучу. Увлёкшись желанием его оторвать, старший офицер запустил пальцы по его бокам и попытался схватить. У него получилось, и, причём, он очень крепко удерживал достаточно упругий шарик, вот только при попытке потянуть его на себя, тот едва подавался, и скорее пальцы человека соскользнули бы, чем он расстался со своей питательной кучей.

— Я помогу, — сказал боец, стоявший рядом.

Прежде, чем Маркин успел ему возразить, он отодвинул два соседних шара, отчего тот, который удерживал старший офицер, пошёл легче. На поверхность вышел большой отросток, напоминавший корень. Он был раз в пять длиннее самого существа, которому принадлежал. Пожалуй, даже если бы командование приказало бы собрать больше трёх образцов, только три и поместились бы в эту среду, учитывая их истинные размеры, открывшиеся только сейчас.

Второй и третий шары извлечь удалось проще. Маркин действовал смелее и тянул с большей силой. Он знал, что кажущаяся хрупкость обманчива. Казалось, что корень вот-вот оторвётся, но нет — существо оказалось очень прочным.

После того, как три образца оказались в контейнере, Маркин выдохнул спокойно. Однако чувство это длилось ровно до того момента, как они все подошли обратно, к шлюзу. У него внутри возникло стойкое нежелание тащить эту дрянь на свой корабль. Что если бросить эту среду обратно? Она разобьётся, эти твари погибнут, или смогут добраться обратно к питательной куче и занять свои места. Ему это было не интересно — лишь бы знать, что на этом корабле находятся только люди и то, что гарантированно не причинит им вреда. Насчёт же этого — он не знал, как корректнее назвать образец — он совсем не был уверен.

Тем не менее, он ничего не предпринял, и они ступили в свой шлюз. Всем бойцам стало немного спокойнее. Ими овладели расхожие мысли о том, что если бы это существо могло бы убить их, оно сделало бы это ещё там, в корабле, находясь в численном превосходстве. Сейчас же, разве они не справятся всего с тремя особями? Никто не подумал о том, что у прежних хозяев ныне погибшего аппарата это не получилось.

Внешние створки шлюза закрылись, и началась первая стадия очистки. И хотя радиационный фон отсутствовал, поверхность скафандров бойцов мылась с особой тщательностью. Маркину это очень нравилось. С его-то боязнью принести что-либо на свой корабль эта процедура казалась крайне важной. Сначала в первую камеру шлюза прошёл боец с контейнером. Против этого тоже никто не возражал — никому из присутствующих не хотелось бы находиться в близости с потенциально опасной формой жизни.

Очистка прошла отлично. Боец поставил среду в контейнер с дополнительной защитой и направился снимать скафандр. Когда во вторую камеру вошла пятёрка бойцов, которые не были на инопланетном корабле, всё прошло ещё проще. Не требовалась дополнительная очистка, нужная, чтобы обезвредить контейнер, который точно содержал на себе следы инопланетной среды.

И вот когда в шлюз вошли Маркин и его пятёрка, с которой он ходил на корабль, система тут же просигнализировала о серьёзной угрозе предположительно биологического происхождения.

— Спокойно, — голос оператора успел прервать начавшее зарождаться волнение, — это нормально. На вас вода, микробы, которые легко размножаются в тёплой и влажной среде.

Нужный эффект был достигнут — Маркин и остальные успокоились и легко дождались окончания процедуры очистки. Форсунки стихли, уступив место тревожному сигналу сирены. Биологическая угроза осталась. Бойцы начали роптать.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, мы решим это.

— Давай уж скорее, — сказал кто-то из гарнизона.

Причина волнения была не столько научной, сколько формалистской. Система не просто фиксировала наличие угрозы, но и могла указать на её источник, которым в этот раз очень неудачно оказался старший офицер. Сам оператор по неопытности не знал, как попросить его выйти во внешнюю камеру шлюза, чтобы ещё раз провести очистку тех, кто пока не заражён. Он быстро связался с Филипсом и попросил сделать это.

— Причина ведь во мне? — безысходно спросил Маркин, выходя во внешнюю камеру.

— Мы это выясним, не паникуй, — ответил Филипс, — если в скафандре есть утечка, ты уже должен был это почувствовать. Ты ведь не почувствовал?

— Нет.

— Значит, не волнуйся, мы решим это.

Маркин успел передумать обо всех вариантах, пока стоял один во внешней камере без оружия, которое его тоже попросили оставить. Система делала очистку долго, но нужный результат был достигнут — сирена стихла, а красные огни погасли. Четверо бойцов направились во внутреннюю камеру, снимать скафандры и радоваться успешно проведённой операции.

Маркин уже знал, что его система не пустит. Сирена и огни не были так страшны, как чувство безысходности.

— Компьютер пишет об изменившейся активности мозга. Это может оказаться ошибкой, — подбадривал его Филипс, — мы её исправим.

— Брось. Оно отработало на остальных без проблем. Дело во мне.

— Даже если так, самое большое, ты просидишь в карантине несколько дней и всё.

— Несколько дней и вы впустите заразу внутрь?

— Прощу тебя, Грег, — сказал Филипс, — не нервничай, мы решим эту проблему. Тебя никто не бросит. Карантинная камера не приговор.

— Конечно.

Даже несмотря на небольшую накладку, контакт был признан удачным, и уже спустя полчаса Аурэмо снова начал разгон, как раз тогда, когда Грег Маркин разделся до исподнего и лёг на жестковатую кушетку белой карантинной камеры. Все теперь были где-то там, по другую сторону, а он как будто бы остался в чужом и враждебном мире. Один.

Всё, что касалось непосредственно самого найденного объекта, было, пожалуй, самым простым и однозначным. Рядом с ним оставили радиомаяк, содержащий в том числе сообщение, повествующее об опыте по установлению контакта командой корабля Аурэмо. Сообщалось, что статус объекта — вымерший, и что угроза, расположенная на борту, носит биологический характер, а форма жизни является низкоорганизованной. Одно из этих заключений точно было ошибочным.

Что же до дальнейшей внутренней жизни корабля, то забыть о Маркине и его проблемах не давал только командующий гарнизоном Филипс. Если бы не его требование быстро выделить хотя бы небольшую группу учёных, которые изучат проблему, с которой они столкнулись и вызволят одного из старших офицеров из карантина, то все бы предались общему ощущению экзальтации, царившему на научных и прочих высших палубах.

Ещё бы, те, кто ещё вчера изучал не больше чем насекомых, мутировавших и видоизменившихся из-за антропогенных факторов, сегодня столкнулись с тем, что не могло иметь никакого отношения к людям. Конечно, они были рады, делали излишне умные лица и были готовы производить исследования, замеры, скрупулёзно заносить все данные в журналы и делать выводы на их основе.

Все разом забыли, что тот, чьими руками были собраны образцы, хоть и остался на корабле, сидит в большой колбе из многослойного стекла, обеспечивающей самый большой уровень защиты из возможных. Если уж что-то прорвётся оттуда, то ни на один из других уровней защиты и вовсе можно не рассчитывать. Человек не видел колбы — изнутри она была обшита пластиком, создававшим хоть и не сильное, но ощущение уюта. Там были мягкие кушетки, тщательно вымеренные температура и влажность. Все условия для существования человека, если добавить санузел, и небольшой шлюз для передачи еды и воды. Тот, кто проектировал карантинную камеру, явно рассчитывал на то, что кто-то может провести здесь не один день.

Вот только человеку, даже Грегу Маркину, которого многие могли посчитать тупым солдафоном, было мало одних лишь физических удобств. Лёжа на кушетке, заложив руки за голову, он думал о своей семье. Больше всего на свете он хотел бы сейчас обнять жену и дочь. Пожалуй, именно это красноречивее всего свидетельствовало бы о том, что с ним всё в порядке. Тяжкие испытания остались позади, а это была лишь небольшая накладка, сбой, и теперь всё точно будет хорошо. Но увы, даже после того, как он разделся догола, а всё его снаряжение было убрано, система показывала угрозу. Инфицирован был он сам. И как это получилось в условиях исправно функционировавшей защиты скафандра, ему было непонятно.

В то время как Грег оделся в термобельё и расположился на койке, состояние общей экзальтации продолжало набирать обороты. Как будто бы кучка землян, покинувшая родной мир в основном ради собственного спасения, наткнулась на действительно разумную форму жизни, с которой сходу удалось установить развитый контакт. Инопланетяне оказались просвещёнными, мудрыми и гуманными, и теперь земную цивилизацию ждёт счастлирое галактическое будущее. Как бы не так. С этими существами нужно было ещё решить, что делать, и пока учёные размышляли над этим, ситуацию в верное русло вновь вернул господин Филипс.

— Мы не должны открывать контейнер, — заявил он Джеймсону, находившемуся в лаборатории вместе с Кларком, Колманом, Уотерсом и Ричардсом, руководителем научной службы.

— Почему, позвольте узнать? — спросил руководитель миссии.

— У нас в карантине сидит человек, с которым пока никто ничего не может сделать.

— Мы решим эту проблему, — поспешил заверить Филипса Ричардс.

Подхалим, и это было не только мнение Филипса. Он готов открыть этот контейнер и своими собственными руками вложить это нечто в руки Джеймсона, если это поможет продвинуться по карьерной лестнице, хотя, куда уж выше руководителя научной службы? Ну, значит, получить ещё больше благосклонности начальства, которой никогда не бывает достаточно. Хорошее это качество для руководителя ведомства, находящегося на острие, так сказать, взаимодействия с потенциально опасными представителями космической биологической жизни?

— Можно мне договорить? — едва скрывая раздражение, сказал Филипс.

— Только по существу, — сказал Джемсон.

— Человек. Мы не можем сказать, что с ним случилось. Мы не можем определить, в какой именно момент он заразился. И заразился ли? Даже то, что он прикасался к ним, ничего не значит — рядовой Слоном тоже прикасался, но у него ничего. Скафандр нигде не повреждён. Я могу только сделать вывод, что наших средств защиты не всегда достаточно. Если контейнер признан неопасным, его лучше разместить внутри защищённой среды и ждать. Если ситуация с Маркиным окажется не более, чем сбоем, то тогда его можно будет открыть. И потом, это же влияние на мозг. Тут всё не так просто...

— Всё будет делаться под строжайшим контролем, — тут же заверил Ричардс.

— Маркин тоже не второй день в космосе, — парировал Филипс.

Их неприязнь была взаимна. Руководитель научной службы хотел угодить лишь одному Джеймсону, почти справедливо подозревая, что та угроза, с которой они столкнулись, примерно такая же, как и остальные, встреченные землянами раньше на пути космической экспансии. Филипс же ощущал, что что-то не в порядке.

Будучи кадровым военным далеко не первый год, он представлял себе, как это может происходить. Много раз бывало, что угроза, исходящая от человека в скафандре, исчезала после того, как скафандр этот очищали. Можно было даже предположить, что вирус способен быстро укорениться в мозге человека, но ведь ему нужно физически проникнуть в организм, а в прошедшей операции попросту не было момента, где Маркин мог заразиться! Это тревожило Филипса, сильно тревожило.

— А я даже не третий.

— Вы хотите, чтобы завтра таких Маркиных было полкорабля? — посмотрев на Джеймсона, сказал Филипс, — и никто не будет понятия иметь, как заразился, а через несколько дней все начнут плевать своими лёгкими, как это было при Хайанской лихорадке.

Это была последняя атака, последняя надежда пробудить в руководителе миссии понимание того факта, что они столкнулись не с чем-то заурядным, что земная цивилизация не раз преодолевала. Здесь что-то совершенно другое. Будь у них больше возможностей, они смогли бы конкретней изучить изначальных владельцев корабля, хотя, после ситуации с Маркиным Филипс не считал, что этим нужно было бы заниматься. На выходе они могли бы получить не одного заражённого, а пятерых или десятерых, а это уже серьёзно, особенно, если учесть, что они совершенно не знают, что делать с этой новой инфекцией.

Ну и, самой бредовой мыслью, возникшей в его мозгу, было то, что вычислили заражение только у Маркина, а остальных система пропустила, не заподозрив ничего серьёзного. Так ведь не могло быть? Он убеждал себя, что нет. Если засекала одного, то должна была засесть и остальных.

В глазах Джеймсона Филипс увидел колебания. Наконец его слова достигли цели, что несказанно обрадовало командира гарнизона. И плевать, что явится причиной его согласия, главное — получить его. Мысли о Хайанской лихорадке не могли оставить равнодушным начальника любой миссии, имеющей дело с инопланетной материей в той или иной форме.

Этакий запрещённый приём против первых лиц небольших мирков, хоть формально и принадлежащих большому сообществу, но по тем или иным причинам от него отделённым. А дело всё в том, что новый штамм смертельной Хайенской лихорадки был пропущен внутрь закрытой космической станции по халатности высшего руководства. Эта болезнь была относительно легко излечима — главное вовремя принять меры — но крайне быстро распространялась и быстро сжигала заражённых. Решив сэкономить на соответствующих медикаментах, руководство не отдало приказ провести тотальную вакцинацию персонала сразу же, как только появились первые случаи заражения. Сначала создавалась картина, будто медслужба справится и работая в штатном — насколько это возможно в случае заражения — режиме, и дорогие ампулы для инъекционных пистолетов останутся на складе. Но оказалось, что у нового штамма более длительный инкубационный период и к моменту появления первых симптомов принимать меры бесполезно.

Может быть, руководство рассчитывало куда-то спихнуть лекарства за полцены, а деньги положить в карман. Может быть, существовал договор с ещё более высоким руководством, в соответствии с которым, при экономии медикаментов руководство станции могло рассчитывать на премии. Более легальное средство заработка, но всё равно при выяснении обстоятельств можно было получить серьёзное наказание.

И наказание последовало для всех, кто так или иначе рассчитывал на заработок. Тем, кто мог спать спокойно по ночам, зная, что по его вине десятки людей умерли страшной смертью, светило лишение всех званий, привилегий и ссылка в новые миры на правах каторжника. Условия были такими, что Харрис и его коллеги сочли бы свой рацион и тёплый угол раем. Поэтому неудивительно, что само слово Хайен нависало над высшим руководством миссий как угроза и напоминание того, что свои обязанности нужно исполнять строго по инструкциям. Они, эти инструкции, оплачены кровью из выплюнутой лёгочной ткани, разъеденной вирусом, способным с колоссальной скоростью разлагать белки и вызывать спазмы. И это при том, что на тот момент Хайенская лихорадка уже была изучена, равно как и средства защиты от неё, поэтому отдельные граждане заслуживали бы дополнительного наказания только за одну вспышку эпидемии, но второй высшей меры в земной федерации не было, так что это не играло роли.

— Какие методы исследования вы можете использовать, чтобы не открывать контейнер? — Джеймсон, на лбу которого, казалось, выступил прохладный пот, посмотрел на Ричардса.

Тот сжал губы от лёгкого приступа ненависти к Филипсу, которому удалось одержать победу. Джеймсон перешёл на его сторону, и теперь потуги руководителя научной службы угодить начальнику выглядели, мягко говоря, неуместными. Но свою роль он довёл до конца, начав с кислой улыбки, будто на языке его лежала свежая долька лимона из садов, расположенных на два уровня ниже.

— Ну, учитывая прозрачность стенок защитной среды, начать можно с прямого наблюдения. Затем попробовать просветить этих существ лучами разных частот, — сказал он.

— Хорошо. Начните, пожалуй, просто с наблюдения. Мы ведь не хотим, чтобы реакция их на лучи как-то усугубила ситуацию. Может быть, от ультразвука они взорвутся.

— Как скажете.

Джеймсон сам улыбнулся своей фразе, которую считал смешной. Ричардс тоже улыбнулся, умолчав, что ультразвуковое исследование через слой стекла не провести. Филипс поддержал улыбку руководителя, потому что счёл бы смешной или какой угодно любую его фразу, лишь бы он продолжал вести верную линию. А если за ночь без еды эти твари передохнут, то всем будет только лучше. И едва он подумал об этом, Ричардс остановил уже собравшегося уходить Джеймсона.

— Господин Джеймсон.

— Да.

— Как и любая другая форма жизни, эти существа должны чем-то питаться. Если они погибнут, то всё пойдёт насмарку.

— Что вы предлагаете?

— Если вдруг мои люди заметят серьёзные ухудшения в их состоянии, то я попрошу вас разрешить мне с соблюдением всех мер осторожности внести в их среду немного белковой смеси, чтобы поддерживать их жизнь.

— Хорошо. Но постарайтесь, чтобы это был самый крайний случай.

— Конечно.

С этими словами Джеймсон, а за ним и Филипс удалились из главной лаборатории и с научной палубы вообще.

Сигарета догорела до фильтра и обожгла пальцы Харриса, который дремал в курилке. Чертыхаясь, он бросил дымящийся окурок в урну и встряхнул голову. Потом запустил руки в волосы и почесал место, где его череп был укреплен пластиной. Как будто к смене погоды, сегодня она зудила больше, чем обычно. Едва он разобрался с этой проблемой и только подумал о том, что нужно бы ещё раз покурить и отправляться спать, как его тело подалось в направлении центра курилки. Ощутимо, но не сильно, и ему удалось удержаться на месте. Корабль снова тронулся.

Он взял сигарету губами, поджёг её и наполнил лёгкие дымом. Что бы ни явилось причиной их остановки, оно уже было позади. Последовал ещё один разгонный импульс, более мягкий, чем стартовый, но тоже ощутимый. Вот и она, смена погоды — теперь скорость придётся набирать заново, а время в пути заметно увеличится, но если причина остановки не была существенной, то всё так или иначе придёт в норму. В конце концов, на нём, Кризе Харрисе, как и большей части тех, кого он знает на этом корабле, увеличившееся время полёта никак не скажется. Разве что на его детях, которых, если рассуждать здраво, и не будет. По крайней мере, в ближайшее время. Он не пытался помешать роли примерной жены, которую вдруг начала исполнять Марси, не испытывал к ней никакого отвращения, и, тем не менее, предпочёл бы, чтобы после его возвращения домой она лежала в одной кровати с Карлом, а он лёг спать один. Какие могут быть в таких условиях дети?

Конечно, если жизнь продолжится в приблизительно похожем русле, то рано или поздно он, возможно, простит её, и что-то может получиться, но не будет ли это изменой самому себе? Сейчас он готов был поклясться, что будет терпеть эту женщину вынужденно и разойдётся с ней при первой же возможности, но что будет потом? Не решит ли он, что собственные дети в любом случае важнее всех их распрей, её непристойного поведения и ради них он мог бы вытерпеть и ещё более тяжёлые условия. Это его шанс оставить свой след в этой миссии. Как знать, к моменту прибытия, сколько его потомков будет на этом корабле? Старик Гроул вечно говорит об этом, рассказывает, как притащил работоспособную часть своей никчёмной семейки на этот корабль, лишь бы они, в конце концов, оставили свой след в истории колонии, которая, возможно, потом станет одной из самых главных в земной федерации. Прав ли он? В его годы можно было успокоиться, расслабиться, но он не сбавляет оборотов. И если сам уже не может иметь детей, то правомерно считает, что продолжает роль, поддерживая своих ближайших прямых потомков, какими бы они никчёмными не были. Может быть, и Харрису стоит проникнуться подобной философией? Наверное, со временем у него получится, и о Марси он будет говорить лишь как об инструменте продолжения рода и не больше. Ведь однажды он почему-то выбрал её, значит, не так уж она и плоха.

Или, может быть, должно быть нечто, что выше всего этого?

От мыслей его отвлекли осторожные шаги. Это была Ноа, та самая девушка, которой он недавно помог не испортить обед всей большой семье. Она немного вздрогнула, увидев Харриса — верно, не ожидала, что в это время здесь кто-то может находиться. Он только улыбнулся. На ней был грубый халат, и она немного поёжилась.

— Этот чёртов корабль разбудил тебя? — спросил Харрис, когда она достала сигареты и принялась прикуривать.

— Да. Дети проснулись.

— Сколько их у тебя? — осторожно спросил он.

— Это мои братья и сёстры. Маме давали билет только если она будет работать, ну а я с ними сижу, — она неловко улыбнулась.

— Понимаю. Снова уснули?

— Да.

Харрис покивал и в очередной раз затянулся сигаретой.

— И вас тоже разбудил корабль?

— Нет, — он покачал головой, — мне просто не спится.

Он вдруг ощутил себя неловко и захотел уйти. Благо, сигарета уже почти закончилась. Ноа как будто почувствовала его неловкость и больше ничего не сказала. Он загасил окурок о стенку урны, поднялся и направился к коридору.

— Доброй ночи, — сказал он на прощание.

— И вам, мистер.

Он вдруг понял, что она выглядит гораздо старше, чем есть на самом деле. Он, например, с лёгкостью поверил бы, если бы ему сказали, что ей немного за двадцать. Двадцать два, скажем, или двадцать три, но на деле ей было максимум семнадцать. Да уж, хоть она и не участвовала в войне, ей тоже вряд ли можно было бы позавидовать. Слишком рано пришлось стать взрослой. Слишком рано у неё появились дети, хоть и не свои.

Марси спала с Карлом, как и хотелось Крису. Он нарочно разулся как можно более тихо, прощмыгнув в спальню и лёг в кровать. Сон не шёл, но он знал, что если не уснёт сейчас, ему будет очень тяжело утром. Остановки остановками, но рабочую смену никто не отменял. Делать нужно будет всё то же, что и всегда, и поблажек никто не сделает, можно даже и не надеяться. Как будто согласившись, что так будет лучше, глаза его начали смыкаться, и вскоре он уже почти спал.

В этой полудрёме он ощутил тепло другого тела. Почему-то ему казалось, что это Ноа. Может быть, если бы он был с ней, это было бы лучше для всех? Ему казалось, что она лучше относилась бы и к нему самому и ко всему, что он делал бы для неё и для семьи. Да, своей семьи со своими собственными детьми. Однако проснувшись утром, он обнаружил в кровати свою формальную жену. И хоть её поведение в последнее время изменилось в лучшую сторону, он ощущал какую-то чужеродность этой тенденции. Грубо обманутый несколько раз подряд, он ей не верил.

Утром он как обычно направился на завтрак. В душе была небольшая надежда на то, что он вновь увидит Ноа, но Крис правильно сделал, что не слишком предавался ей, потому что на кухне она не появилась, пока он там находился. Уже другие люди начали приходить и готовить себе еду, среди которых была и жена Скотта, но юной девушки Крис так и не дождался. Видимо, завтракать их большая семья собиралась позже, чем все остальные. Потом, вернувшись и оставив ещё спящей Марси кашу, Харрис немного посидел на кухне, наслаждаясь ощущением уменьшающейся головной боли, после чего направился на работу.

— Говорю вам, это точно! Корабль! Самый настоящий корабль! — вещал Хорс, один из старших коллег Харриса.

Это были первые слова, которые Крис услышал, войдя в раздевалку. Они вызвали у него невольную улыбку. Что бы ни происходило на верхних уровнях или снаружи Аурэмо, вот эти посиделки перед началом смены всегда будут оставаться одинаковыми. Темы — разные, но атмосфера, пожалуй, рассеется только в том случае, если такие люди, как они, перестанут

существовать. Он немного подзадержался, так что почти все работники уже были в сборе.

— О, Хар! — Скотт первым протянул руку.

— Привет, привет, — Крис улыбнулся, пожал всем руки и полез в нагрудный карман за сигаретами.

— Ты-то ничего не слышал? — спросил Скотт.

— Только как эта посудина тронулась с места, — ответил Харрис, выпуская изо рта первое облако дыма на сегодня.

— Да откуда ему что-то знать, — сказал Хорс, — вот я тебе говорю, у меня один знакомый почти на научном уровне живёт.

— Почти на научном или почти живёт? — чуть было не рассмеялся Крис.

— Да пошёл ты, я тут вещи рассказываю, а ты вечно. Не интересно — молчи.

Хорс был пятидесятилетним морщинистым мужичком не слишком высокого роста. Его главным преимуществом было умение работать на нескольких разновидностях универсальных станков. При комплектации корабля ему не нашлось должности на полный день, поэтому он попал на нижние уровни, но у его уже взрослых детей была самая реальная возможность в последствии улучшить жилищные условия — в том случае, если они обучатся мастерству своего отца.

Сам же Хорс был избавлен от грязной работы большую часть времени, поскольку почти всегда находились наряды на работу. Он жаловался на то, что его просто не хотели брать как квалифицированного специалиста, и теперь он делает всё то же самое, только за меньшее количество привилегий. Кораблю не хватало обычных рабочих рук, так что повод не разгребать дерьмо был почти всегда — хоть какой-то плюс. Самым главным сейчас было то, что в свете того, что Хорс часто бывал на уровнях повыше, в его связи верилось. Но вот во что Харрис точно бы не поверил, что информация распространяется так быстро. Корабль стартовал ночью, спустя не слишком много времени после окончания мероприятий, и Хорс не успел бы увидеть своих знакомых, которым в свою очередь нужно было увидеть своих знакомых, чтобы получить нужную информацию. Так что он относился с прохладцей к тому, что говорит многостаночник, но послушать всё равно было интересно.

— Ладно-ладно, — Харрис улыбнулся, и поднял руки в останавливающем жесте. Спорить с утра пораньше, да ещё по очень зыбкому поводу ему не хотелось.

— Так вот, открыли они кораблик, а он пустой. Все мёртвые.

Говорил он таким тоном, как будто бы ему было минимум на сорок лет меньше, и он рассказывал детскую страшилку. Но, учитывая его своеобразную мимику, ощущение жути на слушателей всё же нападало. Харрис так и представлял тёмные коридоры, в которых обитает нечто. Невидимое, но очень опасное. Вот только он не понимал, зачем было притягивать за уши эту страшилку сюда. Корабль вообще мог остановиться для срочного ремонта двигателей. Трубы подтекают, а моторы что, намного лучше собраны? Вообще-то да, конечно, но всякое может случиться. Естественно, что простых смертных в подобные тонкости бы не посвятили, чтобы лишний раз не тревожить, и слухи тут вряд ли бы просочились, уж точно не так быстро. Силовой установкой, как и первоочередными системами корабля ведала особая группа инженерной службы. Эти люди жили и работали выше, не любили болтать, и уж тем более не посвящали никого в тонкости своей работы. Харрис знал о них только по слухам, и его это вполне устраивало. Их появление в поле зрения, тем более неожиданное, могло означать только одно — где-то случилось что-то серьёзное.

Жаль конечно, что они вряд ли узнают, что произошло в действительности. Хотя, установление контакта с чем-то инопланетным могло быть и интересным. Конечно, Харрис, как бывший солдат, мог бы сказать, что уже бывали контакты, которые оборачивались новой войной. В большинстве случаев это было именно так, но всё равно, где-то в подсознании он сохранял надежду на то, что не все инопланетяне представляют собой изодранные нации, которые только и жаждут, что найти тех, кто слабее, и подмять под себя. В этом плане контакт действительно мог быть лучом света в тёмном царстве.

Тем не менее, любые посиделки в бытовке заканчивались одинаково и в одно и то же время. Разговоры прекращались, окурки тушились в пепельницах, а работники расходились выполнять свои обязанности.

Рабочая смена Харриса и его коллег начиналась в семь тридцать. У специалистов с уменьшенным рабочим днём она начиналась немного позже. По полчаса на каждые два уровня. У научных специалистов, хоть они и находились гораздо выше, действовали несколько другие правила, поэтому они приходили на работу к девяти часам. И в этот раз учёным было на что посмотреть.

Прямое визуальное наблюдение окажется самым интересным мероприятием этого дня, но утром об этом ещё никто не знал. Ещё не были произведены исследования в разных спектрах, а учёные, которые до этого, по сути, сидели без работы всё то время, что не решали мелкие проблемы с корабельной биосферой, вполне обыденно наполняли лаборатории.

Однако посмотреть было на что. За ночь с неизвестными пока ещё организмами произошли существенные изменения. Те части, которые условно именовались корнями, были ими отброшены и частично съедены. Отделённые от кучи неизвестной органики, они создали свою собственную питательную среду, хоть и состоящую из них самих, но позволяющую не голодать в течение некоторого времени.

— Я не наблюдаю потерю ими самими биомассы, которая в теории должна приводить к началу поедания самих себя, — заметил Майлз, младший научный специалист.

— Но они, тем не менее, голодны, — сказал Гордон, слегка пригнувшийся и рассматривавший существ, находящихся внутри защищённой среды.

Гордон был специалистом второго класса, почти что старшим. Однако он был старше Майлза, если судить только по возрасту и опыту работы. У них была разница примерно в пятнадцать лет в обеих сферах, поскольку пути их были очень похожи. В своё время Гордон тоже был идеалистом и максималистом, как и его младший коллега. Знал на зубок основные принципы он и сейчас, вот только опыт, пусть и подтверждавший их по большей части, говорил, что существуют исключения, и, чтобы его младший коллега не слишком увлекался бравированием своими очевидными и банальными наблюдениями, он их озвучил.

— Это может быть просто механизм самосохранения, — заметил он, — допустим, им не так важна энергия, сколько постоянство её получения. Учитывая условия их обитания, у них эволюционно могли сложиться подобные механизмы. К чему ходить, искать пищу, когда можно просто присосаться к куче органики? Если куча большая, для её освоения можно отрастить вот этот хобот, который, по сути, и будет заодно их запасом, который при случае, можно использовать в дело, если в определённый момент пища окажется недоступна.

Он замолчал, продолжая разглядывать инопланетные организмы, заключённые в двойные стенки среды. Ему эти существа, похожие на помидоры, сейчас казались не такими уж безобидными. Вообще, это было одно из самых правильных фундаментальных заключений на жизненном пути космического биолога. Микробы, способные вытравить

целую космическую станцию, не миф. Вирусы, которые не обнаруживаются обычной системой биологического контроля — тоже. В космосе любая мелочь может оказаться фатальной. Да, в обратном направлении это правило тоже работает. Как в том анекдоте, когда один из учёных первой группы исследования чихнул и погубил этим развитую колонию разумных растений. Однако люди в среднем были более уязвимы по причине относительно недолгого нахождения в космосе. Формы же жизни, которые они встречали, пребывали там намного дольше и, как правило, были более устойчивы.

Однако молодой коллега Гордона был сторонником того, что эту неизвестную форму жизни нужно как можно скорее препарировать, чтобы изучить внутреннее строение. Впрочем, в одном они сходились. В том, что это был некий космический паразит с высокими адаптивными способностями. Не стоило излишне верить в его слабость только на том лишь основании, что он при первой же возможности начал поедать себя. Возможно, он просто был устроен не так, как большинство организмов, изученных на данный момент, к которым, к слову, относился и сам человек. При возможности он будет запасать как можно больше энергии в виде жировой ткани, а при критических обстоятельствах расходовать их с большой неохотой. Это позволит ему продержаться как можно дольше даже в условиях жесточайшего дефицита энергии.

Этот же организм, напротив, мог иметь такие механизмы, которые включались в работу только при полном отсутствии энергии и возможностей её получить. Их корень, или, как они ещё его называли, язык, мог требовать энергию на своё, так сказать, содержание, поэтому вполне можно было его откинуть, тем более, что при отсутствии питательной органики он был бесполезен. Это как если бы у человека в период голода переставали бы быть нужными руки и ноги, и их можно было бы достаточно эффективно употребить в пищу. Загвоздка состояла лишь в том, что человек не мог отращивать конечности, а это существо при наличии поблизости питательной смеси, могло вновь выпустить язык, который с одной стороны сам по себе запасает энергию, с другой — способствует более эффективной её добыче.

— Нужно просветить их рентгеном, — сказал Майлз.

— Пожалуй, посмотрим, есть ли у него хоть что-то твёрдое внутри, — сказал Гордон.

Именно за этим занятием их застал Ричардс. Он выслушал краткий отчёт о произошедших за ночь метаморфозах и их анализ. Вообще, с его появлением все ещё больше стали вращаться вокруг закрытой среды, в которой сейчас находились живые организмы инопланетного происхождения. Сам же руководитель научной службы в компании Гордона, Майлза и ещё нескольких учёных расположился напротив нескольких мониторов, на которых показывались изображения вновь открытой формы жизни с разных ракурсов.

— А что рентген? — спросил Ричардс.

— У них достаточно плотная оболочка, — начал восторженно говорить Майлз, который уже успел взглянуть на снимки и проанализировать их, — внутри относительное падение плотности.

— А её средоточие находится ближе к тому месту, где у них раньше был корень, — закончил Ричардс.

Разумеется, руководитель научной службы мог и сам проанализировать рентгеновские снимки вновь открытого организма, тем более, что его строение было достаточно примитивным. Тем не менее он не просил, чтобы Майлз замолчал. Ему как будто импонировало желание младшего сотрудника услужить.

А вот Гордону подобное лизоблюдство не нравилось, поэтому он стоял позади остальных, почёсывал свою небольшую бородку и сам для себя изучал снимки. Скелета у существа не было, если не считать таковым достаточно плотную оболочку. Самой твёрдой частью его тельца были небольшие наросты, сосредоточенные, как верно заметил главный, в том самом месте, где у них некогда был корень-язык. Учитывая форму, это могли быть зубы, которыми оно эффективно удерживало свой запас энергии, и при помощи них же могло эффективно его использовать при необходимости.

— Интересно, что у него внутри, — сказала Кейт, стоявшая рядом с Гордоном. Фраза могла быть адресована только ему, — не думаешь, что это может оказаться мозг?

— Не слишком ли большой для такого существа? — учёный легко улыбнулся.

Однако её слова оказались пророческими. МРТ подтвердила наличие мягкого и однородного вещества в центре организма, а сразу после этого там была зафиксирована электромагнитная активность. Причём, организм отреагировал на сканирование резким увеличением этой активности. Оба эти факта повергли всех в изумление. Учёных, особенно молодых, охватил восторг, как будто бы они вдруг посреди холодного и пустого космоса обрели братьев по разуму. Гордон же отнёсся к этому скептически. Однако его мнения никто не спрашивал.

Во время обеденного перерыва, вторую половину которого большая часть учёных проводила в лаборатории, Кейт села рядом с ним и негромко заговорила.

— Ты как будто не очень рад этим открытиям.

Она осторожно и застенчиво улыбнулась своими тонкими и красивыми губами. Гордону всегда нравилась её улыбка. Мало кто во всей лаборатории мог похвастать тем, что она однажды была адресована ему, поскольку была выражением внимания со стороны Кейт, которую взяли на палубу такого уровня даже при учёте того, что у неё не было семьи. Это означало, что она ценный специалист, которого берут не как контейнер с генетической информацией, а как средоточие интеллекта.

— Ну, — протянул Гордон, — я начал побаиваться.

— Из-за того парня в карантине? — она как будто бы читала его мысли.

— И из-за него тоже.

— А в основном из-за чего?

— Не пора ли немного перекурить? — Гордон улыбнулся и поднялся с места.

Комната для курения, расположенная на их этаже, виделась ему куда более удобным местом для разговоров по существу. Кейт поддержала его стремление. Им, по сути, виделось одно и то же. Замкнутое научное сообщество, фактически отстающее по причине того, что не получает свежую информацию извне, имеет очень своеобразную манеру становиться чем-то вроде коллективного разума. Все вместе изучили один и тот же организм, внешне достаточно примитивный, и все пришли к схожим выводам.

Если сейчас Гордон, или кто-то ещё в открытую заявит о своей позиции, а потом попытается подробно рассказать о ней, его могут счесть кем-то вроде еретика. Нет, от работы не отстранят. Максимум, будут косо смотреть некоторое время, но уж точно не одобряют. Почему? Потому что организм, размером меньше сжатого человеческого кулака не может быть сложнее этого самого человека, сжавшего кулак.

— Ну так? — спросила Кейт.

Она красиво выдохнула дым и посмотрела Гордону в глаза. Взгляд даже не обезоруживающий. Это очень мягкое слово, совсем не являющееся верной характеристикой.

Гордон сказал бы — нейтрализующий. После него хотелось рассказать всё и сразу, даже если перед тобой засланный разведчик того самого коллективного разума, который стремится истребить всякую иную мысль, не соответствующую его собственным представлениям.

— Ну, я думаю, ты сама понимаешь, — Гордон улыбнулся, предпринимая последние попытки не сдаться под натиском.

— Зубки, железы, выделяющие пищеварительный фермент, капилляры, потом сразу мозг. Перед нами космический гений?

— В каком-то смысле. Видишь, как всё правильно скомпоновано? Пищеварительная система, эндокринная система, нервная система. Ничего лишнего. Нет какого-то распределения, хитрого переплетения.

— Не слишком примитивно? У собак тоже есть мозг, но...

— Мы можем определить лишь его наличие, но ничего не сможем сказать о точном устройстве. Он может оказаться сложнее нашего. Это можно будет понять только при вскрытии.

— Как думаешь, до него сегодня дойдёт?

— Может. Нашим ребятам нужен свежий материал. Они продвинулись в бесконтактных исследованиях, и теперь будут жаждать контактных.

— Сам ты что думаешь?

Этот её взгляд уже был не столько игривым, сколько задумчивым. Наверное, говоря то, что считал нужным, Гордон озвучил несколько её мыслей. Как будто бы прочитал, и теперь ей было интересно его мнение и дальнейший ход мыслей.

— Думаю, что согласился бы с тобой.

Гордон улыбнулся и посмотрел на Кейт.

— В чём? — она не поняла его фразу.

— Если просветить собаку, то у неё тоже будет мозг. И нервная система, даже более развитая, чем у нашего гостя, но, если мы возьмём, да представим себе поединок этих существ, собака мне видится жертвой. Есть момент — существо отреагировало на наш сканер. Собака бы не поняла, что её изучают. Поэтому в моём видении это она лежит и разлагается, а это существо активно расщепляет её, поглощает, так сказать, биомассу. Может быть, если оно решит, что можно, даже размножится.

— Кстати, механизм размножения неясен.

— Ну, при таком-то мозге он может быть нетривиальным и даже не совсем очевидным. Может быть, те отростки, которые они отбросили, чтобы прокормиться, и есть что-то вроде семени. При наличии большого количества еды, оно пускает такой в тело жертвы, потом отпадает и перебирается на другое место, а на прежнем вырастает новая, так сказать, почка. Хотя, боюсь, это очень грубо по отношению к ним.

На минуту в курилке воцарилось молчание. Они вдыхали дым, ничего не говоря друг другу, но вопрос как будто бы витал в воздухе. Он наполнял всё пустое пространство помещения, создавая напряжённость, которая не могла накапливаться бесконечно. Вопрос должен был прозвучать, как молния, чтобы разрядить обстановку, и он прозвучал.

— Ты считаешь, что они разумнее нас? — первой не выдержала Кейт.

— Да. Считаю, — Гордон не стал увиливать и пытаться отшутиться.

Другой учёный сказал бы, что любому разумному существу нужно развитое зрение, слух, даже если обоняние и вкус им неважны. Но из всех привычных органов восприятия у

найденных существ наличествовало только осязание. Конечно, при должном развитии кожа могла заменять и слух и даже глаза, но в любом случае очень грубо. Речь не шла даже об уровне человека, который по этим параметрам не являлся эталоном даже в своей родной биосфере. Какой вывод напрашивался, если взвесить все имеющиеся факты?

— Они победили тех, кто владел кораблём, — изложил свой самый главный, но при этом самый зыбкий аргумент Гордон.

— Но нас тоже могли победить микробы, грибки, вирусы. Множество всего, я не говорю уже о более сложных паразитах.

Кейт вроде бы бросала ему вызов, но с другой стороны её интонации были такими, как будто она хотела обсудить этот вопрос с Гордоном. Может быть, именно на этом моменте её начали одолевать первые сомнения о действительности превосходства этих существ, и сейчас она хотела, чтобы Гордон поделился с ней своими мыслями по этому поводу.

— Всё просто, — сказал он, мягко улыбнувшись, — это в прошлом.

— То есть?

— У нас есть средства защиты от всего, что нам уже известно, и они быстро появляются в случае обнаружения новой угрозы. Важен лишь размер популяции, подвергнутой воздействию. Если она достаточно большая, чтобы не погибнуть за то время, пока будет найдено решение, мы выживем. Даже если экипаж корабля погибает, вся земная популяция ещё не встречалась с такой угрозой, которую бы не смогла преодолеть. Гигантский организм, который может пожертвовать частью себя, но всё равно восстановится в конце концов.

— И они были такими же, — Кейт продолжила его логическую линию.

— Да. Невозможно совершать межзвёздные путешествия, не будучи достаточно подготовленным ко всему тому, что может ожидать тебя на этом пути.

— И оно их победило, — она замерла, медленно выдыхая дым.

— Да. Победило. Без развитого зрения и слуха. Но его мозг составляет семьдесят пять процентов от объёма тела.

— И пятьдесят пять по массе.

— Именно. Нормальные такие пропорции. Представь эволюционную борьбу этого существа. Видимо, мышцы, глаза и уши ему не очень-то нужны.

Они ненадолго замолчали. Гордон почувствовал, что Кейт обдумывает какой-то контраргумент. Что же, это было очень неплохо, потому что ему, возможно, ещё предстоит высказать свою концепцию руководству, и будет очень некрасиво, если они сломают её одним лишь утверждением. Лучше выслушать его сейчас и быть готовым.

— А ты не считаешь, что слишком увлёкся тем, что они нас превосходят, и поэтому судишь очень однобоко? — спросила Кейт наконец.

— То есть?

Она затушила окурок и бросила его в урну, но не направилась на выход, а посмотрела на Гордона.

— Что, если те, кто был хозяевами этого корабля, оказались слабее, чем мы представляем. Мы ведь даже грубо не представляем их, не говоря уже о том, что не провели достаточного количества исследований, чтобы понять, кем именно они были, и что из себя представляли. Может быть, это были какие-нибудь полуаморфные существа, достаточно развитые, но оказавшиеся неустойчивыми к какому-то одному фактору. Грубо говоря, оно подобрало к ним ключ. Само являлось таким ключом.

— То есть ты считаешь, что полуаморфные существа способны были построить корабль, который сможет совершать межзвёздные перелёты, потом совершить такой перелёт, и при этом погибнуть от гриппа?

— Я думаю, что если продвинуться глубже в космос, подобные случаи будут не такими уж и редкими, — она улыбнулась.

— Да. Но мы не продвинулись. И потом, — он тоже улыбнулся ей в ответ и стал тушить окурок, — я рассуждаю сейчас об этом только с тобой. Думаешь, я хочу говорить об этом Ричу? Нет, не хочу. Совсем не хочу. Я не отношусь к его авангарду из прогрессивных умов, а он слушает только их. Знаешь, я бы даже не удивился, если бы когда вернулся, увидел, что они уже режут этих существ.

— Ты очень их не любишь, и это зря. Ещё скажи, что они готовы делать это голыми руками, — Кейт улыбнулась.

— Почему бы и нет, — он поддержал шутку, — подумаешь, зубки и мозг больше половины тела. Ерунда.

— Вот увидишь, там полно разговоров, и не больше.

— Да. Надеюсь, этот военный вчера убедил Рича. Он для этого подходит лучше всего. Это его человек сидит в карантине.

— А правда, как ты считаешь, что с ним?

— Ну, если принять как данность отсутствие ошибки системы анализа, то я скажу, что лучше бы это всё-таки была эта ошибка, потому что других предположений у меня нет. Вот это, кстати, самый животрепещущий вопрос, который стоило бы решать в первую очередь. Потому что если он как-то заразился, несмотря на защиту, то завтра заражёнными можем быть мы все.

— Тебе не говорили, что ты параноик? — спросила Кейт, вставая, когда он направился на выход.

— Вот уж поверь, лучше пусть тебя считают параноиком, чем ты однажды проснёшься с такой присоской на голове, потому что ей стало мало своего мозга, и она решила позаимствовать твой.

— Ты думаешь, он ей подойдёт?

— А почему нет? Электрическая активность схожая, — сказал он, когда они уже выходили в коридор.

Как и предполагал Гордон, самой животрепещущей темой было непосредственное исследование самих инопланетных организмов, а не их мозговой активности. Научное сообщество вполне резонно предположило, что именно изучение их строения и поведения сможет открыть тайну того, что произошло с Маркиным. Тем более, что исследование его самого ничего не давало. Система лишь обнаруживала угрозу, но сама по себе изменённая активность мозга на данном этапе была плохим материалом для исследования, что было очень нехорошо. Даже те из учёных, кто думал над этой проблемой, не знали, с какого края к ней подступиться, потому что куда привычнее было классическое биологическое заражение. Все понимали положение, в котором оказался старший офицер, но ничего сделать с этим не могли.

Сам Маркин мрачнел всё больше. Такое случается, что стоит человеку поверить в то, что он болен, как ему действительно становится хуже. Старший офицер, конечно, не занимался самовнушением, но в определённый момент слишком сильно боялся заразиться, не верил в защиту, когда прикасался к этим инопланетным существам, и вот результат —

система подтвердила его самые ужасные страхи.

К нему и вечером и утром приходили жена и дочь, но от их посещения ему становилось лучше только на короткий промежуток времени, а потом только тяжелее. Если он станет единственной жертвой этого, с позволения сказать, «исследования», то какая судьба ждёт их? Ведь это он обеспечил им билет на корабль. Может быть, первое время всё останется, как и должно быть, но потом его семью заставят работать, чтобы отрабатывать рацион, отберут жилые апартаменты и прочие привилегии. Таких последствий он не хотел, тем более, что он добывал эту странную форму жизни не для себя. И вот он уже почти сутки здесь, а им никто так и не заинтересовался.

— Ты и правда хреново выглядишь, — сказал Филипс, зашедший сразу после ужина, — ничего не чувствуешь?

— Если не считать ощущение, что я стал никому ненужным куском дерьма, то я в порядке.

— Не говори так. На твоём месте мог быть любой другой.

— Да, но здесь я.

Он видел Филипса на небольшом экране, заменявшем окно во внешний мир. Отличный способ связи, не позволяющий испытывать иллюзий по поводу того, где ты в действительности находишься. Ты — в карантине, за глухими непрозрачными стенами. Пожалуй, этого достаточно, чтобы та зараза, которую подцепил ты, не стала чумой для всех, кто населяет этот огромный корабль, имя которому Аурэмо. А ведь это было бы полезно. Может быть, кто-то понял бы, что чувствует Маркин.

— Мы разберёмся с этим, поверь мне. Этих существ изучают, чтобы понять, как одно из них могло тебя заразить.

— Вы ведь брали анализ крови. Он ничего не показал?

— В ней ничего нет. Вполне обычная кровь. Учёные ещё ищут.

— Если в крови ничего нет, то как я тогда могу быть заражён?

Лицо Маркина налилось краснотой, вены на шее проявились. В этой фразе была выражена вся его злоба, которая накопилась в нём с того момента, как он остался здесь один, в то время как все остальные отправились в корабль. А ведь он ничем не болен, это чёртова ошибка. Ведь кровь чиста, значит, имеет место сбой системы. Что им ещё надо?

— Умники говорят, что кровь не всё может показать, — выдохнув, сказал Филипс.

— Пусть возьмут всё, что им нужно, но выпустят меня.

Он стал ещё краснее и ещё злее. Филипс, который мог смело осадить офицера, бывшего младше него по званию, немного испугался и отошёл на шаг назад.

— Не забывай, если ничего не проявится по прошествии срока, то тебя так или иначе выпустят. Никто тебя здесь не оставит умирать.

— Сколько срок в этой ситуации?

— Я точно не знаю.

— Знаешь. Скажи мне, сколько? Двадцать дней? Тридцать?

— По самому строгому протоколу — семьдесят два дня. Ещё не было болезни, которая не проявлялась бы дольше.

— Вы шутите?

— Это самый жёсткий протокол. Мы вытащим тебя раньше.

Вдруг позади Филипса послышался звук открывающейся двери. Командующий гарнизоном оглянулся, и лицо его немного смягчилось. Это были Сандра и Бетти, которые,

по его мнению, должны были немного успокоить Маркина, да и слишком уж повышать на них голос он не будет.

— Вы здесь, чтобы выпустить моего папу? — слышался детский голосок, от которого у старшего офицера Маркина слёзы выступили на глазах.

— Нет, малышка, извини. Твой папа ещё поможет нам, пока находится там.

Филипс поднял Бетти на руки, и вместе с ней посмотрел в камеру, находящуюся ровно над дисплеем, где было изображено лицо Маркина. Она улыбалась, и Филипс улыбался вместе с ней. А позади стояла Сандра, мысли которой были похожи, скорее, на мысли мужа, чем командира гарнизона. Для Филипса там, за этими стенками, сидит всего лишь очередной солдат, который жертвует свою жизнь на благо своей нации, как и обещал, давая присягу, и всех это вполне устроит, но не её, конечно же, нет.

Филипс смотрел на младшего сослуживца с надеждой на то, что тот немного успокоится и будет ему верить. Вообще, Маркин должен был бы вести себя более сдержанно и стойко, как и подобает офицеру, но он проявлял эгоизм, и хуже того — Филипс, ощущавший на себе вину, ему в этом потакал. Но увы, раз уж он сейчас так или иначе ступил на этот путь, сойти с него уже не получится до тех пор, пока всё не станет на свои места. Маркин выйдет из карантина, и тогда уже получит выговор, устный и не слишком грубый, но ставящий всё на свои места. Нужно доверять командованию, которое говорит, что работы ведутся.

Никто не хотел скандалить друг при друге, поэтому все разошлись мирно. Филипс ничего не стал говорить Сандре — только поздоровался. Он правильно понимал, что все его попытки хоть как-то объясниться не приведут ни к чему хорошему, да и не нужно это было никому из них, поэтому, поставив Бетти на пол, он ушёл.

В тот день учёные всё же обнаружили странные изменения в крови Маркина, но ему самому об этом ничего не сказали, и он так и остался в неведении. Он закономерно предполагал, что раз система нашла в нём что-то угрожающее, то и у учёных должны быть средства анализа, способные сказать, в чём дело. Однако он считал их яйцеголовыми оболтусами и поэтому не удивлялся, что у них ничего не выходит.

Сам он никаких перемен не ощущал. Кроме, разумеется, всё растущего раздражения по поводу того, что никто не может для него ничего сделать. А ведь если бы он действительно был болен, то должен был бы что-то ощущать. Если это мозг — то вполне явно, как ему казалось. На деле же всё было сложнее. Сам Маркин, будь он компетентным в медицинских вопросах, сказал бы, что изменения в диаграмме активности, которые почти не видны, не говорят о заражении. Система при более грубых настройках пропустила бы Маркина, но она была настроена очень тонко и поэтому забила тревогу, которую нельзя было игнорировать.

После скромного ужина, состоящего из сухого пайка, доступного в карантине, Маркин лёг на койку и задумался. Смотреть фильмы ему не хотелось, тренировку, чтобы не потерять форму, он сегодня уже провёл, и даже по расширенной программе, так что оставалось только лежать и глядеть в потолок, надеясь, что вот-вот прозвонит сигнал, учёные проведут ещё один анализ, и он сможет, наконец, выйти отсюда.

Обычно эти мысли приводили только к усилению раздражения, которое он испытывал, но сейчас на него неожиданно снизошла волна успокоения. Он ни с того ни с сего ощутил, что всё будет хорошо. Что завтра, если вдруг его вновь проверят, система не просигнализирует об угрозе, и он сможет войти, наконец, внутрь корабля. Конечно, технически, они так находился на борту Аурэмо, но по-настоящему карантин можно было

считать скорее внешним пространством потому, что всё равно нужно было проходить через шлюз внутрь обитаемых внутренних секторов.

Маркину думалось, что это не проверенные временем армейские скафандры, а учёные и их игрушки дали сбой. Они даже не вступали в бой, а просто прошлись по коридорам заражённого корабля. Повреждений не могло быть, а значит, защита гарантировала полную изоляцию от внешней среды. Раньше он тоже прокручивал в голове эти мысли, стараясь успокоить себя, сказать, что виной всему небольшой сбой системы, и стоит проверить его ещё раз, как всё обнаружится, но красный сигнал анализатора каждый новый раз брал верх над его уверенностью, что, естественно, никак не способствовало её укреплению. Но сейчас ему удалось перебороть это. Он старался не заикливаться на собственном удивлении тому, как легко ему сейчас стало. Даже подумалось о том, что он перебарщивал с нажимом на Филипса, и что завтра он в новом, спокойном тоне попросит провести новый анализ, а когда его мирную и спокойную просьбу удовлетворят, система ничего не найдёт, и он сможет свободно выбраться из карантина. Эти мысли помогли ему скоротать время, и он незаметно для себя заснул.

Что же касалось самой лаборатории и работавших там учёных, некоторым из них было крайне далеко до успокоения. Гордон уже курил, не выходя в специальное помещение, и перелопачивал результаты исследований крови Маркина. Учитывая, что в работе непосредственно с инопланетными организмами осталось только рассуждать и спорить, это было самое интересное направление деятельности, на которое он напросился сам. С другой стороны, ему не нравилась сама мысль о том, что кто-то, вошедший в непосредственный контакт с этой инопланетной формой жизни, находится в карантине. Не то чтобы его заботила судьба старшего офицера Маркина и то, что он чувствует, находясь в изоляции. Скорее, он больше волновался за остальных и себя в частности, как представителя тех, кто находился по другую сторону от карантина.

Если зараза, так или иначе испускаемая этими существами, больше всего напоминающими паразитов, смогла преодолеть защиту штатного скафандра гарнизона, то она сможет пробраться и дальше. В первую очередь важно выявить механизм, по которому происходит заражение, чтобы модифицировать имеющиеся средства защиты. Не будь они самыми совершенными на данный момент, это можно было делать вслепую, а так оставалось только пугаться по поводу того, каким образом это существо смогло заразить Маркина.

Частично защита и сыграла злую шутку. У тех, кто входил снаружи через шлюз уже не брали анализ крови. Современные протоколы контроля стали мягче благодаря улучшившимся протоколам защиты. Они исследовали кровь с запозданием. Анализ был запущен, и все разошлись по каютам — только Гордон остался, чтобы дождаться и получить результаты первым.

И он дождался, чего хотел — в крови были найдены эритроциты, имеющие изменения в строении. Над этим он размышлял уже битый час. В первую очередь, как относиться именно к этому анализу. Это можно было бы считать победой, потому что учёные получили возможность исследовать что-то физическое, и у них даже есть зацепка, но анализ был взят слишком поздно. Первична ли эта патология? Скорее всего, нет, потому что это фактически не является заражением. Другой вопрос — как они так быстро появились, эти изменённые эритроциты?

Гордон поднял анализы крови старшего офицера, сделанные ещё во время приёма на корабль. Ни цифры, ни заключение автоматического анализатора не говорили о том, что у крови Маркина вообще существуют какие бы то ни было особенности, тем более патологического характера. Он эти особенности приобрёл.

Более точный анализ выявил изменение гемоглобина. В некоторых клетках он оказался мутированным, но всё ещё нельзя было понять, каким именно образом это произошло? Но что ещё важнее — какую это представляет опасность для остальных? Подобная опасность, по крайней мере в данный момент, угрожает, разве что, будущим детям Маркина. И то ещё не факт. Новый гемоглобин по-прежнему выполнял свои функции.

— Как у нас дела? — спросила Кейт, вернувшаяся в пустую лабораторию.

— Нашёл патологию. Не знаю, — он пожал плечами.

Рассказывая о своих выводах Кейт, он повторил всё ещё раз для себя. Не слишком помогло.

— И ты думаешь, что с этим делать?

— Нет. Если это заражение, то заражение чем-то странным. Это не вирус, который передастся через касание или через кровь.

Гордон беспомощно пожал своими худыми плечами и закурил новую сигарету, после чего подвинул Кейт дисплей, на который выводилось изображение с микроскопа.

— Гемоглобин икс, — улыбнулась она.

— Да, это всё тот же гемоглобин, но с другой структурой. Сейчас сложно спрогнозировать, какие он вызовет изменения, если полностью заменит обычный. Может быть, особенно никаких.

— Может быть, там где-то была радиация?

— Нет. Уж её мы бы сразу заметили. И потом, от неё их скафандры хорошо защищены. Дело тут не в ней, а в чём-то ещё.

— В чём же?

— Понимаешь, я не могу найти механизм, по которому он заразился. В его анализах такая особенность крови должна была быть отмечена, но раз её нет, он приобрёл её уже после отлёта. Здесь — вряд ли. Остаётся только тот корабль, но они же были полностью изолированы от внешней среды. Как это могло получиться? Ладно халатность, повреждение или если бы на них напали, но ничего этого не было.

— Может быть, ты зря напал на остальных за то, что они отправились спать, не решив эту проблему. Тебе самому не помешало бы отдохнуть и немного освежить голову. Может быть, решение очень близко, но ты не можешь его найти только из-за заикленности.

— Ты не понимаешь. Что бы это ни было — вирус, бактерия, паразит, который помогает распространяться этим тварям, он не спит, и сейчас он думает, как преодолеть нашу защиту. Я всё равно не усну, пока не добьюсь решения, или не сдам утром эту проблему в чьи-то другие руки.

— Ты молодец, Гордон, но ты ошибаешься. Он не спит, это верно, но если ты утром не будешь в нормальной форме, то ты не одолеешь его. Он победит тебя. Так что, раз уж пока он у нас в руках, можно дать ему время, но и самим взять передышку, а утром напасть на него с новыми силами. Вот увидишь, его положение не слишком улучшится за те шесть часов, что ты поспишь до новой смены.

Гордон задумался. Ещё раз взглянул на живое изображение, несколько снимков, наиболее ярко отражающих картину изменений, и другой дисплей, на который были выведены таблицы с результатами данных анализов. Да, ему не помешал бы свежий взгляд на всё это. Картина перед ним, и все нужные детали в ней есть, но он определённо что-то упускает. Что именно? Он не знал, и подкрепил отчаяние глубоким вдохом и выдохом.

— Гордон, — Кейт приблизилась и положила свою руку поверх его, — ты же понимаешь, что я права.

— Хорошо. Я только сохраню все данные и сброшу их на свой носитель.

— Как будто их кто-то украдёт, — она улыбнулась.

— Вдруг, не смогу сразу уснуть. Открою у себя, — он запустил процесс копирования, — понимаешь, нужен более глубокий анализ. В первую очередь не компьютерный, а логический. Чтобы мы всё ещё раз просмотрели и нашли недостающее звено. Или звенья. Или нужно искать не только в крови...

Он выпустил дым и, убедившись, что все данные скопированы, отсоединил ячейку памяти от компьютера и положил её в карман.

— Всё не может быть просто так, — продолжил он, — да. Нужно взять у Маркина ещё больше анализов, если потребуется. В том числе — пробу костного мозга.

— Думаешь, разгадка там?

— Это как минимум то, с чего нужно начать. Кровь должно было что-то создать. Я понимаю, что это не такой быстрый процесс, но мы должны попробовать всё.

Гордон поместил образец в дополнительную защитную среду, после чего запустил расширенный анализ. Может быть, система обрадует его утром? Потом выключил свой компьютер и всё остальное оборудование, которое не требовалось для нового анализа, после чего вместе с Кейт направился на выход.

— Эта кровь, — продолжил он, когда они уже были в коридоре, — если и опасна, то опасна только для его потомков, но не для нас, и тем не менее, это неизвестная патология, которая может быть следствием чего-то более серьёзного. Изменение деятельности мозга. Мы как-то о нём забыли. Но опять же, нужно выяснить его физическую причину. Чёрт бы побрал это всё.

— Ты устал. Поспи, только не шесть часов, а сколько захочешь. Я скажу, что ты переработал сегодня, и тебе можно прийти попозже.

— Нет. Я должен быть здесь вовремя. Всё нужно сделать.

Вернувшись в свою комнату, Гордон порывался подключить ячейку памяти к компьютеру, чтобы всё ещё раз просмотреть, но решил, что это, пожалуй, будет лишним. Он оставил её в кармане, а сам лёг в кровать. Мысли успокаивались. Он настроил себя на то, что поспать будет действительно полезно. Завтра, собравшись с силами вместе со своими коллегами, они одолеют эту угрозу.

Он проспал. Забыл включить будильник. Смена начиналась в девять, а он явился на работу в десять пятнадцать. Немного растрёпанный и помятый, но всё же полный сил и готовый работать. Пожалуй, Кейт была права, сказав, что ему нужно поспать побольше — до самостоятельного пробуждения. К счастью, его коллега, как и обещала, оповестила всех о его переработке, и у него не было никаких проблем, связанных с опозданием. Были проблемы другого рода — куда более неприятные.

Всё дело в том, что в девять утра Маркин потребовал провести новый анализ. И, к удивлению всех, система на этот раз не показала угрозы. После проверки крови в ней не было найдено никаких изменений — старший офицер был полностью здоров. Однако даже не это было главной проблемой. Главной проблемой, ввергшей в ступор сначала Кейт, а потом и самого Гордона, было отсутствие патологий в образце, в котором они ещё вчера были.

— Что? — лицо Гордона нахмурилось, челюсти сжались. Он не верил тому, что видит перед собой.

— Может быть, вы что-то перепутали? Или куда-то вкралась ошибка, — сказал Клоу, один из его коллег.

— Какая может быть ошибка? Я пока ещё в силах распознать гемоглобин! И патологии в нём, если таковые имеются. А как насчёт того, что я видел результаты анализа своими глазами?

— Да, — сдержанно сказал Клоу, — мы видим то, что видим. Вот вчерашний анализ. Он чист. Вот ваш дополнительный анализ, и он тоже чист.

— Но этого не может быть, — Гордон сжал зубы и нахмурил брови, возмущению его не было предела.

— Вот, — Клоу, немного встревоженно посмотрев на коллегу, вывел на экран данные ночных исследований.

Он не лгал, но это всё равно было абсурдом. Шутка? Если да, то очень нехорошая. Убедившись в правоте коллеги, Гордон взглянул на время проведения работ, зафиксированное в протоколе. Да, это были именно тот первый и второй дополнительный анализы, которые запускал он, но вот только результаты были совершенно другими. Нормальными. На увеличенных снимках они могли видеть кровь вполне обычного человека, лишённую каких-либо патологий, вызванных биологическим или каким-нибудь другим фактором.

— Бред! — сказал Гордон.

Он подсел к Клоу и несколько раз пролистал протокол, желая найти какое-то несоответствие, говорящее о подмене результата. В том, что это так, он не сомневался, и разбирательства, которые начнутся позже это уже другое дело. Кто и зачем это сделал, сейчас было неважно. Важно было докопаться до истины.

— Господин Гордон, вы имеете особое мнение насчёт этого анализа?

За его спиной возник не кто-нибудь, а сам Ричардс, и Гордону даже показалось, что он почувствовал его ауру за несколько мгновений до того, как его стало возможно опознать по голосу. Появление начальника было вполне логичным — сейчас решалась судьба человека в карантине. Он уже стал камнем преткновения в борьбе между научной службой и гарнизоном, и теперь, когда в распоряжении у учёных был нормальный образец, у военных возникал резонный вопрос, почему они тянут с освобождением старшего офицера? Но образец этот не мог являться показателем, если учесть то, что Гордон видел вчера, и точно не мог ошибаться или что-то спутать.

— Да, — он вытянулся навстречу Ричардсу. Лицо его было озадаченным, равно как и лицо руководителя начальной службы.

— И что вы можете мне сказать?

— Я знаю, как это прозвучит — очень нелепо — но я готов поклясться, что вчера этот анализ был совершенно другим.

«Поклясться» — звучит очень и очень глупо. Тем более, что они находятся в научной лаборатории. В ситуации, где нужны точные данные и результаты. Гордон, конечно, мог призвать в свидетели Кейт, она ведь, в конце концов, тоже видела вчерашние результаты, но не спешил этого делать. Она сама здесь присутствовала, но не спешила вступать в этот разговор. Естественно, что она сомневалась. То, что ты видишь сейчас, всегда выглядит более весомым по сравнению с тем, что ты видел вчера. Она не решалась, а он посчитал, что не имеет права её привлекать. В конце концов, это тоже было не слишком весомо, потому что их могут обвинить в сговоре. И тут вдруг его осенило — копию вчерашнего анализа он сбросил себе на носитель. И уж если она окажется точно такой же, как то, что он видит перед собой сейчас, то он будет готов согласиться с тем, что он сам что-то напутал, а анализы на самом деле действительно в порядке. Насчёт отдельной ошибки, конечно, ещё можно поспорить, но это уже дело третье.

— Вы понимаете, что этого недостаточно? — Ричардс смотрел на него пристально и сам подводил их разговор в нужном им обоим направлении.

— Да. И я скопировал данные вчерашнего анализа. Думал ещё посмотреть их перед сном.

Он судорожно обыскал карманы в поисках ячейки. В первый момент даже не заметил

её, но она всё-таки оказалась именно там, где и должна была быть. Сейчас на Гордоне было сконцентрировано внимание всех, кто находился в лаборатории. Этот анализ уже и так поднял шум, и если сейчас научный сотрудник продемонстрирует то, что данные каким-то образом были подделаны, это и вовсе взорвёт и лабораторию и вообще всех посвящённых.

Забавный момент — он был уверен в том, что видел своими глазами, знал, что именно этот носитель содержит подтверждение его слов, но сейчас всё равно сомневался. Ведь на этом компьютере информация оказалась подделанной, причём мастерски. А что, если он и вправду ошибся?

— Только одна просьба, — сказал он, достав носитель.

— Слушаю, — настороженно ответил Ричардс, — могу я воспользоваться другим компьютером?

— Вы боитесь, что эта машина нацелена на то, чтобы показывать одни и те же данные одного конкретного анализа? — подшутил руководитель.

— Нет. Но я предпочёл бы перестраховаться.

— Хорошо, господин Гордон, — Ричардс улыбнулся, — если для вас это имеет принципиальное значение, то вы можете выбрать любой терминал из числа тех, что находятся в пределах лаборатории.

— Спасибо.

Это уже пахло паранойей, потому что даже по его представлениям биологические факторы, оказывающие влияние на человека и прочие формы жизни, не могут также воздействовать на компьютерную технику, но всё же он не отступил от своего желания перестраховаться. В конце концов, потом может оказаться, что как раз данная форма жизни представляет собой уникальный прецедент. Для Гордона это было вполне вероятно, поскольку они уже имеют дело с беспрецедентным преодолением индивидуальной защиты человека.

Он мысленно выдохнул с облегчением, увидев ровно те данные, которые вчера копировал на носитель. С победным видом он вывел на экран сопроводительный протокол и автоматическое заключение компьютера, проводившего анализ. Дата и время проведения анализа соответствовали тем, что были на другом терминале, вот только результат был совершенно другим, полностью подтверждавшим первое исследование.

Ричардс и остальные явно не ожидали такого поворота. Вообще, технология проведения исследования и его протоколирования очень осложняла какую-либо подделку. Конечно, нет ничего невозможного, но это было невозможно в рамках научной службы данного конкретного корабля. Тем не менее, имела место подделка. Одна уж точно. И это было как минимум сомнительно. У Гордона не было мотивов, да и он мало чего мог добиться тем, что старший офицер Маркин остался бы в карантине. Вот только каков был мотив того, кто хотел, чтобы он оттуда вышел на основании улучшившихся анализов?

Руководитель научной службы сам сел к компьютеру и сравнивал результаты основного и дополнительного анализов в надежде вычислить подделку. Дело ведь не только в цифрах и кодах проверок. Дело ещё и в самой информации. Чтобы создать второй анализ, нужно создать копию, которую тоже можно было вычислить.

За Ричардсом следили все, кто находился в лаборатории. Он задумчиво смотрел в монитор и кликал цифры, графики и изображения. Всё указывало на то, что это действительно было два одинаковых анализа, показывавших, однако, разные вещи.

— Как вы сами можете это объяснить? — начальник обернулся к Гордону и потёр глаза.

И в этом жесте, и в его словах было бессилие, и все, кто осознал ситуацию, понимали его. Вот только понимание это не избавляло от необходимости разобраться в происходящем.

— Я знаю, это прозвучит неправдоподобно, но раз эта форма жизни смогла каким-то образом заразить человека, обойдя его скафандр, она могла проникнуть и в компьютер.

В любой другой ситуации такое умозаключение сочли бы не просто неправдоподобным, а даже абсурдным, и вообще могли посмеяться, но в сложившейся ситуации всё было иначе.

— И как вы считаете, оно всё ещё в его крови и просто не даёт обнаружить, или исчезло, но намеренно?

— Я не могу судить точно. Если следовать предложенной мною логике, то мы не можем доверять компьютерам, но и второй вариант возможен. В любом случае это не самое важное. Важно то, что враг скрылся от нас, но не исчез, как хочет нам показать.

— Это уж точно, — Ричардс выдохнул, — и что прикажете делать? И сам Маркин, и его начальник Филипс давят на меня, чтобы мы его выпускали. Мы задержали его из-за анализов, а теперь я должен сказать, что анализы ничего не значат, но мы всё равно не можем его выпустить?

Он смотрел на Гордона и ждал ответа. Старший научный сотрудник не ожидал такой ответственности, как будто бы сейчас руководитель поступит ровно так, скажет он. Гордон собрался и решил, что лучше ответить то, что он в действительности думает, и как поступил бы он сам.

— Они должны понимать ситуацию. Мы здесь не носим средства защиты, которые оно, к тому же, способно преодолеть. Нам нужно как минимум время, чтобы разобраться. И это не наша прихоть. Это нужно на благо всех. Болезнь пока имеет скрытую форму, но ситуация может ухудшиться, как только Маркин перешагнёт порог.

Ричардс не был любимым начальником своих подчинённых. Напротив, он был больше руководителем, чем учёным, и в руководстве иногда принимал такие решения, которые были продиктованы скорее политикой, нежели логикой или научной необходимостью, за что и не снискал всеобщего уважения. Вот и сейчас многие боялись, что он решит, будто раз они не могут обнаружить болезнь, то она не так тяжела, как ему хотят показать, поэтому Маркина можно выпустить и смягчить карантин до постоянного наблюдения. Однако руководителя научной службы самого пугала перспектива вымирания корабля.

Научная жилка в нём тоже была. Сейчас он очень явно ощутил, что те существа, которым принадлежал корабль, который они обследовали, тоже когда-то, возможно, сочли угрозу не слишком большой. Результат, к которому это привело, видели все. И сейчас он, возможно, корил себя и за то, что хоть немного не усомнился в том, что они умнее прежней жертвы этого существа. Они были в тяжёлой ситуации, и в данный момент нельзя было точно сказать даже, смогут ли они её исправить.

Учитывая, что этот вирус — или что-то другое — смог проникнуть одновременно и в человека, и в компьютер, причём изменил данные очень разумно, можно было сказать, что он не проявит себя до тех пор, пока Маркин находится в карантине, и тем сложнее его будет вычислить, но они приложат все усилия.

— Что же, — выдохнул Ричардс, — я должен признать, что ваши слова не лишены смысла, — надеюсь только, что мне удастся донести эти мысли и до военных, и, если потребуется, до высшего руководства.

Гордон кивнул. Ему было приятно осознавать, что его руководитель принял правильное решение, но вот что касалось остальных, от кого зависела судьба карантина, он не мог быть

столь же уверен. Те люди могут поставить свои мысли и предпочтения превыше общих, и тогда случится нечто ужасное.

Однако старший научный сотрудник волновался напрасно. Выслушав доводы Ричардса, и Филипс, и Джеймсон задумались, что уже само по себе было хорошим знаком. Руководитель миссии ощущал личную ответственность за то, что произошло. Этот, с позволения сказать, контакт был его личной инициативой, на которой он чрезмерно настоял. Конечно, если бы он представлял, к чему это приведёт, он не был бы так категоричен и настойчив, но теперь изменить уже ничего было нельзя. Нужно было противостоять угрозе, возникшей перед ними.

Решение давалось нелегко. В том числе и потому, что пока они не знали, что именно им угрожает, Маркин не просто будет оставаться в шлюзе, он ещё и единственный заразившийся, а значит, даже если им всем удастся избежать заражения, он всё равно с большой вероятностью может погибнуть. Ведь одно дело защититься от болезни или вируса, и совсем другое — излечить.

— Увы, я не делаю этого легко, но я соглашаюсь продлить карантин, — сказал Джеймсон, поглядев сначала на Ричардса, а потом на Филипса.

Именно командиру гарнизона Аурэмо предстояло донести эту новость до самого Маркина, который, мягко говоря, не обрадуется ей. Но таковы были действия, продиктованные серьёзностью сложившейся ситуации, а не чья-то прихоть.

— Пожалуй, я схожу с вами к старшему офицеру. Я понимаю его чувства, но все мы должны противостоять ситуации, в которой оказались.

Услышав эти слова, Филипс испытал облегчение, потому что всерьёз опасался реакции Маркина. Почему-то этот страх был превыше всего — субординации, понимания собственного долга и чести. Пожалуй, при других обстоятельствах он даже не смог бы сказать, почему именно этот страх возник, но он имел место, как будто командир гарнизона имел какие-то обязательства перед старшим офицером.

Сам же старший офицер с утра пребывал в хорошем настроении. Настолько, насколько это вообще может быть в том положении, в котором он находился. С самого утра он попросил о проведении повторного анализа. Он боялся, что учёные либо откажутся выполнить его просьбу, либо нарочно будут тянуть время, но всё прошло неожиданно хорошо, как будто новая проверка входила в их планы.

Ему не сообщали, но он как будто заранее знал, что всё будет хорошо. Эта уверенность, пришедшая к нему ещё вчера, утром только усилилась. Теперь всё точно будет отлично. Уже сегодня вечером он будет обнимать жену и дочь, а этот неполноценный контакт с вымершим инопланетным кораблём останется в прошлом. Он будет вспоминать о времени, проведённом в карантине, как о лёгком приключении, которое в определённый момент было нужно хотя бы для того, чтобы встряхнуть его, но теперь его можно не воспринимать всерьёз.

И когда ближе к полудню на связь с ним вышел Филипс, он был готов радоваться и даже представлял, как сейчас ему выразят благодарность за тот риск, которому он себя подверг во имя общего дела. Однако эти мысли мигом оставили его, когда следом за командиром гарнизона в поле зрения камеры связи появился сам Джеймсон. Вряд ли он тоже пришёл для того, чтобы выразить благодарность.

Маркин замер, сердце его бешено колотилось. Хотя, если бы хотели выпустить, выпустили бы сразу, но Джеймсон говорил и говорил. О том, что анализы его нормальные,

но дополнительные пробы всё же выявили угрозу. Что им нужно ещё время, а также дополнительные образцы. Образцы вообще всего, что можно взять у человека — слюны, волос, ногтей, кожи и так далее. Сказали, что, возможно, даже потребуется проба костного мозга, так как сам источник патологии может скрываться именно в нём.

Но Маркин уже не слушал их. Дыхание его участилось, он чувствовал, как раздуваются сосуды под его кожей. Ненависть, безысходность, злоба — вот всё, что он сейчас испытывал. Пожалуй, и для Филипса, и для самого Джеймсона было лучше, что их отделяла перегородка, непреодолимая для старшего офицера, иначе он налетел бы на них и задушил собственными руками. Для него сейчас важнее всего было его собственное самочувствие. У него всё было прекрасно, и можно было хотя бы смягчить ему условия, но об этом не могло быть и речи. Он останется здесь, и с этим ничего нельзя поделать.

Он едва сдержался, чтобы не обрушиться на своё руководство. В конце концов, разум взял верх. Он выйдет отсюда, рано или поздно, и как к нему будут относиться, решается именно сейчас. Пусть лучше он станет всеобщим героем, чем истеричкой, которая исполнила свой долг просто потому что ей не оставили выбора. Поэтому он согласно покивал в ответ на просьбы о новых образцах, а потом бессильно опустил обратно на кушетку. В это время он уже должен был направляться к семье, преисполненный радости, но он оставался в запертой камере, отделённой от всего остального корабля.

Кризис, связанный с неизвестным изменением анализов, миновал. Маркин не стал проблемой, как и подобало старшему офицеру, и все принялись за работу. Сначала нужно было расширить базу анализов, а это кропотливый труд, однако по-настоящему сложно станет в конце, когда все элементы картины уже будут находиться на положенных им местах. При отсутствии явных изменений на верхних уровнях, нужно будет проникать всё глубже и глубже в структуру тканей донора, чтобы найти недостающие звенья, вывести враждебную форму жизни на чистую воду и придумать механизм противодействия. И пока ещё было что делать и куда двигаться, все, в том числе и беспокойный Гордон, чувствовали себя относительно уверенно. Если существо каким-то образом проникло в тело человека, оно должно оставлять следы, которые под силу выявить другим людям.

День же Криса Харриса и его соседей по уровню происходил и вовсе однообразно и без каких-либо приключений. Не будет преувеличением сказать, что они тоже находились в своего рода карантине, правда карантин этот был не физическим, а информационным и социальным. Они не контактировали с теми, кто мог бы поделиться с ними информацией, поэтому в их распоряжении находились по большей части лишь слухи, не имевшие под собой достаточного основания.

Смена, на счастье, была тяжёлой в физическом плане. Потребовалось много ходить, крутить много гаек, но, в конце концов, удалось справиться даже без приостановки водоснабжения нижних уровней. Радовало то, что все неисправности были свежими. Прорывы случались в тех местах, где всё было сделано ещё на заводе. Харрис и его коллеги старались устранять протечки как можно более качественно, чтобы потом не возвращаться в одни и те же места. Это давало надежду на то, что со временем они более или менее подделают Аурэмо, и работы у них станет меньше.

Тяжёлая смена предполагала хороший сон, что в данный период времени было для Харриса высшей ценностью. В его тесной комнатке всегда находился тот, кто не слишком хотел спать в объятиях другого, и сейчас это был он. Правда, в отличие от своей формальной жены, какое-то внутреннее ощущение не позволяло ему выражать свою неприязнь открыто, но и заставить себя радоваться этому он не мог.

Решив подкрепить своё желание спать парой порций пива, которые, как Харрис считал, он сегодня заслужил за такую тяжёлую смену, он направился в бар. Он рассчитывал на то, что просто посидит, в качестве добавки к пиву съест какой-нибудь хрустящий полуфабрикат не слишком хорошего качества, чтобы не слишком налегать на рацион, который ещё может понадобиться, и выкурит пару сигарет. Учитывая почти полное отсутствие прочих развлечений, такой план выглядел для него очень привлекательно.

Он размышлял, стоит ли сесть за стол к своим товарищам, которые хоть и по большей части обсуждают всякую ерунду, всё же лучше одинокого времяпрепровождения, да и под их голоса было лучше подумать о чём-то своём. Однако он боялся, что негромкие переговоры пойдут не в то русло.

Услышав однажды о готовящемся восстании, он посчитал это лишь словами, а тех, кто их произносит, неспособными к реальным действиям. Никто из них, по его мнению, не взял бы в руки оружие, чтобы отстоять то, что провозглашает. По мнению Криса, это было не так уж плохо. Со временем пустозвонство у людей пройдёт, а спокойная жизнь и нормальная

обстановка на корабле останутся. Но он, к сожалению, ошибался.

Сегодня в баре на самом нижнем уровне он увидел Колграда, которого все называли лютым. Сразу решил, что к товарищам он не подсядет. Разговоры их ясны, и изменить вектор не получится, да и не потребуется. Харрису нужно лишь немного отдохнуть, после чего он направится спать.

Колград внёс небольшую плату за билет и работал на четвёртом уровне уменьшенную смену. Именно он подходил и под роль того самого осведомителя, который снабжал местных информацией о том, что происходит выше, и на роль того человека, который способен достать для начинающих революционеров оружие. Ну и, естественно, природная смекалка и харизма позволяли ему быть идеальным лидером готовящегося переворота.

Конечно, всё было не так просто, как он рассказывал тем, в чьих сердцах хотел разжечь огонь восстания, и у него, конечно же, были свои цели, но до этого мало кто мог бы догадаться. В отличие от своих подопечных, он получит больше, намного больше. Харрис не знал, что именно, но ему это было не нужно. Он не верил Колграду и ему подобным. Беря из автомата пиво, он с радостью подумал о том, что правильно сделал, что отказался, когда Скотт уговаривал его примкнуть к восставшим.

Закуривая у стойки рядом с автоматом, Харрис решил прямо здесь и расположиться, благо здесь было достаточно свободно. Он демонстративно не посмотрел в сторону зала, и проигнорировал взгляд и пригласительный кивок, которыми его встретил Скотт. Крис представлял, что сейчас будет очередная попытка уговорить его, и он заранее знал ответ, поэтому решил избавить своих товарищей-революционеров от лишних хлопот.

Однако не успел он прикончить и первый стакан пива, как Скотт сам подошёл к нему. У него был предлог — взять ещё пива для тех, кто сидел с ними, но Харрис понимал, что именно он является основной целью.

— Почему не садишься к нам? — спросил он, приблизившись к Харрису, пока автомат наполнял стаканы.

— Хочу побыть один. День сегодня был нелёгкий.

— Послушай, Хар, мы можем всё устроить. Просто послушай.

— Нет. Я всё это уже слышал и представляю.

Харрис выпустил дым и посмотрел Скотту в глаза.

— Пожалуйста, — почти шёпотом взмолился тот, — и если после того, как ты услышишь то, что тебе хотят сказать, решишь отказаться, я уже больше не буду тебя тревожить.

Харрис молчал и смотрел в глаза товарищу. Продолжать отнекиваться или сделать так, что тот, как и обещает, отстанет от него навсегда. Потом они выпьют лишнего пива и завтра действительно проснутся с головой, которая болит чуть больше, чем обычно, а он получит покой.

— Пожалуйста, — одними губами повторил Скотт, видя, что его товарищ склоняется к тому, чтобы выслушать Колграда.

— Ладно. Но запомни, ты обещал мне.

— Обещал, обещал, — кивнул Скотт, беря Харриса под локоть и увлекая за собой.

— Дай ты хоть пиво взять, — притормозил его Крис, беря со стойки почти допитый стакан.

Он знал, что интересен Колграду. Его армия может быть и велика, но по большей части необучена. Может быть, он даже обещает ему нечто большее, чем своим соратникам. Вот

только Харрису хватало опыта, чтобы понять, что никаких подобных действий лучше не затевать, поскольку они заранее обречены на провал. В совокупности на верхних уровнях живёт больше людей, плюс у гарнизона не может не быть каких-нибудь секретных средств, о которых простой житель, тем более с самого дна Аурэмо, может не знать.

Естественно, что собственная потенциальная ценность, о которой подозревал Харрис, подразумевала и более интенсивную атаку на его сознание силами убеждения его оппонента, с которым он вообще предпочёл бы не говорить, если бы не соблазн всё поставить на свои места раз и навсегда. И атака эта началась едва только Крис сел за стол напротив Колграда. И началась она с пристального оценивающего взгляда, который являлся первым испытанием из числа тех, что Харрису сегодня предстояло пройти.

— Думаю, представляться нет нужды. Мы знаем друг друга, хоть и заочно, — сказал Колград.

Голос у лидера готовящегося восстания был певучий, приятный — вполне ожидаемая составляющая харизмы того, кто очень легко убеждает людей делать то, что нужно в первую очередь ему. Тем не менее, Харрис выдержал и взгляд, и эти слова. Холодность и усталость спасали его. Он сделал установку, представляя, что перед ним сидит очередной глупый и самонадеянный командир, тупой приказ которого, однако, не обязательно выполнять. Можно вернуться в тёплую казарму на мягкую кровать и забыть всё как страшный сон, что он с радостью и сделает, вот только выслушать всё равно придётся.

— Думаю да, сэкономим время, — кивнул Харрис, легко улыбаясь.

— И то, что я хочу тебе сказать, ты тоже представляешь?

— Представляю.

— Скотт мне рассказывал о тебе. Тебе через многое пришлось пройти, и это несправедливо, что ты находишься здесь, хотя по праву заслуживаешь место в гарнизоне. Ну, или как минимум на пару уровней выше в сдвоенных или даже строенных апартаментах.

— У меня не было денег, и всё, что я сделал для того, чтобы сюда попасть, это поставил пару подписей. Это было, — Харрис сделал паузу и нарочно изобразил задумчивость, — недорого.

Он посмотрел в глаза Колграду и улыбнулся.

— Но ты заслуживаешь больше.

— Я согласился с договором. Да, я об этом, бывает, жалею, но это не меняет того, что однажды я подписался.

— Я лишь хочу, чтобы мы перестали быть мясом в их руках. Чтобы каждый получил то, что заслуживает по праву.

— И каков твой план? — Харрис достал сигареты, зажигалку и закурил.

— Мы выбьем причитающееся нам силой.

— Это я понимаю. Не буду спрашивать как. Лучше спрошу, а что дальше? — он выпустил дым.

С тем, что дальше, у Колграда были проблемы. Так могло показаться, но лишь потому, что он не особенно спешил посвящать своих соратников во все тонкости своего плана. Хотя, его могло не быть на самом деле. То, что он не дурак, и в своё время был при деньгах, раз смог купить себе относительно неплохое местечко на корабле спасения, не означало, что у него есть высшая цель. Вот те, кто хотели заработать на постройке корабля, а потом ещё хоть немного проредить задыхающееся земное сообщество хотя бы дали эту высшую цель тем, от кого избавлялись. И цель эта, надо сказать, в головах энтузиастов породила заразительный

восторг. Да, средства никудышные, не слишком ответственные части корабля построены из рук вон плохо, но для чего иначе нужен был бы Харрис и вообще весь рабочий класс?

Колград и ему подобные, конечно же, высшей цели не имели. Да и сложно было бы предложить нечто, что может по значимости сравниться с освоением других миров. Там, где человечество сможет продолжить свой космический путь и находиться не в режиме выживания, а будет спокойно расти и развиваться. Разве что, он мог бы пообещать, что от них будет больше зависеть в общем деле, но к чему такая ответственность тому же Скотту, который в колониальном деле мало что понимает, как и все они? Тогда зачем это всё? Без высшей цели, способной, как вирус, поразить умы, не добиться даже лучшего места, потому что через пару месяцев и роскошные номера самых высоких жилых уровней станут скучными.

— Тебе нужно что-то кроме лучших условий?

— Ну, условия будут. Мы захватим, — он нарочно помедлил, — всех. А потом? Мы ведь не где-то там, где можно организовать своё королевство.

— Мы возьмём их за горло, и у нас будет всё. А они в обмен на это смогут делать то, что делали.

Он не уточнял, кого подразумевает, говоря своё «их». Но под этим явно подразумевалось высокое руководство Аурэмо. Может быть даже самое-самое, которое, если верить всеобщим теориям, скрывается за спиной руководителя миссии Джеймсона. Его ответ, по сравнению с остальными хорошо подготовленными словами выглядел спонтанно. Эти слова он придумал только что, чтобы умело возразить Харрису. Надо сказать, на определённом уровне соображалка у него работала. Всё выглядело складно, если особенно не углубляться — всё остаётся по-прежнему только рабочая чернь перестаёт быть рабочей чернью. Харрису ничего не оставалось кроме как просто покивать. Где-то в глубине души он хотел бы спросить что-то вроде «И это всё?», но не спросил, потому что сам не знал, чего хочет.

— Ты с нами? — спросил Колград прямо, — выступаем сегодня и к утру уже будем королями.

— Нет. Ваш план хорош, но если бы здесь кто-то не был способен отразить нападение, то всё уже бы сделали до вас. И не забывай, что у них могут быть осведомители. Вы ещё не сделали шаг, а они уже знают.

— Хорошо. Я учту, но и ты учти, что тот, кто не с нами, потом ничего не получит.

— У меня есть всё, что мне нужно.

Харрис опустошил свой стакан и поднялся, радуясь, что их разговор закончился так быстро, хотя они могли ещё некоторое время ходить вокруг да около без особенных результатов.

— Я не думал, что ты такой трус, — сказал Скотт, достаточно громко, чтобы слышали все окружающие.

— Нам здесь хватит смельчаков, — перед выходом в коридор Харрис взял зубами сигарету из пачки и легко кивнул.

Он рассчитывал сегодня выпить два пива, и происшествие в общественном баре не должно было, по его мнению, менять его план. Так что пластиковую банку пива он взял в одном из автоматов, стоявших в коридоре, и, не желая идти домой, прошёл с ней в курилку. Там было несколько человек, и он дождался, пока все они уйдут. Не то чтобы кто-то возмутился тем, что он употребляет алкоголь в неположенном месте — здесь такие мелкие

формальности не соблюдались — просто сам Харрис не хотел, чтобы кто-то его видел.

Тем приятнее было сделать глоток, когда он остался один. Глоток этот был большим, как будто бы эта порция пива была последней в его жизни. Он отхлебнул почти половину, после чего припрятал банку сзади, услышав в коридоре шаги.

Это было двое молодых людей. Они о чём-то говорили, но, увидев Харриса, осеклись. От этого ему показалось, что темой их разговора была готовящаяся революция. Неужели усилиями Колграда в неё были втянуты все, кто вообще мог быть хоть немного боееспособен?. Впрочем, как думалось Харрису, молодых и не нюхавших пороха запутать ещё легче. Нужно просто сменить формулировки, сосредоточившись на значительных улучшениях условий жизни. Тем, кто не знает, как вообще может быть, тем более будет мало того, что они имеют в данный момент.

Что же касалось фраз, которыми он хотел завербовать самого Криса, то особенно теперь они вызывали у него улыбку. «Ты через многое прошёл, и мы хотим, чтобы ты пережил всё то же самое, только теперь во благо нас любимых, а не какого-то там командования, никому не известного». По сути, так оно и было. Чем очередной Колград лучше других, желающих лить кровь? Вот только там, на космической войне, это кровь хотя бы не тебе подобных, имя которым — человечество, и так находящееся далеко не на пике своих возможностей.

Но всё же скорее эти двое молодых людей обсуждали не готовящееся восстание, а что-то другое. Тем не менее, Харрис ощущал недоброе. Не Колград, но Скотт заронил в него частицу сомнения. Что если действительно он не хочет ничего делать не по причине того, что хорошо представляет себе последствия, а из-за страха? Он не признаётся, что просто боится вновь быть раненым или вообще погибнуть. Или, может быть, дело в том, что он пошёл бы, если бы высшая цель, этот идеал сего восстания, совпадала с его собственной? Ну, для этого, по крайней мере, нужно было хоть в общих чертах представлять чего ты хочешь на самом деле, а этим Харрис похвастаться не мог. Пожалуй, больше всего он хотел бы сейчас, чтобы у него был тот самый идеал, но он не мог сказать, каким он ему представляется. Наверное, неплохо было бы увидеть другие миры, поучаствовать в их колонизации, но это уж точно не достигается путём кровавого свержения действующей власти, а если мыслить здраво, то для него, Криса Харриса, и вовсе недостижимо, что ни делай.

Он хотел осушить пластиковую банку до конца за второй глоток, но в коридоре снова послышались шаги, и он её спрятал. На этот раз это была Ноа. Вид у неё был неважный. День, наверное, выдался тяжёлый. Тем не менее, она поздоровалась с Харрисом, и искренне, хоть и вымученно, улыбнулась.

— Неурядицы в семье? — спросил он.

Это было смело, но он предположил, что кто-то из её родственников мужского пола может быть вовлечён в заговор. Это было заразно похлеще космических вирусов. Ещё пару недель назад всё это было лишь на уровне шёпота в общественном баре, а сейчас уже нельзя было сказать, что кто-то не вовлечён в готовящееся всеобщее действие. Главарь и его приближённые обсуждают так сказать, генеральный план, собравшись за стаканом пива, остальные же готовятся к выходу у себя дома. Может быть, решают, стоит ли действовать, а может, уже всё решили и только ждут момента, когда смогут действовать. И, к своему удивлению, Харрис угадал.

— Да. Вы ведь, наверное, знаете, — тихо сказала она, пройдя вперёд и сев рядом с ним.

— И что ты думаешь?

— Я не знаю. Но я боюсь. Очень боюсь. Братья. Я пытаюсь их отговорить, но они не

соглашаются.

— Это сложно.

— Все мы устали, — она прикрыла глаза, — но я всё равно боюсь.

Они замолчали. Харрис ничего не говорил, а она просто сидела и курила. Бросив в урну первую сигарету, она подожгла ещё одну.

— Вы пойдёте с ними? — спросила она.

— Я нет.

— Почему?

— Я уже отдал руку и часть головы. Хорошо, что жив. А ведь сейчас будет всё то же. Сражаться будут одни, а получать награды — другие. Что, думаешь не так?

— Они говорят, что все мы будем жить на высоких уровнях.

— Они говорят. Они всегда говорят.

Харрис бросил в урну недокуренную сигарету, одним глотком осушил пластиковую банку и бросил её туда же, потом поднялся, положил настоящую руку на плечо девушки и посмотрел ей в глаза.

— Береги себя и братьев. Может статься, это последний спокойный вечер на этом корабле.

Он направился на выход, слегка пошатываясь от усталости и выпитого.

— А кто сбережёт вас, мистер? — она даже приподнялась.

— Уж я справлюсь, — сказал он, устало улыбнувшись.

Марси тоже была на взводе. Видимо, ей уже успели рассказать о том, что готовится. Едва Харрис открыл дверь, как она вышла ему навстречу. Он подумал, что она сейчас что-то скажет, например что он немного пьян, а сегодня нет праздника, но она вместо этого спросила, хочет ли он есть.

— Да. Только я забыл взять смесей.

— Там осталось. Проходи.

Он не без удовольствия снял ботинки, а потом умылся, после чего сел за стол. Марси быстро развела яичный порошок, после чего ушла на общую кухню. Он проводил её взглядом и задумался над тем, что не зря однажды выбрал её и сделал всё, что мог на тот момент. Эта жизнь на нижних уровнях корабля спасения кого угодно сделает потасканным, а если отбросить всё, то это была достаточно красивая женщина, и даже неглупая. Жаль, что у них ничего не сложилось. И теперь, думалось ему, уже не сложится.

Она вернулась быстро. Молчала, смотрела, как он спокойно ест, но молчание это было напряжённым, как будто она что-то хотела у него спросить, но не решалась.

— Нет, я не иду с ними, — сказал он, решив, что это будет подходящим ответом.

— Почему?

— Потому что я бывал в армии и знаю, что могут парни с бортовой специализацией. А когда придут к тебе, я очень советую сказать, что мы ничего такого не знали, и, видите, мы даже нигде замечены не были.

— Ты думаешь, у них не получится?

— Нет, дорогая моя. Я знаю, что не получится.

Тем не менее, Марси стала спокойнее. Наверное, она приняла бы любое его решение, но сейчас, когда он точно никуда не пойдёт, и его жизни ничто не будет угрожать, ей стало легче.

— Но как же Скотт?

— Взрослый мальчик. Надеюсь, хватит ума удрать, когда запахнет жареным.

Харрис хоть и устал, вкратце рассказал ей историю сегодняшнего вечера. Он не был точно уверен в том, что у заговорщиков не получится вообще ничего, но знал, что эта ночь, когда Марси сама занялась с ним сексом, будет последней спокойной ночью на этом корабле. Так или иначе. Он думал о том, что оказался между двух огней. В случае удачи революционеров его не оставят в покое, потому что он им не помог. В случае, если верх одержит гарнизон корабля, то нижние уровни ждёт чистка и наведение тотального порядка. Вот только он ничего не знал о ещё одном участнике, пока что остававшемся нейтральным, но от этого не менее могущественном.

Беспокойство началось со стука в дверь посреди ночи. Харрис подозревал, что за ними придут те или другие, но не ожидал, что так быстро. Да и стук представлял себе иначе — грубым и мгновенно пробуждающим, а этот был тихим, быстрым, но навязчивым.

Крис поднялся с кровати и направился к двери, надев рабочую робу лишь наполовину. Он застегнул штаны, а верхнюю часть лишь накинул. Марси подалась следом за ним, быстро накинув на себя халат, но по его указанию вернулась назад, в спальню. Меры предосторожности были приняты, однако на пороге был не тот, кого Крис ожидал увидеть.

— Дора? — удивился Харрис, увидев в коридоре заплаканную жену Скотта.

— Хар, — сказала она и тут же принялась заливаться слезами.

— Что случилось? — из спальни выскочила Марси.

— Скотт... Они... Ну вы знаете. У них всё очень плохо. Говорят, что солдаты прижали их к шлюзу. Скоро вообще окружат, и никого-никого не пощадят.

Слушать её было тяжело из-за того, что она каждое слово приправляла изрядной порцией слёз, делая при этом паузу, но Харрис слушал. Он уже понимал, к чему она будет клонить, и о чём попросит, и ему нужно было время, чтобы решить, что делать.

— Вытащи его, пожалуйста. Недавно принесли Хоупа. У него пуля в животе и ещё одна в груди. Говорят, что если его сейчас же не отнести в больницу, он умрёт. И Скотт. Он тоже ранен. Они их всех убьют. Никого не пощадят.

— Его и так не пощадят, — сказал Харрис.

— Пусть, — снова расплакалась она, — делают, что хотят. Пусть наказывают, но лишь бы он был жив.

Харрис молчал. Дора плакала, прижавшись к обнимавшей её Марси. Жена смотрела на Криса с ожиданием, и по этому взгляду нельзя было сказать, какое из его решений устроит её больше.

— Пожалуйста, — плакала она, — мне больше некого просить. Не дай Говарду остаться без отца.

— Послушай сюда, — Харрис озлобился и, вырвав Дору без объятий жены, схватив за плечи, притянул к себе, — кто посылал твоего любимого муженька воевать? Я может быть? Или Марси? А, женщина? Я жду ответ! Почему я здесь, и со мной всё в порядке, а он хрен знает где, и ты плачешь по нему, потому что его уже, может быть, нет в живых? Хотели больше кусок? Так вот вам по самые гланды. Наслаждайтесь.

— Хар, — она взмолилась.

— Нет. Не надо теперь. Ты хочешь, чтобы здесь тоже плакали по старшему мужчине? Этого не будет.

— Просто вытащи его, и больше ничего.

Харрис уже было хотел выпроводить Дору в коридор, но поймал на себе взгляд Марси, которая как будто хотела попросить его о том, чтобы он выполнил просьбу соседки. Он и сам склонялся к этому, но ещё не окончательно решился.

— Пожалуйста, — продолжала тем временем стенать Дора, — ты его единственная надежда. Просто верни его и всё. Я всё сделаю, что скажете.

Харрис выдохнул и посмотрел на Марси. Та едва заметно кивнула. Пожалуй, это был момент наибольшего их единения за всё то время, что они провели на Аурэмо.

— Пожалуйста.

— Хорошо, — сказал Харрис и принялся застёгивать комбинезон, — но вы наши должники по гроб жизни этого чёртового корабля.

— Да, да, спасибо Криззи.

— Не надо слов. Приглядишь за ней, пока я вытащу этого идиота? — обратился он к жене.

— Да, конечно.

Он быстро застегнул комбинезон, ничего под него не надев, обулся и направился к выходу. Марси остановила его и поцеловала в губы. Это был самый искренний поцелуй вообще за всё то время, что они были вместе.

— Будь осторожен.

— Да уж. Постараюсь сделать так, что даже если мы попадёмся, нас нельзя было строго наказать.

Под этим он подразумевал, что нельзя никого убивать, а ещё лучше постараться, чтобы никто не подумал, будто он вместе с революционерами.

Улей нижних уровней действительно вспыхнул, но не столько огнём восстания, сколько эпидемией свинцовой чумы. Как и подозревал Крис, ребята с бортовой специализацией ведения боевых действий нанесли новоиспечённым бойцам за большой кусок пирога серьёзные потери. Коридоры и многие комнаты, двери которых были открыты, наполнились ранеными.

Ещё один минус плохой готовности организации. Здесь не было людей, способных оказать даже примитивную медицинскую помощь. В лучшем случае умений местного населения было достаточно для того, чтобы промыть рану и наложить повязку. В большинстве случаев этого, разумеется, было недостаточно. Так что при случае гарнизону не придётся даже брать штурмом нижние уровни. Достаточно будет запереть всех местных на сутки, чтобы свинцовая чума серьёзно проредила их ряды.

Харрис шёл и понимал, что не нужно даже быть военным, чтобы представить масштабы катастрофы, постигшей заговорщиков. Ему даже не хотелось злорадно произнести то самое «А ведь я говорил», потому что ему было далеко не до смеха. Бутафорское оружие, которое он видел у некоторых, могло служить лишь только для того, чтобы угрожать точно такой же невооружённой черни, как и сами новоиспечённые революционеры. Конечно, никто из них этого не понимал. Сухая логика и математика в симбиозе — если ты делаешь один выстрел, в то время как враг накрывает тебя вихрем пуль, ты, скорее всего, уже не жилец.

При переходе на верхние уровни у Харриса появилась возможность ненадолго забыть о том, что произошло, потому что там было относительно тихо и спокойно. Не было тел, и следов боя. Эту часть своего нелёгкого пути заговорщики преодолели. Здесь можно было найти разве что, следы крови, оставшиеся с того момента, как назад несли раненых.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Первая драка случилась на пропускном пункте на четвёртый уровень. Не всякий, кто находился в самом низу, мог туда пройти, и уж тем более, туда не пустили бы целую толпу с нижних уровней. А пройти было надо.

Харрис даже не знал, кого ему больше было жалко. Вахтёров, которые, по сути, были ни в чём не виноваты, или почти также невинно убитых революционеров, которых было четверо. Не слишком удачное соотношение, если учесть, что на их стороне было преимущество неожиданности, а противостояло им лишь два человека, вооружённых,

однако, полуавтоматическими пистолетами. Пожалуй, именно эти две единицы оружия и стали первыми серьёзными трофеями заговорщиков. Их, как думалось Крису, с каждым новым уровнем будет становиться всё меньше, по мере того, как гарнизон, поднятый по тревоге, будет занимать более удобные позиции и перекрывать революционерам кислород. А что до цены, то за каждую автоматическую единицу с нарезным стволом придётся отдать ещё больше жизней.

Во всей этой ситуации довольным был лишь тот, кому было выгодно пролить как можно больше крови. Естественно, в этом плане, высокое руководство Аурэмо было не таким уж плохим. Пусть в силу вполне прозаичных причин — кто иначе делал бы на корабле всю грязную работу — но всё же. Лично для Харриса главным ублюдком был Колград, который, должно быть, не шёл в числе первых, и не подставлял свою грудь под пули. Когда те, кого он побудил к действию, шли вперёд, он нависал над ними и продолжал дёргать за верёвочки, подобно кукловоду. Восставшие, без преувеличения, думали, что станут подобием волны, сносящей всё на своём пути, и что тот, кто не будет убит, сдастся. Но всё оказалось не так, как было в сладких мечтах новоиспечённых революционеров.

Волну на каждом новом уровне поджидали новые волнорезы, продолжавшие дробить её, разбивать, ломая по одному тех, кто её составлял. Они думали, что солдат тот, кто держит в руках оружие, и только те, кто, подобно Харрису, был настоящим солдатом, знали, что это не так. Настоящие солдаты, как не прискорбно было это осознавать, находились на другой стороне. Они действовали грамотно, слаженно, стреляли метко и в положенное время. Их оружие и снаряжение многое им позволяло, и они этим пользовались. Тех из них, кто погиб, пожалуй, Харрису было жаль даже больше тех марионеток, которые пошли на убой по приказу кукловода. Они выполняли свой долг, хотя если бы некоторые сидели на тех местах, которые выбрали, этого бы делать не пришлось.

Харрис точно не знал, где находится шлюз. Лишь приблизительно представлял, что это место выше их уровней, но как туда добраться? Оставалось лишь идти по кровавым следам, которых становилось всё больше.

Первая неприятность случилась с ним при переходе на шестой уровень. Он неожиданно наткнулся на укрепившихся солдат. Сразу стало ясно, что выше заговорщикам пройти не удалось. Уходя от пуль, Харрису пришлось отойти назад. На его счастье ему не нужно было прорываться туда любой ценой. Даже хорошо, что ему отрезали путь, а то здесь, в сердце разразившегося боя, уже нельзя было просто идти вдоль пути, усеянного телами. Они тут были повсюду.

Самую настоящую горячку боя он вспомнил уже на подходах к шлюзу и карантинной зоне, где и укрылся тот самый отряд революционеров, в котором состоял Скотт. Именно вспомнил, а не ощутил. Похожие чувства у него уже бывали, и не раз, во время космической войны, когда приходилось оборонять станции, до которых при условии достаточно слабого флота неизбежно добирались враги. Земных тел даже в те времена было гораздо меньше, но в целом обстановка была соответствующей.

О том, что окопавшихся в шлюзе революционеров зажали в клещи, говорило то, что и внизу и вверху уже были укрепившиеся солдаты гарнизона. Харрису помогло то, что они не ждали никого с той стороны, откуда пришёл он, и то, что он был один. Правда, даже в этой ситуации ему только и удалось, что проскочить вперёд и буквально вбежать в шлюз, где его чуть было не застрелили сами заговорщики.

Хорошо, что они не выстрелили в первый момент, успев, очевидно, заметить, его

одежду. А уже через несколько секунд из-за одной из баррикад, состоящих в основном их мебели, выскочил Скотт с автоматом наперевес и радостно устремился навстречу Харрису. Он уже прихрамывал, да и плечо его было грубо перемотано, очевидно, первой попавшейся тряпкой.

— Хар! Ты решился! Какой ты молодец! Дайте ему автомат!

— Нет, — Харрис отмахнулся от молодого паренька, оперативно протянувшего ему оружие, — я хочу поговорить с тобой наедине. Можно?

— Конечно. А что стряслось?

— Идём.

Они направились в карантинную зону. Так как основная часть бойцов-заговорщиков сосредоточилась на подходах к шлюзу, там можно было поговорить так, чтобы никто ничего не услышал.

— Я пришёл вытащить тебя, — сказал Харрис, когда они оказались наедине.

— Зачем? Почему?

— Дора сказала, что дела ваши плохи, да я и сам это вижу. Вас окружают и скоро зажмут здесь. Вы уже даже не сможете пройти назад. Пожалуйста, пока не поздно.

— Что за чушь? — процедил Скотт, сжимая свои тонкие губы, — у нас всё по плану. Сейчас сверху придут ещё наши и вытащат нас. А вот солдафонов мы заперли внизу. Им уже никуда не уйти.

— Чёрт возьми, Скотт, — Харрис взял его за плечи и встряхнул, — неужели ты ничего не видишь? Им не надо никуда идти. Достаточно того, что они при надобности сами смогут запереть вас. И сверху, я не знаю, сколько вас должно быть, чтобы пробиться. Наш сектор полон раненых, все коридоры полны. И тела повсюду. Одумайся, Скотт!

— Но нас уже не пощадят.

— Ты сдашься, мы расскажем, как всё было. Да, наказание, но никого не казнят. Мы по-прежнему нужны им, поэтому убивать никого не будут.

— Ты трусил, Хар, но знаешь, что ещё хуже? Ты пришёл ко мне сюда и пытаешься так же напугать меня. Не выйдет! Я никуда отсюда не уйду. Ты можешь бежать назад, к своей шалавистой жёнушке, а я останусь здесь и буду драться за свою свободу.

— За свободу надо драться не с теми, с кем дерёшься ты. Это Колград. Вы поможете ему получить то, что ему нужно, и очень быстро станете не нужны, вот увидишь.

— Про него вообще ничего не смей говорить! — закипел Скотт, — и я, и он, верили тебе, а ты так с нами обошёлся.

— Что? — Харрис рассмеялся, — он верил мне? Да он меня не знает. С чего бы ему взять и верить мне?

— С того, что он верит всем, и мы должны быть сплочёнными.

— Просто послушай меня и пойдём.

— Нет. Вали, Хар. Максимум, что я для тебя сделаю, это прикрою, когда ты будешь драпать, чтобы те, кого ты защищаешь, ненароком тебя не подстрелили.

— Что передать твоей жёнушке нешалавистой, но на которую ты всё равно забил?

— Скажи, чтобы ложилась спать и ждала к завтраку.

Харрис уже собирался уходить, когда их позвал один из людей, стоявших около выхода из карантинной зоны.

— Что там? — спросил Скотт.

— Там ихвоенный, — сбиваясь, сказал молодой паренёк, вооружённый бутафорским

подобием пистолета, — он говорит, что знает все пути и коды, что если мы его выпустим, он нам поможет.

— С чего бы нам верить тебе, вояка? — Скотт обратился к сидящему в карантине Маркину через видеосвязь.

— С того, что мне нет смысла им служить. Я здесь как в тюрьме. Посадили и держат, — ответил старший офицер.

— За что?

— За то, что они тупорылые ослы, а я об этом узнал.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Скотт, — оружие тебе не дадут, но пару кодов ты нам подкинешь.

— Стой, — постарался остановить его Харрис, когда его товарищ уже потянулся к кнопке открытия дверей.

— Что? Ты вообще, кажется, собирался валить.

— Он сидит там не просто так. Это карантин. Он заразный.

— Чушь. Я чист. Система не помешает открыть двери. Сам попробуй, — донёлся голос Маркина.

Он был прав. Если бы угроза всё ещё присутствовала, система не позволила бы запустить процесс открытия. До тех пор, пока не появились бы чистые анализы, или не было бы назначено извлечение по протоколу высокой защиты. Но в этот раз система давала добро.

И всё же, несмотря на это, Харрис учувствовал что-то недоброе. На войне никто не сидел в карантине просто так. Враг стремился применить биологическое оружие, изобретать лекарство от которого почти никогда не было времени. Только изоляция инфицированных спасала действующие части. Там двери карантина казались чем-то запретным и опасным. Это ощущение проснулось в нём и сейчас. Оно било тревогу, но он не мог остановить Скотта, да и бежать уже было поздно. Едва перешагнув порог, старший офицер Маркин ударил всех их одновременно.

Это был удар очень необычной природы, и осознать его все смогли только лишь из-за резкого приступа страха, которого никто до этого не испытывал. Было волнение, тревога, но не панический ужас, который не позволил никому поднять оружие. Даже Харрис, успевший понять, что страх подобной силы для него не свойственен, испытал огромное желание быть отсюда как можно дальше, но уже не мог и шевельнуться.

Все запомнили только вздыбившиеся чёрные вены старшего офицера и его пылающие ненавистью глаза, когда он одним ловким ударом свалил с ног сначала паренька, следом Скотта, а потом и Харриса. Последний даже не успел подставить под удар свою механическую руку, хотя это движение у него уже было чуть ли не рефлекторным. Можно было лишь заключить, что каждый из них не совсем был собой в тот конкретный момент. Однако никто не сделал подобных заключений по причине потери сознания в результате сильного физического воздействия. Вот так просто агрессивное существо проникло внутрь корабля Аурэмо, который и так был раздираем жестоким кровопролитием.

Видения, посетившие Харриса в то время, когда он находился без сознания, были очень странными, как и само его восприятие. Сначала была постель, в которой он занимался сексом с женой Скотта. Всё было настолько реалистично, как будто являлось его собственным воспоминанием, но его сознание, паря поверх этого сна, подсказывало, что он ничего такого не делал и делать не мог.

Потом была неизвестная девочка, которая бегала, смеялась и называла его папой. Он подхватывал её на руки, кружил и искренне радовался этому. Этого точно не могло быть в прошлом, так может быть, это будущее? Да, будущее. Почему нет? Революция завершится неудачно, Скотт погибнет, да и вообще в нижних жилых секторах будет очень не хватать мужчин, он уйдёт от Марси к Доре, которая потом родит ему такую прекрасную дочку. Почему бы и нет?

Наверное, он улыбался. Он не мог сказать. Едва подумав о том, что его ждёт светлое будущее, он начал ликовать. Мысли о последних секундах, когда именно он потерял сознание, были заблокированы, в остальном же картина была прекрасна. Он легко связывал все логические элементы, мог представить, как всё сложится в будущем. Что это? Неужели его сознание отправилось в небывалой высоты полёт, и теперь ему под силу всё?

Потом в его мысли вторглась Ноа. Она тоже улыбалась. При ней были маленькие дети, но Харрис знал, что это её братики и сестрички. Он что-то говорил ей не своим голосом, а она внимательно слушала. Его сознание быстро включило её в логическую цепь — нехватка мужчин на нижних уровнях катастрофическая. Для восстановления популяции, необходимой для обеспечения работы Аурэмо, было разрешено или даже насильно насаждено многожёнство. Сознание его ликовало не столько от самого этого факта, а больше от того, что он смог самостоятельно к нему прийти.

Харрис был готов чуть ли не составить генетическую схему для будущих поколений, чтобы без угрозы вырождения восстановить популяцию и сделать так, что она просуществует до тех пор, пока корабль не прибудет в мир назначения. Ну а дальше в дело вступят колонисты, у которых есть ключи к генетическому хранилищу, где находится вся память поколений Земли — её лучшие, так сказать, воспоминания, которые помогут воссоздать новое человечество вдали от их дома.

Почему он не видит себя одним из колонистов? Нет! Этого не может быть. Если это сны о счастливом будущем, он должен быть там! Он должен вести человечество вперёд. Не один, разумеется — одному человеку это точно не по плечу, не стоит даже пытаться — но он будет одним из тех, чьи образы стали визитными карточками земной «пропаганды спасения». Почему это не он?

Головная боль вторглась в его сознание спустя долю секунды после того, как он ощутил, что задыхается. И нет, это была не нехватка воздуха или изменившийся состав атмосферы корабля. Причиной удушья были чьи-то острые пальцы, сомкнувшиеся у него на горле. Перед глазами, которые Харрис быстро открыл, стояла пелена, поэтому он наощупь схватил руки своего противника, заставляя его ослабить хватку. К счастью, его сил было достаточно, чтобы оказать сопротивление. Напротив, всё было очень предсказуемо и понятно, если не сказать, приятно.

Учитывая, что он провалялся без сознания неизвестное количество времени, ему быстро

удавалось приходиться в себя, хоть голова и немного болела. Он вычислил, что ему хватит сил, чтобы оказать сопротивление, и одолеть врага, которым, к его неожиданности оказался Скотт. Харрис не знал, как он делает свои выводы, но делал он их быстро и точно. В глазах его товарища уже не было чего-то, что могло сказать, что это по-прежнему он. Белки стали красными от напряжения, на лбу выступал пот, но он всё равно не мог справиться Крисом.

Закончилось всё тем, что Харрис разомкнул его руки, а потом, извернувшись, сильно ударил ногой в живот, отчего Скотт отлетел в сторону. Крис мгновенно вспомнил, что у его друга было оружие, и, как будто бы прочитав эти мысли, его противник тут же схватился за самодельный пистолет, оказавшийся ближе. Однако Крис опережал его минимум на один шаг. К тому моменту он уже стоял на ногах, в два шага оказался около Скотта и сильным топчущим ударом раздробил кисть его руки, которой тот уже успел схватить оружие.

То, что человек не взвыл от боли, было красноречивым свидетельством того, что он уже не является собой. А поскольку он представлял для Харриса прямую опасность, тот сильным ударом механической руки раздробил ему череп.

Едва он справился с одним, как на него тут же налетел другой — захудалый паренёк, который был с ними в шлюзе в тот момент, когда всё произошло. Харрис почувствовал его приближение, уже второй раз подумав, что всё это выглядит так, как будто бы у него с ними общий мозг. Однако тела их враждовали, поэтому он встретил паренька сильным ударом рукой в челюсть снизу вверх, что мгновенно привело к смерти. Тем не менее, и он, и Скотт, продолжали неестественно дёргаться. Да, у людей после гибели случается что-то такое, но Харрис счёл странным, что это произошло с двумя людьми подряд, и в очень уж сильной форме.

Так или иначе, оказавшись в безопасности, Харрис опустился на колени. Боль в голове стихала, но он ощущал на ней инородные тела. Ощупав голову, он наткнулся на два на темени, одно на лбу и ещё два в области затылка. Наощупь они были как слишком упругие помидоры. Каждое прикосновение к ним болезненно отражалось на коже, как будто бы они к ней приросли. Он понял, что ему нужно зеркало, чтобы справиться с этой неприятностью, но ничего подобного здесь не было.

Мысли о камере видеосвязи, изображение с которой можно было вывести на экран, пришли к нему неожиданно, но оказались приятными. К сожалению, о том, что он увидел, нельзя было сказать то же самое. К его голове прицепилось несколько паразитов непонятного вида. Сложно было сказать, как именно они там оказались, но сейчас для него куда важнее было от них избавиться.

Мысль о том, что это будет не так-то просто, посетила его ещё до того, как он принялся за дело. Он подозревал, что это будет очень болезненный процесс, потому что существа не просто впились в кожу, но и задели кость как минимум. Мысли о том, что они могли добраться и до его мозга, не посещали Харриса — он как будто бы знал, что в этом плане с ним всё в порядке. Но вот как избавиться от прилипал?

Крис свыкся с тем, что это будет очень больно, и, стиснув зубы, просто схватился за того из паразитов, что прицепился к его лбу, после чего потянул его в сторону. Боль была жуткой, и он назвал бы её невыносимой, если бы ему не удавалось её терпеть несколько секунд. Боль пронзала мозг и устремлялась вниз, к пяткам, но даже не она была самым плохим. Хуже было то, что это существо никак не реагировало на воздействие. Оно не двигалось с места, прочно закрепившись на кости.

Едва Харрис отпустил прилипалу, как боль мгновенно ушла. Осталось только ощущение

ослабевающего напряжения и бьющееся в бешеном ритме сердце. Существо делало очень хитро, позволяя чувствовать боль только при воздействии. Когда неприятные ощущения уже отступили, гораздо сложнее решиться на следующее действие, которое вызовет их снова. И, тем не менее, Харрис решился.

Он попытался повернуть прилипалу в сторону, надеясь, что стронет его зубы, укрепившиеся в черепе, но это было бесполезно. Упругий помидор не двигался с места. Причём, существо до последнего напоминало плод с грядки. Правда, не в том, что касалось прочности. Казалось, что тельце вот-вот лопнет, после чего хватка ослабится, но этого не происходило, как бы сильно Харрису не приходилось сжимать. Едва он отпускал своего противника, боль прекращалась, а тельце восстанавливало свою первоначальную форму.

Решившись, он пошёл на третий заход, хоть и считал своё освобождение почти невозможным. Превозмогая кошмарную боль, он мысленно приказал существу отстать, и в ту же секунду оно оказалось у него в руке. Боль отступала не так быстро, как обычно, но на фоне долгожданной победы над прилипалой, это было всё равно прекрасно.

Харрис отбросил существо в сторону и посмотрел на своё изображение на мониторе. На его лбу было три концентрических круга с маленькими точками, отмеченными кровью. В центре была самая большая отметина, толщиной примерно в полсантиметра. Он не на шутку испугался, что хоть мозг и в порядке, эта дыра проходит насквозь в его череп и даже оцупал её. Ничего понять не удалось, но то, что раны нужно обработать, у него уже не вызывало сомнений. Не хватало только пережить атаку паразитов, а потом умереть от заражения.

Потом он повернулся в сторону, куда бросил паразита. Отлучённый от одного организма-носителя, он тут же нашёл себе другую жертву. Правда, теперь он прилепился не к голове, а к руке молодого парня, но Харрис списал это на то, что мозг убитого уже омертвел и не представляет для существа ценности, в отличие от остального тела, которое всё ещё может быть питательным.

У него почему-то не возникло желания убивать паразита. Не то чтобы он не считал его вредным или даже опасным, просто понимал, что этим ничего не изменить. Они, наверняка, уже далеко ушли от шлюза и распространились если не по всему кораблю, то, как минимум, по приличной его части, так что уничтожение одной конкретной особи ничего не даст. Как победить их? Харрис не представлял. Его куда больше занимало то, что существа, не поддающиеся физическому воздействию, выполняют его мысленные приказания.

По тому же принципу, почти не испытывая боли, он отделил и остальных паразитов, после чего беспомощно опустился вниз, привалившись к стене. Он ощущал слабость, как будто они впрыскивали в него нечто, что позволяло ему держаться. Но чем дольше он сидел, закрыв глаза, тем отчётливее понимал, что эффект, как раз-таки был прямо противоположным. Они ослабляли его чем-то наподобие анестетика, подавляя сознание, которое сейчас начинало расцветать.

Сначала он думал, что ему не помешает немного поспать, но это было только в первый момент. Он даже закрыл глаза, поддавшись усталости и желанию отключиться, но уже через несколько минут, которые он определённо точно провёл в сознании, ему захотелось открыть глаза. Свет был ярким, а мир наливался красками. Харрис вдруг начал осознавать, что в корне изменился.

Его изменили эти существа, но почему это произошло? У него была собственная воля, в то время как Скотт и другой паренёк выполняли приказы паразитов. Очень интересно. Это, по крайней мере, объясняло то, что они хотели его убить, но необъяснённого всё равно пока

ещё оставалось намного больше. Правда, то, с какой скоростью его сознание сейчас работало, позволяло надеяться, что Харрис рано или поздно сможет понять всё.

Тело наливалось силой ещё быстрее, чем мозг. Он даже ощутил, что ранки на его голове начинают стягиваться, правда, будучи зажатым в рамки человеческих возможностей к регенерации, он не может ускорить этот процесс и как-то повлиять на него. Это было единственное, в чём он ощущал угрозу, потому что мозг его, ещё не вышедший на полную мощность, оставался открыт. Да, прилипалы добрались до главного органа нервной системы, но сделать с ним ничего не смогли. Добрались, правда, не все. Один из них своим зубом, способным пробить кость, упёрся в грубую титановую пластину. Может быть, он был первым, и это повлияло на способности Харриса? Скорее всего, но он пока не мог продумать механизм изменений более точно.

Следующим шагом было осознание того, что и он, и эти паразиты, как-то связаны, потому что он чувствовал тех из них, что находились с ним в одной комнате. У них тоже был мозг и память, в которой Харрис мог рыться. Единственным препятствием были отличающиеся от человеческих алгоритмы мышления и запоминания, поэтому информация не поступала к нему в чистом виде. Даже образов там не было, потому что существа, хоть и были светочувствительными, не обладали зрением, аналогичным человеческому. Не обладали они и слухом, обонянием и вкусом. Из человеческого в них было только в очень большой степени развитое осязание. А ещё другое яркое чувство, не присутствующее у человека. Они, а теперь вместе с ними и Харрис, ощущали нервную активность. Причём не именно ту, что порождает мозг человека, а вообще любую.

Именно с информацией такого характера столкнулся Крис, заглянув вглубь этих существ. Они искали мозг, и они его находили. Воспоминания об одной из жертв были другими, но не несли в себе информации, способной дать достаточное представление. Именно эти существа знали лишь то, что всё пошло не так, как должно было.

Самым ценным, пожалуй, было воспоминание о рождении, хоть эта информация была ещё непонятнее, чем всё остальное. Все до единого существа и родились в мозгу. Мозгу, отличном от мозга Харриса и двух трупов, присутствовавших здесь. Тут даже сверхспособности были не нужны — это был старший офицер, который, поразив их, ушёл дальше. Он был самым опасным носителем, но это уже было заключение Харриса, а не существ, которые не хранили информацию о том, как росли и что делали. В отличие от человека, это для них было неважно. Вся их жизнь заключалась в том, чтобы найти источник питания, при возможности размножиться, а потом ожидать, пока в поле зрения появится чуждая активность, чтобы вступить с ней во взаимодействие. Характер этого взаимодействия Харрис тоже не мог осознать. Его сознание ещё полностью не пробудилось, в свете чего существа оставались для него полностью чужеродными, но он знал, что со временем сможет понять их, хоть и будет это очень субъективно и непривычно для интеллекта, работающего по человеческим алгоритмам.

Успокаивало его то, что он сейчас не решался предположить, насколько сильным окажется его сознание после того, как закончится процесс полного превращения. Он отчётливо чувствовал тех существ, что находились с ним в одном помещении, он ощущал даже подобие их эмоций. Если переводить на человеческий манер и сильно упрощать, то он мог бы сказать, что они боятся. Но это не в полной мере был тот страх, который способен испытывать человек. Боятся они не физического уничтожения или чего-то подобного. Они не хотят, чтобы усилившееся сознание Харриса взяло над ними верх.

Сам же Харрис в свою очередь чувствовал, что именно благодаря этому их страху он и возьмёт над этими существами верх. Как будто болезнь, которой, по сути, и являлся весь этот вид вместе со всеми его способами воздействия и распространения, передавалась из-за страха. Сначала подобные мысли вызывали у него усмешку, но потом его сознание быстро вывело логическую цепь, согласно которой подхватить эту опасную инфекцию можно было даже через скафандр полной защиты.

Тем не менее, слишком долгие размышления на подобные темы были для него не просто пустой тратой времени, но ещё довольно опасным занятием. Неожиданно Крис ощутил, что его растущее сознание требует всё больше энергии для своей работы. Он и так был худощавым сам по себе, но сейчас чувствовал, что будет истощаться ещё больше. Естественно, допускать этого было никак нельзя. Правда, пока что у него не было плана или алгоритма, согласно которому он мог бы обеспечить энергией своё тело, запросы которого возросли.

К этой проблеме добавилась ещё одна. Паразиты, находящиеся с ним в одном помещении, боялись его, но те, что были за воротами карантинной зоны, испытывали некое подобие боевого азарта. Они жаждали поскорее встретиться с Харрисом и завладеть им, пока он не завладел ими.

Крис ощущал большое количество прилипал и подвластных им людей. Они оказывали на него давление. Он долго рылся в их мыслях, но спасло его вполне обычное человеческое умозаключение. Если бы они испытывали достаточную уверенность относительно него, то уже давно ворвались бы в шлюз сами и задавили бы его массой и сильным ментальным воздействием. Раз они до сих пор этого не сделали, значит, им это не под силу уже на текущем этапе, а сознание Харриса, пока ещё имевшее достаточное количество энергии, продолжало расширяться. Омрачало эту картину только то, что куда бы он сейчас не мог дотянуться силой своих мыслей, везде всё пространство было занято прилипалами и людьми, которые уже не являлись собой. И все они жаждали его смерти, потому что он представлял для них угрозу. Что же, сначала хорошо бы обследовать корабль и запастись приличными запасами еды, чтобы иметь достаточное количество энергии. При условии её наличия он не сомневался в том, что его интеллект, который при этом должен был возрасти скачкообразно, найдёт выход из сложившегося положения.

Тот самый страх, только укрытый под кучей эмоций, зашифрованных и в первый момент непонятных для того, кто привык мыслить по человечески, и обеспечил Харрису проход. Правда, для физической реализации задуманного пришлось подавить в себе все остатки человеческого и не испугаться огромной толпы тех, кто ещё некоторое время назад были революционерами. Сейчас это были даже не люди, и это было видно уже при первом взгляде на них. Глаза, ничего не выражающие, как и все лица, но самое главное — паразиты на голове. Если не знать, то их можно было бы принять за разросшиеся волдыри. Впрочем, почему-то Харрису казалось, что он не слишком далёк от истины в своих предположениях. После подавления людского сознания это уже был один организм.

Не только у него были проблемы с пониманием эмоций и манер мышления полностью чужеродной формы жизни. Те существа, что находились по другую сторону линии фронта, тоже испытывали подобные трудности. Проходя сквозь расступавшуюся перед ним толпу, Харрис, всё ещё опираясь на человеческое восприятие, хотел разглядеть нечто в глазах этих существ. И больше того, это нечто в них было. Но узреть в их взглядах угрозу можно было лишь благодаря значительному дополнению со своей стороны. Одной сосредоточенности и

одного лишь взгляда для этого было недостаточно, как считало существо, овладевшее ими. И в то же время они как будто изучали его.

Самым главным открытием, которое Крис сделал, проходя по карантинной зоне, было то, что он чётко осознал наличие у всех этих существ коллективного разума. Эти прилипалы — лишь проводники, благодаря которым кто-то более властный и могущественный овладевает сознанием людей. Ему не нужно больше белка, чем требуется для существования здесь и сейчас. Ему не нужен мозг, как вещество. Ему требуются разумы, мысли, любая нервная активность. Предпочтительнее для него, чтобы она была направлена в нужное, строго определённое русло, что он и делает благодаря своим проводникам. И не они, а он заставляет сейчас этих людей расступаться перед Харрисом и поворачиваться на него, смотря ничего не выражающим взглядом.

Чередой случайностей и непониманий — вот главный барьер на его пути. Ни сам он, ни множество тех, кого ему уже удалось покорить, не были похожи друг на друга, и на людей. Заминка, пауза, небольшое препятствие, и вот он упустил Криса Харриса, которому повезло несколько раз подряд. Теперь, если он всё правильно сделает, то ему удастся спасти тех, кто остался. Если, конечно, кто-то вообще остался.

Убитые стали пищей. Ещё живые — солдатами неизвестного существа. Оно было самым большим непониманием Харриса. Да, на борт проникла инфекция, проникли эти прилипалы, которые могут размножаться, но как здесь оказалось это нечто? Да, это нормально, чтобы определённая биологическая формация на пути своего формирования постепенно усложнялась, порождая всё более совершенных существ, но подобная логическая цепь была неприменима к тому, с чем Харрис столкнулся на Аурэмо. Здесь он чувствовал нечто более древнее. Нечто, что покорило уже многих и многих. Но дальше ощущений дело не шло. Он мог увидеть прилипалу на голове очередного вновь обращённого, находящегося в соседней комнате, но когда дело доходило до того, чтобы увидеть общую картину происходящего на корабле, у него ничего не выходило. Что же, это было не так уж важно на данном этапе.

Сейчас ему нужно было пройти через толпу обращённых, которая редела по мере того, как он удалялся от шлюза. Видимо, они собрались там нарочно, заподозрив его присутствие. Хотели подавить и уничтожить, но его сила и скорость, с которой он её накапливал, оказались для них слишком большими. Взять его они не смогли, и теперь единственное, что им оставалось, это просто стоять здесь.

Он ощущал, что в их жилом секторе ещё есть люди, и что неизвестная инопланетная чернь до туда ещё не добралась. Видимо, у скорости её распространения тоже были пределы. Это было очень кстати, потому что какой бы выдающийся план сейчас или в дальнейшем не родило расширившееся сознание Харриса, всё будет бесполезно, если на корабле не останется ни одного человека.

Вход в сектор был забаррикадирован. Ворота открывались, но за ними сразу же было нагромождение стандартной корабельной мебели. Несколько кушеток, перевязанные верёвками. Харрис сразу вычислил, как можно пролезть сквозь них, но делать это нужно было осторожно, потому что он ощутил четверых человек, вооружённых кто чем, ждущих его сразу за баррикадами.

— Я свой. Я жив, — сказал он.

Тем не менее, нападения избежать не удалось. Когда юнец максимум шестнадцати лет от роду выскочил на него с чем-то тяжёлым в руках, Крис понял, что подобные проблемы

уже тоже нельзя решать по старым человеческим принципам. Не надо стремиться договориться, потому что это не поможет. Он представил себя на месте тех, кто защищается от полчищ обращённых соседей. Естественно, что враг может быть достаточно изобретательным, чтобы после окончания обращения жертва могла говорить, и даже исполнять высшие указания без прилипания к голове.

К счастью, сознание людей было гораздо проще сознания паразитов. В первую очередь тем, что не оказывало давления и вообще не предпринимало никаких активных действий. Это был эдакий сочный плод, упрятанный в скорлупу из костей черепной коробки. В этом Харрис понимал прилипал, стремящихся к мозгу. С их точки зрения плод должен был быть защищён серьёзнее, чем просто физически. Но отсутствие такой защиты было вполне логичным и выглядело очень по-человечески. У мозга в распоряжении было тело — тоже, надо сказать, не слишком могучее — и он действовал сугубо им. В новых условиях, то есть после переворота, который учинила неизвестная инопланетная форма жизни, этого было слишком мало для того, чтобы сделать хоть что-то. Так что и паренёк, и трое его друзей, примерно соответствовавших ему по возрасту, резко перешли к битию Харриса по голове самодельными дубинками, после чего отступили на шаг.

Крису почему-то радостно было видеть даже их ошеломлённые взгляды. Он не подавлял их сознание полностью, просто внушил, что атаковать его не стоит. И в первый момент это вызвало реакцию непонимания у людей, хоть и частично, но всё ещё осознававших себя. Он картинно улыбнулся и погрозил им пальцем и только после этого прошёл мимо. Потом, опомнившись, он внушил одному из них, самому главному, мысли о том, что баррикады на входе нужно укрепить, а сознание поддало рациональные решения проблемы.

Самому Харрису, конечно, не был страшен никто из тех, кто мог выйти ему навстречу, да и жилой сектор никому не по зубам, пока он здесь, но он уже знал, что если и задержится здесь, то очень ненадолго.

Он шёл вперёд, очищенный и парящий. Остановился только для того, чтобы набрать питательных смесей в торговом аппарате, уцелевшим, видимо, лишь потому, что в горячке событий никому было не до него.

Учитывая воцарившуюся на Аурэмо анархию, Харрис мог бы просто разграбить его, но он этого делать не стал, оформив всё, как положено. Он радовался уже одному тому, что там вообще что-то осталось, хотя он мог быть не первым, кому очень захотелось есть уже после того, как прежние ограничения перестали действовать. Правда, запас был почти исчерпан, что впервые натолкнуло его на мысль, что с момента его ухода прошло больше времени, чем он представляет. Любимой яичницы не было, остались только самые непопулярные каши, но и они годились.

Затем он, сопровождаемый удивлёнными взглядами, прошёл вперёд. Люди выглядывали из дверей, потому что уже привыкли, что в этих коридорах царит тишина, и уверенные тяжёлые шаги пробуждали их интерес. Харрису даже не приходилось подавлять их сознание. Они боялись его, видели ещё кровоточащие раны, считали, что он заражен, но кроме как самоустраниться с его пути, сделать они ничего не могли и не хотели. Жаль, подобные мысли не владели ими в то время, когда заинтересованные люди затевали на корабле революцию. Если бы тогда все так же смиренно сидели по норам, корабль бы сейчас не напоминал вымершую деревню, где осталось всего две с половиной сварливых бабки, да и те прячутся по домам, боясь лишней раз высунуть нос наружу.

Теперь уже поздно поджимать хвосты. Инфекция доберётся до всех. Выживать будет

сложнее даже не с каждым днём, а с каждым часом, и никто из них не сможет с этим ничего сделать. Только Харрис, но ему нужно подкрепиться. Хорошо ещё, хоть сон, похоже, больше не требовался в принципе.

Дверь в комнату была закрыта, но Харрис уверенно постучал, после чего внутри послышались шаги. Небольшой жизненный плюс от того, что ты заранее можешь чувствовать, кто находится у тебя дома и в каком количестве. Ещё Крис ощущал неуверенность Марси, которая боялась даже спросить «Кто там?», хотя, по логике, перед тем, как в здешние комнаты начали бы вламываться обращённые, в коридорах должна была слышаться возня и прочие признаки начинающегося безумия.

— Это я. Открой, пожалуйста.

— Крис? Правда?

— Правда.

— Но как?

— Открой, все разговоры потом.

Его новое чувство даже не требовалось для того, чтобы понять, как она суетится. Он намеренно отключился от её сознания, потому что заранее знал, что её страх в первый момент, когда она его увидит, больно его ударит. Он ещё не привык нормально управляться с расширенным восприятием.

— Вот, — он протянул ей охапку пищевых смесей, — часть понадобится мне сейчас, а остальное прибереги для себя и сына, потому что неизвестно что может случиться дальше.

— Что? Что произошло с тобой? — спросила она, положив пачки с порошками на кухонный стол. Харрис в этот момент как раз смотрелся в зеркало.

— Ничего хорошего, должно быть, но я жив, и за это надо поблагодарить, похоже, кусок титана в черепе.

— А где Скотт?

— Я убил его, — спокойно сказал Харрис, открывая аптечку.

Марси резко испуганно вздохнула, поднеся руку ко рту.

— Они его обратили, и он угрожал мне. Вернее, хотел убить, так что у меня не было выбора. И потом, я просто оформил его смерть, мёртв он был ещё до того, как я это сделал.

Открывая пачку бинтов, он повернулся к Марси, которая так и стояла, прижавшись к кухонному столу и с рукой около рта.

— Не разведёшь мне три пачки ржаного концентрата на один литр. Кажется, он там самый калорийный.

— Для чего?

— Я ничего не ел очень давно, а вся эта хрень очень выматывает. Видишь? Они попытались добраться до моего мозга.

Он дал Марси разглядеть раны, и это напугало её ещё сильнее. Тем не менее, она без дополнительных действий с его стороны принялась выполнять то, о чём он её попросил. Харрис же тем временем промыл раны перекисью водорода, а потом перевязал бинтами. Учитывая изменения, произошедшие с ним, это были не слишком необходимые меры предосторожности, но он всё же решил их проделать. Больше по старой памяти, когда обстоятельства вынуждали всегда вести себя как человек.

Заплакал Карл. Харрис тут же проник в его сознание и успокоил, что очень удивило Марси, да и его самого тоже. В плане чистоты сознания ребёнок понравился ему больше, чем все люди, которых он встретил после того, что с ним произошло.

— Можешь не беспокоиться за него. С ним всё хорошо, — сказал он, когда Марси, хоть и удивилась резкому успокоению сына, подошла к его кровати.

— Это ты сделал?

— Да. Со мной что-то случилось. Я чувствую других людей. Он просто испугался чего-то. Плохого сна, может быть. Я не слишком стараюсь копаться в его голове. Это может быть небезопасно.

— То есть ты можешь читать мысли?

— Да, могу. И сейчас ты мне не веришь, но я не буду тебе ничего доказывать. Будь спокойнее, и я не буду реагировать на твоё сознание. Оно кажется лакомым кусочком, но мы всё ещё на одной стороне.

— Но ты не один из тех, кто ходит там, да?

— Нет, не один. Со мной что-то произошло. Не знаю, что именно. Но они меня боятся.

Конечно, он мог сказать и больше, но ему не хотелось этого делать. Марси была симпатичной, могла быть хорошей хозяйкой и любящей женой. Но сейчас, в полной мере ощутив уровень её интеллекта, Харрис справедливо заключил, что лишние подробности будут только во вред. И дело было даже не столько в ней, сколько в том, что сам он совершил колоссальный рывок вперёд. Он был подобен этому кораблю — нёсся с колоссальной скоростью, на встречу высокому развитию, а Марси в сравнении с ним могла быть небольшой спасательной шлюпкой, которая двигалась куда-нибудь почти наобум, лишь бы спастись, и двигалась лишь временно.

— И что ты будешь делать?

— Постараюсь узнать, что с нами произошло. А кстати, где раненые? Когда я уходил, коридоры были полны ими.

— Часть умерло, а часть. В общем, их пришлось добить.

— Это уже кое-что. А из нормальных никто не заразился?

— Нет. А что?

— Пытаюсь сообразить, с чем мы имеем дело.

Это, пожалуй, было единственной трудностью. Если, конечно, не считать, почти решённую проблему с восполнением энергии. Марси уже размешивала порошок в воде. Правда, если расширение его интеллекта будет двигаться и дальше подобными темпами, то даже постоянное вливание в себя питательной смеси не обеспечит его мозг достаточными ресурсами. Оставалось надеяться, что ему такая сверхмощность не понадобится, либо он сможет найти другой путь.

А вот то, что он не мог приблизиться к интеллекту, которому противостоял, было по-настоящему серьёзно. Он чувствовал прилипал, даже подавлял их, но ведь они могли являться, и, скорее всего, являлись не единственным средством, которым это существо может бороться с ним. В конечном счёте, такой мощный интеллект, имеющий достаточное количество служащих ему, сможет найти способы. Начиная от дальней атаки при помощи оружия, и заканчивая созданием особых форм жизни. Харрис очень надеялся, что ему хватит сил, чтобы противостоять этому существу. Но пока ему нужно было продумать следующий шаг.

— Мы выживем? — осторожно спросила Марси.

— Я не знаю, — честно ответил он, — зависит от того, что происходит наверху. Кстати, сколько времени прошло с того момента, как я ушёл тогда искать Скотта?

Она молчала. Он посмотрел на часы, которые показывали три часа дня.

— Не так уж много, да? — спросил он, — двенадцать или тринадцать часов. Не помню точно, во сколько уходил.

— И ещё два дня, — добавила его жена, — именно поэтому я и удивилась, что ты вернулся.

— Два дня, — Крис задумался, — а ублюдку требуется время даже для того, чтобы подавить таких слабачков, как мы. Так что шансы у нас неплохие.

— Ублюдку? Ты говоришь так, как будто бы он один.

— Ублюдкам. Тебя так больше устроит?

— Ты знаешь что-то.

Не интеллект, но пронизательность у этой женщины была на уровне.

— Я почти ничего не видел.

— Скажи мне, — потребовала она, поставив перед ним кастрюлю с разведённым порошком и сев напротив.

— Хорошо, — немного неуверенный в том, что это стоит делать, сказал Харрис, — я чувствую над ними кого-то. Они действуют слаженно. И это не просто потому что между ними существует связь. Вернее, связь эта происходит через некий центральный разум.

Всё же говорить не стоило. Марси было чуждо понимание существования настолько развитого сверхинтеллекта. Да, это могло быть где-то. Там, на Земле, в никому не нужных научных передачах, по большей части состоявших из предположений и спекуляций на тему, но не больше. Это могло быть там, но не здесь, отделённое лишь перекрытиями станции, которые, по сути, не являлись преградой для распространения этих существ. Они смогли как-то поразить человека в скафандре полной защиты, а потом хитростью выбраться из карантинной зоны, так что преодолеть несколько слоёв металла, не являвшегося важной частью конструкции и поэтому не слишком укреплённого, для них было несложно.

Главный вопрос состоял в том, почему они не сделали этого? Да, Харрис подозревал, что где-то ещё могут существовать очаги сопротивления, которые он почувствует, когда его сознание наберёт ещё больше сил, но здесь были всего лишь баррикады с кучей брешей, да несколько молодчиков, вооружённых хуже, чем недавние революционеры. Здесь у существ была вся статья распространиться. Просто потому что было куда, раз оно так жадно поглощало людей в первую очередь из-за нервной системы, а во вторую по причине исключительной питательности.

Харрис залил в себя сразу всю смесь, оказавшуюся в его распоряжении. Просто растворённая в воде, вкус она имела отвратный, но он, как никогда раньше, осознавал бесполезность этого чувства. Если ты уверен в том, что еда будет усвоена, а ты при этом не пострадаешь, можно употреблять практически всё, что угодно. Подобная привычка отключать излишне требовательный язык, однажды помогла ему вполне сносно жить на армейском пайке, а сейчас, когда он полностью контролировал свои чувства, это стало умением и достигло апогея. Он вообще считал вкус ненужным.

Сознание за доли секунды успело уйти в философию, а потом перейти к серьёзным мерам мышления. Он подумал, что если бы все, кто населял Аурэмо, были неприхотливы в еде, даже при учёте не слишком высокого развития земных технологий, корабль спасения можно было скомпоновать более удачно. К примеру, в распоряжении землян имелись искусственно выведенные космические культуры, дающие больше кислорода, а их листья, помимо хлорофилла содержали большое количество крахмала, из которого можно было готовить пищевые смеси. Да, этот вид присутствовал на корабле, но вместе с кучей

привычных человеку фруктов и овощей, которые выигрывали лишь тем, что приносили плоды, которые были более приятны на вкус. В плане кислорода эти растения были не слишком выгодны.

Так что те, кто жил пониже, должны были питаться искусственной едой, по большей части, а те, кто повыше, могли довольствоваться большим. То же было справедливо и в отношении животных. Они, по сути, вообще были здесь не нужны. Если бы все фермы были укомплектованы культурами по максимальной эффективности, то либо сам корабль можно было делать более компактным, либо существовала бы возможность нести на борту более многочисленную популяцию. Правда, при этом люди должны были позабыть про гастрономические изыски, коими в этом случае являлись любые продукты, полученные традиционным путём. И, следуя этому принципу, сделать миссию эффективнее можно было бы во всех отношениях. А что до гастрономических пристрастий, то из органики можно было бы делать продукты близкие по структуре к мясу и другим животным продуктам. Был же здесь яичный порошок, который к настоящим яйцам не имел никакого отношения.

— Крис?

— Что? — Харрис поднял глаза на жену.

— Ты как-то затих. Даже не дышал.

— А, ерунда. У меня пока хватало кислорода.

Он действительно допил смесь, поставил кастрюлю на стол и сидел молча почти минуту, пока Марси не окликнула его. Эткими темпами его и тело начнёт тяготить. Ему на секунду стало страшно от таких мыслей, но он тут же заключил, что всё это от того, что где-то внутри он всё ещё оставался человеком, хоть и находился в состоянии непонятной метаморфозы, конечный результат которой всё ещё был скрыт от него чёрной пеленой.

— Ты не хочешь поспать? Или? — осторожно поинтересовалась Марси. Харрис молчал, и она боялась, что он в любой момент утратит собственную волю и станет одним из обращённых.

— Нет. Пожалуй, это то, в чём я больше всего уверен. Даже если бы я хотел спать, этого нельзя было бы делать.

— Почему? — с тревогой поинтересовалась она.

— Потому что три дня это, конечно, много, но оно не дремлет. И если сюда никто не пришёл, то это ничего не значит. Оно может передумать в любой момент. Пока что вы им для чего-то нужны, но я не могу понять, для чего. Всё в какой-то пелене, как только подумаю об этом.

Он провёл рукой перед собой, а потом посмотрел на Марси. Она, конечно, не понимала. Для неё всё это было очень дико. Харрис ощущал, что каждая новая его фраза, которая могла бы приоткрыть завесу тайны, окутавшую его и то, что с ним произошло, только ещё больше её пугает. И вообще, где-то там, в коридорах их жилого сектора уже начинали сгущаться тучи. Конечно, те люди, что начали беспокоиться, не смогут ничего ему сделать, и знают это, однако ему не хотелось слишком долго испытывать их терпение. Просто не хотелось. Он ощущал, что они нужны не только тому существу, но и ему самому.

— Мне нужно оружие, — сказал он, выйдя в коридор.

Там собралось несколько молодых людей. Слишком молодых. Они, похоже, не участвовали в революции, и поэтому остались в строю. Тех же, кто участвовал, но получил даже лёгкое ранение — а иначе что ему было делать в жилом секторе в момент наивысшего напряжения ситуации — обратился.

— Вот это — он указал на молодого человека, сжимавшего автомат.

Проникнуть в суть устройства, лишённого нервной системы Харрис не мог, но благодаря юноше он знал, что в магазине сорок один патрон из пятидесяти. Этого должно хватить на первое время. Да, против его настоящего противника физическое оружие вряд ли сможет что-то сделать. Разве что, каким-то чудом разом уничтожит всё, что относится к главному организму — всех прилипал, их носителей и особые споры, распространившиеся в воздухе. Они не могли овладеть тем, кто был здоров и имел нормальный иммунитет. Своего рода санитары популяции. Теперь Харрис чувствовал их, и это было полезно, а вот юноша отдавать оружие не спешил.

— Я не хочу тебя заставлять. Но так будет лучше.

Харрис, зная, что слишком молодой человек не сможет выстрелить в того, кто не проявляет по отношению к нему явную агрессию, осмелился сделать несколько шагов вперёд, мягко улыбнулся и протянул руку.

— Как ты выжил? И где Скотт? — раздался откуда-то сбоку знакомый голос.

Это была Дора. Крис и до этого чувствовал её, но надеялся, что у неё не хватит смелости к нему обратиться.

— Марси тебе всё расскажет, а я должен идти.

Не затягивая момент, он сделал так, чтобы юноша отдал ему оружие, потом снял его с предохранителя и направился на выход. Те, кто был здесь, хотели в него выстрелить, но и без высшей воли Харриса не сделали этого по причине сомнений. Они чувствовали, что он уже не один из них, но и одним из обращённых он не является.

И вот, уже почти покинув сектор, он ощутил среди всей серости один особый взгляд. Ноа, это была она. Он чувствовал в её мыслях страх, страх за него в том числе. Она ничего не понимала, и очень хотела бы, чтобы он ей объяснил, рассказал, что всё будет хорошо. Возможно, это было нечто большее, чем просто любопытство или интерес к нему — Харрис не стал забираться в её мысли, а лишь повернулся к ней и встретился с ней взглядом. Ему нужно было уходить. Уходить просто и почти без слов. Он теперь изгой обеих племён, но его влияние может оказаться решающим.

Окажется. Он так решил.

Темп мыслей ускорился. Если поддаться им, то уже через полминуты ты будешь воспринимать движения человеческого тела как слишком медленные. Правда, ускоряться не стоило. Харрис в точности ощущал ресурс собственного организма, который постепенно всё больше казался ему атавизмом, колыбелью, которую выгоднее было покинуть. Это было бы правильно по всем параметрам, но пока что его сознание не требовало это сделать. Разуму нужно было вместилище.

Лифты не работали. Должно быть их отключили ещё во время восстания, чтобы помешать заговорщикам быстро перемещаться, ну а потом вряд ли кому-то было до лифтов, и это тоже было положительным моментом — заражённые, ведомые паразитами, тоже не могли перемещаться быстро.

Преодолевая один пролёт лестницы, ведущей наверх, он успел подумать о том, как действительно развивались события. Проснувшись, он думал, что у существа было не слишком много времени, и именно поэтому оно не распространилось по всему кораблю. Весть о двух с половиной прошедших днях была для него шокирующей, и в основном потому, что заставляла пересмотреть всю схему, которую он уже успел для себя построить.

Он видел только по одному паразиту на голове Скотта и второго человека, бывшего в карантинной зоне. На обращённых он видел максимум два, и то, скорее, просто потому, что со временем их стало так много, что не находилось достаточного количества носителей, а лишённые источника питания они, видимо, достаточно быстро угасали.

Значит, что-то пошло не так в самый первый момент, и шло очень быстро, раз паразиты, которые должны были сконцентрироваться на нём быстро, чтобы не упустить момент, уже не смогли ничего сделать. Напротив, каждый из них, наверняка мог ухудшать ситуацию. Именно поэтому они ослабили свой стандартный натиск. Не укладывалось в его голове то, что слишком поздно они решили убить его, как человека, хотя, возможно, он и выжил бы. Харрис не представлял, смог бы он переместиться в другое тело, но подозревал, что в предсмертном исступлении, когда даже обычное сознание обычного человека творит чудеса, смог бы что-нибудь придумать.

И, пожалуй, самой главной была его мысль о том, что он тоже может быть нужен тому существу. Сначала был нужен, но потом оно захотело от него избавиться, но ему это не удалось. Слишком быстро происходили изменения в начальный момент. Ну а потом сделать это оказалось и вовсе невозможным. Но сейчас, раз оно не начало нашествие на жилой сектор, где взять Харриса было относительно просто, он вновь ощущал, что нужен ему.

Причиной всего, что произошло с ним, была случайность, и не более. Очень ценная случайность по причине того, что она породила сознание, работающее по очень своеобразным алгоритмам. Это был уже не человек, но он и не являлся подобием или продолжением того, кто управлял прилипами, хоть и приобрёл приличную часть способностей, присущих ему, и его разум продолжал развиваться. Это существо, как и сам Харрис, не подозревало, каким будет конечный результат, и поэтому боялось. Он по-прежнему ничего не видел из-за завесы, но он логически мог прийти к соответствующим выводам.

Слишком поддаваться мыслям тоже опасно. По степени овладения сознанием и по ощущениям они могут быть приятнее любого наркотика. Мгновенно поглощают и

затягивают. Особенно, если твои мыслительные процессы с каждой новой минутой выходят на новый уровень. Вот и Крис Харрис чуть было не схватил пулю, которая могла размазать по стене его выдающийся мозг. Да, возможно, сознанию не нужна физическая оболочка для того, чтобы существовать, но проверять это в тот момент ему совершенно не хотелось, поэтому он решил проблему классически. Уклонился, дал очередь в то место, где видел вспышки и укрылся за углом.

Существо не теряло времени зря. Всё, что знали его новые рабы, было и его достоинством теперь. Именно поэтому на Харриса напали сверху. С направления, куда он хотел продвинуться и уже продвинулся. Похоже, даже больше, чем можно было рассчитывать. Ему было сейчас даже немного обидно, что проблему придётся решать классически, ведь он не почувствовал стрелка. О причинах он будет думать позже, а сейчас нужно сделать так, чтобы сознание сохранило свою оболочку, по крайней мере, до тех пор, пока он не осознает её полнейшую бесполезность.

Всё же этот раунд был за его незримым противником. Крис сначала отошёл назад, где удачно укрылся на пропускном посту. Он ожидал, что его противники перейдут к решительным действиям, и он сможет их убить, когда они на него нападут, но так не вышло. Солдаты, подконтрольные инопланетному разуму, не желали оставлять своих столь удачных позиций. Посидев немного, Харрис решил, что стоит идти в обход. Скорее всего, все проходы на более высокие уровни заблокированы, но в некоторых местах позиция врага может быть не такой уж удачной. К тому же, не стоило забывать и о вероятности существования очагов обороны, где укрылись потенциальные союзники Харриса. Внушением ли или же просто призывом к здравому смыслу он может привлечь их на свою сторону. На этот раз перед ним действительно открывалась если не высшая, то высокая цель — одолеть заразу, фактически овладевшую их кораблём, после чего так или иначе продолжить выполнение миссии.

От начала пути Харрис поднялся всего на семь уровней. Условия жизни на этом отрезке социальной лестницы были заметно лучше. С точки зрения человека стоило заплатить за этот круиз в гости к звёздам немного денег, чтобы путешествие твоё проходило в относительно комфортных условиях. Здесь не было таких узких коридоров как в тех секторах, где привык жить Харрис. Да и сами комнаты были заметно просторнее и лучше обставлены. Об этом он мог судить, поскольку двери некоторых апартаментов были раскрыты.

Здесь почти не было крови. Наверное, революция, разыгравшаяся в последние часы нормальной жизни Аурэмо, не дошла сюда. А если и дошла, то результаты её действий были не такими плачевными и заметными, как на нижних уровнях. А ведь в том числе и этих людей нужно было подвинуть в плане жизненных благ, так что и сюда так или иначе пришёл бы Колград, чтобы навести порядок. Однако он не пришёл, и судьба его оставалась пока неизвестной. Харрис бы ничуть не огорчился, если бы узнал, что, несмотря на свою харизму и способность к убеждению, позволяющую ему вести людей за собой, он стал самой обыкновенной жертвой, как и все остальные люди. Человеческая сущность всегда останется с тобой, какой бы божественный ореол революционера и борца за равенство и блага для всех ты вокруг себя не разводил.

Ты смертен, и об этом тебе всегда напомнит паразит, способный прокусить даже кости твоего черепа. Не может такого быть? Что же, тем хуже для тебя, если ты не веришь в возможность такого стечения обстоятельств. Тем более лёгкой жертвой ты станешь, и тем

вкуснее будет для инопланетянина твой мозг, содержащий в себе твоё сознание.

Что же до Харриса, то он не делал ошибок, подобных тем, которые сейчас мысленно осуждал. Он не собирался почивать на лаврах. Ему, понимавшему всю ситуацию, даже было немного противно от того, что всё, что с ним произошло, было лишь стечением случайностей. Вероятности сошлись, и даже несмотря на то, что были пренебрежимо маленькими, оказали своё действие. Его же изменившееся сознание протестовало против подобных поворотов. Оно жаждало подконтрольных событий, продуманных и взвешенных решений, просчитанных полностью. Чем сложнее они были, тем большее удовольствие доставили бы живому мозгу, а случайности, по мнению нового Криса Харриса, были очень неприятны.

Он даже завидовал себе прежнему, потому что многое в жизни воспринимал как должное. Случайность? Да и ладно. Значит, так и должно было быть, и раз нечто уже свершилось, то не стоит даже лишний раз думать о том, что этого могло и не быть, и вся возможная ценность события из-за этого падает почти до нуля.

Прошлый Крис Харрис не отказался бы даже пожить здесь. Ему бы это понравилось хоть он и считал, что нельзя для этого никого убивать или даже выгонять. Прошлый Крис Харрис ценил материальные ценности, хоть и признавал, что для нормальной жизни их требуется не так уж и много. Новый же Крис Харрис в силу особенностей сознания считал, что всё это глупо. Особенно, если учесть, что здесь, на этом корабле, можно было иметь высшую цель, отличную от погони за хорошей жизнью. Жаль, что нельзя было получить такие способности раньше. Наверное, он многое бы изменил. Достигнув большего на Земле, Харрис занимал бы более значимое положение на Аурэмо, а там можно было рассчитывать и на определённое влияние на конечный результат. Но это была ненастоящая ветка истории, которая и существовать могла только в сознании изменившегося Криса Харриса. Пожалуй, размышления о том, чего не было и не будет, были ещё более отвратным занятием, чем размышления о случайности событий. Особенно в момент, когда тебя может сразить пуля. Так что лучше было бы подумать о том, как побороть своего главного противника. По сравнению с этим, остальные мысли, к которым можно было бы прийти здесь и сейчас, были мелкими.

К удивлению Харриса, следующий ход навёрх, располагавшийся за пределами жилого сектора, был свободен. Тем не менее, он очень опасался подвоха. Рисковать не хотелось, но сейчас нужно было пользоваться каждой возможностью подняться вверх хотя бы на один уровень. Держа автомат наготове и сильно напрягая сознание, он направился дальше, предполагая, что если кто-то появится вблизи от него, он сможет его засечь и оказать сопротивление.

Однако его обострившиеся чувства не били тревогу до тех пор, как он поднялся ещё на пять уровней выше. Но даже эта тревога могла пугать только своей внезапностью. Дело в том, что он лишь принял её за свою. На деле же её испытывали люди, находившиеся где-то неподалёку. Не обращённые, хотя сигналы от них тоже поступали, а самые настоящие живые люди. Точно такие же, каким он был когда-то очень давно, в прошлой жизни. Однако сейчас он не испытывал к ним никаких отрицательных чувств, хотя имел на это право. Напротив, он стремился к ним, чувствуя, что им грозит беда. Он хотел спасти их, а заодно, возможно, приблизиться к решению своей собственной главной задачи — одолеть инопланетный разум и проникнуть в его секреты.

Здесь всё обстояло совершенно иначе. Харрис чувствовал это. Если бы рассудок его не

был абсолютно холоден, то наверняка уже радостно ускорил бы сердце от овладевшего им восторга. Дело в том, что Крис входил в лабораторную зону — место, где работали учёные. Простая логическая цепь — если кто-то и может изучить этих существ, то это учёные. Учитывая, что на Аурэмо последние три дня шла самая настоящая война, пусть и не одинаково кровопролитная на всей своей протяжённости, то у учёных должно быть достаточно материалов для работы. Ну и, самое главное, раз они всё ещё живы, значит, работа продолжается. Как бы ему хотелось ознакомиться с результатами!

Однако до непосредственно лаборатории, где ещё находились живые люди, нужно было ещё добратся, и сделать это оказалось не слишком просто. На поднимающейся вверх лестнице Харрис увидел множество тел, которые уже могли исполнять для прилипал только роль пищевой биомассы. Всё дело в том, что головы их либо отсутствовали, либо были сильно повреждены. Проанализировав раны, Крис сделал заключение, что это не автомат, наподобие того, которым вооружён он сам. Это — что-то более мощное, и, учитывая гипотетическое расстояние с которого вёлся огонь, более точное.

Тревога исходила от обеих сторон конфликта. Самая сильная её часть, и в то же время самая неясная, была детищем прилипал. На этот раз понять их было несколько легче. Они оказались в том же положении, что и сам Харрис несколько пролётов назад. Видимо, до этого они и их носители относительно неплохо продвигались в том направлении, которое было им указано, но здесь им суждено было наткнуться на серьёзное сопротивление. Причём, человек нейтрализовал их с такого расстояния, на котором они ещё не могли его почувствовать, то есть расправа стала для этих существ полной неожиданностью.

Сейчас они, не способные действовать самостоятельно, пребывали в состоянии потерянности. Всё, что им оставалось, это питаться и ждать, пока не придёт подкрепление, и это в лучшем случае. Даже о новых жертвах думать не приходилось. На корабле за эти три дня почти не осталось ни одного человека, который не был бы поражён этой чумой.

Харрису было приятно, что его появление ещё больше усилило тревогу этих существ. Видимо, своим присутствием он нарушал их связь с основным разумом, что было для них весьма неприятно в сложившихся условиях. Тем не менее, медлить было нельзя, поэтому, переступая через тела, находившиеся в распоряжении прилипал, он пошёл дальше вверх.

Он поднял руки, в одной из которых держал автомат, и плавно поднялся вверх по ступенькам. Сначала для стрелка, засевшего где-то впереди в коридоре, который был частично завален хламом из лабораторий, стала видна голова Криса вместе с автоматом, а потом и всё остальное тело. Полностью поднявшись, Харрис остановился на краю лестницы, ожидая, что с ним сейчас выйдут на контакт. То, что в него не стреляли, было хорошим предзнаменованием, но это могло быть временно. В любую секунду его могут принять за новый вид обращённого и пристрелить также, как и их всех.

— Брось автомат и медленно иди вперёд, — из коридора раздался голос, усиленный громкоговорителем, и Харрис с радостью выполнил его указания, хоть ему и не хотелось расставаться с автоматом.

Он шёл медленно, как ему и приказывали. С определённого момента он начал ощущать раздражение человека, который дал ему это указание. Оно, как и изрядное напряжение, было вызвано не столько слишком медленными шагами Харриса, а ещё и тем, что человек не мог определить, кто перед ним. Обращённый или живой, которому стоит верить. Первый вариант немного не подходил по причине того, что на голове Харриса отсутствовали прилипалы. Второй был невозможен в принципе. Там, на лестнице было достаточно

паразитов. Даже если предположить, что кто-то мог бы оказать им сопротивление и помешать поглотить его мозг, никто не мог заставить их спокойно пропустить кого-то мимо себя. Так что перед тремя бойцами, охранявшими баррикады и ещё двумя присоединившимися к ним людям, которых Харрис ещё не успел как следует узнать, стояла серьёзная дилемма.

Сам же Харрис, медленно передвигавший ноги, думал о касках. Да, о тех самых, которые входили в боевую форму бойцов гарнизона. Это было существенное препятствие на пути прилипал, повышавшее шансы на то, что одетый солдат не будет обращён. Однако повышенные шансы не значат абсолютную вероятность осуществления, и поэтому среди бойцов тоже были потери. Харрис легко вывел логическую цепь, когда большое количество людей, уже пойманных паразитами, напирает на относительно немногочисленных солдат, давит их и тем самым способствует обращению. Но когда толпу удавалось отрезать, оборона становилась относительно сносной. Большие сектора удержать не получится. Например, из всего лабораторного уровня уцелела только относительно небольшая лаборатория на самом краю. И всё равно это был прогресс.

— Стой, — сказал тем временем человек, которого Харрис по-прежнему не видел глазами.

Он ощущал тревогу и напряжение. Он чувствовал, как они решают, как нужно поступить. Как и для своих настоящих противников, для людей он тоже был весьма желанным препаратом для исследований. Он представлял собой феномен, очень особенный феномен, и если его способности можно будет распространить на приличных размеров группу бойцов, это окажет существенное влияние на восстановление нормального порядка на Аурэмо и продолжение нормального функционирования миссии. Правда, при этом придётся наплевать на чистоту человеческой сущности.

Сам Харрис, хоть и понимал, что обычные люди скорее союзники, чем враги, всё же предпочёл бы оставаться единственным в своём роде. И дело было даже не в чуждом ему теперь эгоизме и прочих человеческих чертах. Результат такого поворота событий был непредсказуем. Это в его голове не происходил полный отказ от всего человеческого, и, как следствие низвержение черт, присущих человеку. Но кто знал, как расширение сознания может видоизмениться в голове кого-то ещё? Кто-то может презреть людей настолько, что предпочтёт объединиться с инопланетным разумом, захватившим Аурэмо, чтобы положить конец популяции людей. Эта линия поведения, помноженная на новые возможности, могла привести к серьёзным последствиям, поэтому Харрис решил, что всеми силами сохранит свой уникальный статус. Пусть тайна остаётся тайной. По крайней мере, до тех пор, пока у него не будет уверенности, что её распространение не приведёт ни к чему, чего он хотел бы избежать.

— Как ты выжил? — спросил меж тем голос.

— Это долгая история. Я предпочёл бы рассказывать её не в коридоре, где на нас могут напасть, и не держа руки поднятыми.

На другом конце повисло молчание. Видимо, другим признаком обращённых являлось то, что у них полностью отсутствовала речь. Они не могли её воспринимать и воспроизводить. Харрис чувствовал замешательство и тревогу. С одной стороны он был неотличим от обычного человека. С другой — на его голове были бинты с характерными кровавыми отметинами. Только глупый бы не догадался, что ему удалось избежать заражения, но как он в таком случае выжил?

Он мог бы сейчас подействовать на их сознание, воспользоваться своими возможностями, чтобы пройти, но это было бы плохое начало рассказа о его способностях, и к тому же, затуманенные мозги людей существенно снизили бы их работоспособность, а она сейчас нужна была им всем. Изучить угрозу и противодействовать ей. И в этом отношении они были очень полезны друг другу.

— Тебя атаковали? — спросил голос после недолгой паузы.

— Да, но на меня не подействовало, как видите.

Он знал, что именно эти слова подействуют лучше всего. Это был самый эффективный ход. Объяснять просто, точно, и в точно таком ключе, как им хочется это слышать. Сейчас они бьются если не над лекарством — обращённых уже вряд ли можно спасти — то хотя бы над тем, что может обеспечить оставшимся в живых людям иммунитет. В этом плане тот, кто подвергся атаке, но не заразился, является очень ценным экземпляром.

Да, у них не было причин верить ему, потому что это мог быть очень ловкий ход того интеллекта, которому подчинялись паразиты-захватчики, однако существовала устойчивая связь между их наличием и подчинением человека. Харрис пока не мог логически её обосновать, но понимал, что этот принцип всё ещё актуален. Человек либо мёртв, либо подчинён, либо без паразитов. Каким бы сильным ни был кто-то там вдалеке, ему нужны были исполнители. Именно поэтому выжившие, хоть и нехотя, но верят ему.

— Хорошо. Проходи, только держи руки так, чтобы я их видел. И без глупостей. Одно неверное движение, и я снесу тебе башку. Без неё пока ещё никто не делал и шага. Ты понял?

— Я понял, — ответил Харрис.

Его эти условия устраивали. Даже несмотря на постоянно разраставшееся сознание, ему нужна была помощь. Эти люди смотрели на проблему по-другому, к тому же, их интеллект был более развитым изначально, так что они определённо что-то нашли, и Харрис должен это знать. Это дополнит то, что он понял и узнал сам. Поэтому, держа руки вверху, он направился вперёд очень медленно. Он ощущал напряжение и то, что оно может разрядиться бурей после одного неловкого движения. Нужно показать, что он человек. Всё ещё человек, хотя бы частично, и он на их стороне. И хотя сейчас доверять было нельзя никому, ему доверяли, пусть и держа под дулом мощной винтовки.

И они тоже были нужны существу. Никак иначе Харрис не мог объяснить тот факт, что их до сих пор не подавили. Да, сделать это было гораздо сложнее в силу относительно неплохо организованной обороны, но, обладая развитым интеллектом, их противник мог пойти и на хитрость, причём на очень подлую хитрость, чего пока не делал. К примеру, он мог бы найти алгоритм, при помощи которого ему удалось бы удерживать человека в подчинении без прилипания, но он этого не делал. Почему? Эти люди, а также, скорее всего, их исследования, были ему нужны.

Того, кто держал его на мушке, Харрис увидел в самый последний момент. Человек вышел из своего укрытия с хорошо замаскированной амбразурой и наставил на него пистолет. Это был боец гарнизона, одетый в тяжёлую броню. Ни одна прилипала, даже в составе целого отряда себе подобных не сможет его подчинить. Даже вооружённые обращённые люди мало что смогут с ним сделать, по крайней мере, сходу. К тому же, боевой опыт последних трёх дней тоже был учтён — повсюду на снаряжении были видны дополнительные ремешки, защищавшие именно от попыток врага сорвать с бойца его защиту. Обращённые, как Харрис уже понял, были слабее, чем те люди, которых он когда-то знал, так что дополнительные меры осторожности не были лишними.

— Чего встал? Топай, — боец махнул автоматом в сторону, и Харрис направился в ту сторону, куда он указывал. Двое его помощников даже не показались.

Сторожевой не оставлял свой пост. Крис чувствовал, что ему навстречу уже выдвинулись ещё двое бойцов, а этот сейчас снова возьмёт свою винтовку и вместе со своими напарниками вновь будет держать единственный свободный путь под контролем.

Их глаза не было видно из-за защитных стёкол шлема, но Крис всё равно чувствовал их взгляды. Неуверенность, некоторая растерянность и даже небольшой страх. Однако все чувства под контролем, как и подобает настоящим солдатам. Стоит ему шевельнуться, как они исполнят то, что должны. Пусть лаборатория останется с испорченным образцом, но останется, что явно будет лучше гибели всех, кто здесь окопался.

Два бойца держали его на прицеле и пока он шёл по коридору, и когда оказался в небольшой лаборатории, в которой царил приличный бардак, хоть здесь и не было ни революции, ни борьбы с биологическим заражением. Вернее, с открытой угрозой, а в общем смысле эти люди как раз-таки и были на передовой борьбы с паразитом и его исполнителями. И проходила эта борьба ожесточённо, хоть и без открытого столкновения.

Повсюду можно было увидеть бумаги с записями, сделанными от руки, а также с распечатанным текстом и такими же надписями поверх. Мониторы пестрили изображениями, полученными при помощи микроскопа. Если бы интеллект Харриса был помножен на изначальные знания в этой области, он бы сходу мог что-то подсказать здешним учёным, однако он ничего такого не знал и даже немного смутился. Находясь в одиночестве, он уже начал считать свой интеллект сверхразвитым, а теперь приходилось согласиться с тем, что ему ещё есть, куда расти.

В лаборатории был худой осунувшийся мужчина лет сорока. Может быть, моложе, но стресс последних дней вряд ли был способен помочь ему выглядеть лучше. Он стоял прямо напротив экрана и повернулся на вошедшего Харриса. Рядом с ним сидела сухая женщина, если и младше его, то ненамного, а в другом конце лаборатории стояло два совсем уж молодых юноши и девушка, которая инстинктивно пряталась за их спинами. Харрис её сначала даже не заметил, но почувствовал, благодаря аномально большой волне страха, накатившей на него. Причём он совершенно точно знал, что исходит она не от тех, кого он способен видеть глазами.

Они смотрели на него. Больше всего внимания доставалось бинтам, на которых виднелась кровь.

— Если вы не против, я сниму повязку. А вы, если это нужно, изучите раны, — сказал он.

— Хорошо, — к нему первым подошёл взрослый учёный.

Отсутствие средств защиты поразило Харриса, но только в первый момент. Они, как и он, знали, что особые споры присутствуют во всём воздухе станции с тех самых пор как глупые революционеры, которым стоило спать ночью в своих тёплых углах, открыли двери карантинной зоны.

Учёный указал незнакомцу на кресло, и Харрис, сняв бинты, сел. Осознав, что не знает, как обращаться к присутствующим, он представился. Учёные ответили взаимностью. Мужчину звали Гордон, а женщину Кейт. Юнцов и девушку, от которых исходило больше всего вибрация страха и напряжения, оставили в тени. В самом деле, толку от них было мало, особенно в сложившейся ситуации, поэтому Харрис воспринял это нормально.

— Но у вас нет ран, — сказала Кейт, тщательно изучая его голову.

— Чёрт возьми, я и не заметил.

Харрис настолько погрузился в сознание, что совершенно забыл о теле. Его организм, в распоряжении которого находилось новое мощное сознание и энергия, полученная из пищевой смеси, уже обо всём позаботился сам, не отвлекая на себя внимание самого Харриса. Правда, помимо хорошего заживления, была ещё и неприятная особенность — и без того не слишком густые русые волосы Криса в полном составе остались на повязке, которую он снял. И, разумеется, на голове отчётливо был виден шрам от хирургической операции, которую он перенёс в прошлом. Именно он и стал объектом усиленного внимания.

— Это у вас давно? — спросил Гордон.

— Да. Война.

— Конечно, так будет не по порядку, — учёный быстро поднёс увеличительное стекло к шраму и принялся ощупывать его другой, — но одно из них попало в ваш, так сказать, протез.

— Да, вы правы, — спокойно сказал Харрис.

Ему всегда было неприятно, когда кто-то прикасался к его давней ране. Обычно в такие моменты он ощущал себя особенно уязвимым, но сейчас вполне легко мог контролировать свои чувства и эмоции вплоть до их отключения. Одно не слишком большое усилие, и он не чувствовал острых пальцев доктора, от движений которых он в прошлые времена начал бы ёрзать в кресле.

— Видите ли, в чём дело, они способны заставлять нас производить чужеродные молекулы. Они могут перестроить нашу ДНК, больше того, в корне изменить её. А если надо, то, как я предполагаю, даже заменить, что бы конкретно это не значило. Но, очевидно, в случае с вами у этих существ что-то пошло не так.

— Судя по следам крови, — сказала Женщина, рассматривавшая повязку, у вас их было пять.

— Да. Я думал это норма, пока не вышел.

— Где вы были в момент заражения?

— О, — легко улыбнулся Харрис, предвидя, что его дальнейший рассказ вызовет новую волну напряжения и непонимания, — я, как это сказать, находился у истоков. Не в прямом смысле, конечно. Я был в карантинной зоне, когда оттуда выпустили офицера гарнизона.

Доктор отступил на шаг назад, а на лице его выразился испуг. Женщина тоже замерла, плавно опустив руки, и чуть было не выронила повязку. Однако больше всего напряжения можно было ощутить в бойцах. Не зная до конца всех подробностей, они вполне логично предположили, что Харрис был одним из революционеров.

— Нет. Я был не с ними. Это долгая история, — стараясь лёгкой улыбкой сгладить свой рассказ, ответил Харрис, — жена соседа попросила, чтобы я его оттуда вытащил. Дела у них уже были плохи, вот и боялась, что его убьют. Извините, я знаю, что звучит неправдоподобно, но пока я не знаю, как доказать вам свою правоту.

— Это в любом случае неважно, — быстро проговорил Гордон, чем вызвал некоторое недовольство бойцов, — сейчас все мы на стороне людей. И самое главное в настоящий момент — это то, что вы видели там. Как это произошло?

— Боюсь, мои ощущения не слишком хорошее свидетельство. Я помню, как он очень просил их его выпустить. Обещал помочь. У них были плохие дела, а он боевой офицер. Его помощь и правда была очень желанна. И как только он переступил порог, его лицо

изменилось. Я смотрел в его глаза, но не могу сказать, что увидел в них что-то особенное. Тем более, что это продолжалось недолго. Он вышел и ударил нас как-то. Нас прямо отбросило, и мы потеряли сознание.

— А потом?

— А потом я помню только момент, когда пришёл в себя от того, что меня душил тот самый сосед. Наверное, оно почувствовало угрозу во мне. Но, как видите, ни ему, ни кому-то ещё, находившемуся там, не удалось меня одолеть.

— Старший офицер Маркин был в числе тех, чью атаку вам удалось отбить?

— Нет. Его там не было. И вообще, я не знаю, куда он мог деться.

Харрис заметил надкусанный шоколадный батончик, лежавший на краю одного из столов, и ощутил, что кошмарно голоден. Сознание и организм поглощали энергию бешеными темпами.

— Вы голодны? — спросила Кейт, увидев направление его взгляда.

— Да. Если вы не против, я бы съел это.

— Он немного надкусан, — сказал Гордон, подавая Крису питательный батончик, — я вроде хочу есть, но если начинаю, то кусок в горло не лезет.

— Ничего страшного. Я не брезглив.

Харрис, в отличие от учёного с большим аппетитом съел кусок сладкой питательной смеси. Пожалуй, он не пробовал ничего такого с тех пор, как они улетели с Земли.

— Вы будете ещё? — спросила Кейт.

— Да. Если можно, и побольше, — он сглотнул.

— Ребята, принесите еды, — обратилась женщина к молодым учёным, от которых сейчас почти не было пользы, — дойдите до автомата, пожалуйста.

— Хорошо, — сказал один из юношей.

— Что было дальше? Когда вы пришли в себя? — с нетерпением спросил Гордон.

— Отлепил прилипал. Мне сразу стало лучше. Они, видать, что-то вливали мне в кровь, чтобы я себя плохо чувствовал.

— Да. Это так. Очень необычное вещество, — сказала Кейт, — но, как вам удалось их отлепить? Мы пробовали, и это, по сути, сложная хирургическая операция.

Харрис понял, что ему не поверят, если он не упомянет об особенностях своего интеллекта. Он хотел бы оставить это на потом. Но не стоило врать, например, будто прилипалы отвалились сами, пока он сюда шёл. Самым лучшим выходом было как-то по-другому построить свой рассказ, чтобы этот вопрос не всплывал вообще, но момент уже был упущен.

— Всё дело в том, что с момента, как они ко мне прилепились, я как будто стал их чувствовать. Я просто... Знаю, это будет казаться очень глупым, но я просто очень захотел, чтобы они отцепились.

— Хорошо, — Гордон сказал и громко выдохнул, — нужно решить, что делать дальше. Начать нужно с образца вашей крови.

Харрис понимал и его состояние, и состояние всех остальных, кто находился здесь. Мало того, что он пришёл сюда со следами нападения прилипал, так ещё и оказался для них самым настоящим феноменом. Конечно, его кровь может им помочь, а он, по понятным причинам, не хотел бы слишком сильно продвигать людей.

— Если можно, — сначала еды, — попросил он, когда доктор начал готовить автоматический шприц.

— Это так принципиально? — Гордон насторожился.

— Не поймите меня неправильно. Всё дело в том, — он остановился, задумавшись о том, как лучше сформулировать то, что он хотел им сказать, — что я изменился. Я чувствую не только их, но и вас тоже. И его, — он указал на бойца, — и я... Я боюсь, что изучение меня может привести к серьёзным последствиям.

— К каким? — нахмурился Гордон.

— Это трудно объяснить, но...

Харрис понимал, что такие заминки в речи никак не вяжутся с его сверхинтеллектом, но он не мог сразу передать им всю информацию в том максимально эффективном формате, на который был способен. Из мозга в мозг. Но это, тем не менее, не избавляло от необходимости наиболее кратко донести до учёных то, что он хотел бы донести.

— Не каждый может отреагировать на эти изменения так же, как я. Стремиться помочь.

— Мы не собираемся распространять ваши изменения, если вы об этом, — сказал Гордон, — к тому же это не так просто, как вам может показаться. Ещё не факт, что это вообще получится. Вы находились под действием множества факторов, некоторая часть которых от нас в данный момент скрыта, так что вряд ли просто так удастся передать кому-то ваши возможности.

— И всё же, — Харрис сделал рукой останавливающий жест, — пожалуйста.

— Хорошо-хорошо, — согласился Гордон, но было видно, что он немного раздражён.

— Вы сказали, что «оно» почувствовало в вас угрозу, — вступила в разговор Кейт, — вы просто так выразились, или имели в виду кого-то кроме паразитов?

— Все эти прилипалы не сами по себе. Есть нечто над ними.

Разговор нарушила открывшаяся дверь лаборатории. Юные помощники больших учёных принесли Харрису целую охапку шоколадных батончиков. Не задаваясь лишними вопросами, Крис принялся их поглощать, сожалея, что его организм ещё не изменился настолько, чтобы человеческие принципы получения энергии перестали быть актуальными.

— Если у них всё централизовано, то почему он нас до сих пор не захватил? — спросил Гордон, отойдя в сторону и закурив.

— Мне трудно об этом рассуждать, — ответил Крис, — пока трудно. Но я могу сказать, что он не добрался до нас не по недосмотру или потому, что ему некого послать. Может быть, у него куча других дел. Вы ведь, если я правильно понимаю, отрезаны от верхних секторов?

Это заключение было детищем простейшей логики. Лабораторный блок имел свои ходы вверх и вниз, и для того, чтобы переместиться на верхние уровни, совсем не требовалось выходить в общие коридоры, которые были оккупированы обращёнными. С точки зрения же безопасности, уход наверх был предпочтительнее, поскольку угроза распространялась снизу, из шлюзового отсека, а значит, у верхних секторов было больше шансов остаться чистыми. Шансов было больше, но всё пошло совсем не так, как можно было бы ожидать. И лица учёных, которые приняли озадаченный вид после этого вопроса, заданного Харрисом, были ярким тому подтверждением.

— Все лестницы и лифты заблокированы. Несколько человек пытались труда пробиться, но вернулись с прилипалами, — сказал Гордон с тенью безразличия.

Он, наверняка, уже не верил в то, что они ещё могут спастись, или просто так холодно относился к тем, кто по своей воле принял безрассудное решение и отправился на верную смерть. Так или иначе, он не отчаялся до конца, раз продолжал работу, распорядившись тем

немногим, что у него есть.

— Вы можете объяснить природу своих ощущений? — спросил он после минуты молчания, гася сигарету в пепельнице, и без того переполненной, — ну, именно тех, которые относятся к прилипалам?

— Признаться, не только к ним. Я так чувствую и людей тоже.

— И никакой разницы? — спросил он.

— Разница кардинальная. Людские мысли и ощущения мне понятны. Я сам почти тридцать лет мыслил примерно так же. А вот ощущения паразитов совсем другие. Я бы сказал, что они более яркие в силу того, что имеют сугубо нервную природу, но очень непонятные для нас. Вы ведь знаете, что у них мало общего с нами по части чувств. Они не видят, не ощущают обонянием, не слышат. Но у них есть другое чувство. Чувство, даже не знаю, как назвать, например, позволяющее им безошибочно находить головной мозг человека.

— Реакция на нервную активность? — спросил Гордон, снова закуривая.

— Что-то вроде того. Это есть их природа. Они что-то вроде саморазмножающегося мозга, разбитого на множество небольших островков, каждый из которых в меру самостоятельный, но всё же достаточно примитивный в сравнении с общим объединением.

— Удобная система. Живучая, — заключил учёный.

— При условии, что у вас есть достаточные условия для распространения. Мы, к сожалению, обеспечили им их, поэтому они нас так легко покорили.

— Кстати, я могу сказать вам, что никаким биологическим способом заразить старшего офицера они не могли, — сказал Гордон, решив не упоминать странный анализ крови, — его скафандр был не повреждён и совершенно исправен. Как они заразили его? Он ведь, следуя вашему рассказу, выйдя из карантина, сразу принялся выполнять волю этих существ.

— Когда я, так сказать, подключаюсь к этим существам, я не вижу их глазами даже черепной коробки того, кого они подчиняют. И они не видели скафандра. Особенно там. Он ведь присутствовал при их большом скоплении? Ну, когда брал образец.

— Да.

— Они бьют прямиком в мозг, господин доктор. И бьют наповал.

Гордон глубоко затянулся сигаретой, а Харрис только сейчас понял, что с тех пор, как он пребывает в своём новом воплощении, его не посетили даже мысли о курении, равно как и об алкоголе. Мозгу требовалась лишь энергия без каких-либо последствий, и он получал нечто, отдалённо напоминавшее удовольствие только от того, что поглощал её. Вот и сейчас сладкие батончики быстро преобразовывались в чистую энергию, усиливавшую способности Харриса. Он вдруг понял, что его кровь действительно ничего не даст учёным. В лучшем случае они смогут понять, что именно с ним произошло в биологическом плане, но никак не смогут распространить эту особенность на других. Он осознал, что это может сделать только он сам, но сам Крис Харрис пока не собирался делиться. Он лишь согласился дать анализ.

Гордон отреагировал на его согласие с живостью, и уже меньше чем через минуту образец крови Харриса лежал на предметном столике микроскопа, а на экран выводилось изображение.

— Та же патология, что и у Маркина тогда, — сказал Гордон, обращаясь к Кейт, — только не в скрытом виде. Его кровяные тельца не прячутся от нас.

— Видимо, прилипалы содержат внутри себя ещё какой-то мутаген, — сказал Крис, — или целый комплекс веществ, способных изменить человека, однако со мной что-то пошло

не так. А вот с господином офицером они, похоже, контролировали процесс.

— Это на вас так действует шоколад? — улыбнулась Кейт.

— Да. Определённо, — серьёзно ответил Харрис, — я даже начинаю чувствовать ещё что-то. Не могу сказать, что именно, но это получится со временем.

— Я надеюсь, это не угроза нам, потому что мы в любой момент можем приблизиться к решению, — сказал Гордон, продолжая изучать изображение с микроскопа.

— Боюсь, что если я буду говорить об угрозах, они окажутся здесь повсюду.

— К сожалению, вы правы. И это понятно без вашего продвинутого интеллекта. Кстати, — спросил учёный, — вы можете описать процесс, благодаря которому эти существа подчиняются вам?

— Подчиняются, это очень громко сказано. Это скорее вынужденная мера. Они сдаются под давлением, которое я на них оказываю. Вольно или невольно. Видимо, от меня исходят особые волны, а учитывая их особое восприятие мира, они к ним очень чувствительны, вот и понимают, что я из себя представляю.

— Но ведь вы сами по себе неопасны для них?

— Почему же? Одно то, что я их чувствую, уже может служить для них тревожным звонком. Всё дело в том, что мозг человека и их мозг различаются, — Харрис отложил очередную обёртку и взялся за свежий батончик. Мы пассивны. То есть, я чувствую вашу активность, но при этом вы на меня никак не воздействуете. Вы не можете заставить меня вас чувствовать. Они же — активные существа. Я ощущаю их воздействие всегда, но они очень слабы. Я приобрёл их способность, и там, где они ожидают увидеть человека, мозг которого представляет собой нечто похожее на вкусное ядро орешка, они получают подобного себе. Только в силу наших изначальных характеристик, наш мозг обладает большим потенциалом. Поэтому, изменения, начавшиеся из-за их воздействия, запустили цепную реакцию, абсолютно неподконтрольную для них. Я, конечно, тоже их не контролирую, но мне это и не нужно. Чем больше я приобретаю, тем лучше понимаю протекание процесса.

— Ещё пара часов и сотня батончиков, и мы сможем победить их? Вы ведь настроены на это? — спросила Кейт.

Однако Харрис молчал. Он ощутил нечто, что его напугало. Страх этот был не таким, каким он вообще запомнил это чувство, но одно лишь его наличие было способно выбить из колеи человека, уже уверившегося в своих очень высоких способностях.

— Вы нас слышите? — обратился к нему Гордон.

— Ваши люди, охраняющие подходы оттуда, откуда я пришёл, сейчас сообщат вам что видят ещё одного человека без прилипал и выглядящего нормально. Не дайте им его подпустить.

— Что с ним не так? — спросил Гордон.

— Всё. Боюсь, это эхо нашего офицера, которого зря выпустили из карантина.

— Что?

Тем временем один из офицеров отвлекся. Это заметил Гордон, а вместе с ним и Кейт. Харрис же почувствовал усилившееся напряжение. Всё то время, что он был здесь и вёл разговор с учёными, оно медленно и незаметно сходило на нет, и вот сейчас снова усилилось, причём скачкообразно.

— Он прав, но он нам врал, — сказал один из бойцов.

— Что? — удивился Гордон.

— Он заражён. А тот человек утверждает, что ему удалось спастись. Он просит помощи.

— Офицер Маркин, запертый в шлюзе, тоже всеми правдами и неправдами просил, чтобы его выпустили, и при этом на его голове тоже не было прилипал, — парировал Харрис максимально спокойно.

Его сознание судорожно искало выход. Он должен был разобраться в ситуации. Появление некоего человека, мысли которого были скрыты от Харриса, было продуманным ходом с другой стороны. Некое существо пошло в наступление. Возможно, момент для действия упущен. Оно получило нужное количество времени и выполнило то, что собиралось выполнить. Что бы это ни было, оно теперь обрело уверенность. Харрис корил себя, что слишком предался человеческому общению и прочим взаимодействиям, хотя нужно было просто пополнить запасы энергии и идти дальше.

— Что вы предлагаете? — спросил Гордон, — как вы понимаете, всё это звучит очень убедительно.

— Понимаю, но раз он хочет проникнуть сюда, ему нужно избегать резких и быстрых движений. Он должен оставаться на расстоянии и пользоваться исключительно доброй волей. Если у нас вообще есть шансы, и если у меня ещё есть возможности, то при сближении со мной он должен утратить связь со своим кукловодом.

— То есть вы подойдёте к нему, он упадёт, а мы не будем знать, отчего это произошло. От того, что вы правы, или от того, что вы его убили, — сказал офицер.

Крис посмотрел сначала на Гордона, а потом на Кейт, желая увидеть в их глазах понимание, но логика справедливо подсказывала ему, что они в чём-то правы. Это он может чувствовать и себя и других, а они нет, и для них всё действительно будет выглядеть противоречиво. Тем не менее, делать что-то было нужно, и чем скорее, тем лучше.

— Тогда мы поступим просто, — заключил Крис, — вы дадите мне уйти, и я не буду представлять угрозы для вас.

— Но тот человек...

— Нельзя терять время. Дайте мне выйти вперёд. Если я начну делать что-то, что вам очень не понравится — можете стрелять, — сухо сказал он.

Уже наплевав на напряжение и то, что каждый может выстрелить от резкого движения, Харрис встал со стула и направился на выход, даже не оглянувшись на учёных. Он в действительности никак не мог им доказать, что говорит правду и поступит так, как лучше для всех них. Разве что, он мог бы передать им напрямую в мозг то, что видит, знает и чувствует, но опять же, для обычных людей не существовало никакой гарантии, что всё это будет чистой правдой. Эта информация могла быть как настоящей, так и нарочно созданной им. В принципе, набрав ещё немного сил, он мог бы сейчас заставить их делать и видеть только то, что хочет он. Однако Харрис ещё не вышел на такой уровень, чтобы позволить себе решать что-то за других. Конечно, это могло быть вполне подходящим выходом из положения, но он не был в этом достаточно точно уверен. Он считал, что, только действуя сообща, они смогут справиться со сложившимся положением. Жаль, его немногочисленные союзники не разделяли подобных мыслей. Ещё бы, у него были признаки заражения, и у них не было оснований ему верить. Он во всех отношениях являлся уникальным феноменом, и в этом была его большая удача и большое несчастье.

Он не зря испытывал страх. В тот момент, когда он смог разглядеть лицо того, кто пришёл сюда, в нём как будто бы проснулся человек. До этого сердцебиение, дыхание и прочие показатели были чем-то самим собой разумеющимся. Они всегда держались на

нужном уровне и лишней раз не привлекали к себе внимания. Сейчас же Харрису пришлось прикладывать к ним высшую волю, чтобы удержать в пределах нормы, потому что перед ним стоял Колград.

Всё тот же взгляд, который, разве что, приобрёл необычную искорку, всё та же улыбка, которая, должно быть, большинством людей считается приятной. Вот только даже способностей Харриса не требовалось, чтобы понять, что с Колградом что-то не так. Хотя, может быть, он и понял это только благодаря им. Он уже настолько отдалился от человеческой сущности, что не понимал, когда использует свои новые навыки, а когда нет.

— Офицер, — обратился он негромко к бойцу, скрывавшемуся за перегораживавшим проход шкафом, — вы ведь не помните того, кто организовал восстание?

— А что?

— Если помните, то приглядитесь, — сухо сказал Харрис.

Крис не стал заглядывать в сознание офицера даже для того, что бы узнать, знает ли он Колграда. Это было не так важно. Сейчас его мышление подсказывало ему, что в любом случае отсюда лучше уйти. Ему потребовались бы значительные усилия и большое количество времени, чтобы помочь здешним учёным. Пришлось бы ускоренными темпами изучать то, что им давно известно. Так у них есть образец его крови, и если они вообще на что-то способны, его им будет достаточно.

Оставаясь же, он совершенно определённо привлёк бы к этому очагу сопротивления людей внимание своего самого главного противника. Кем бы он ни был, он тоже с каждой минутой становится сильнее, и шансы Харриса на то, что он сможет одержать верх, тают. Их может уже вообще не быть, и сейчас, проходя мимо Колграда, замертво упадёт он сам, а не бывший лидер восстания. Если же Харрис не ошибается, и ему сейчас удастся одержать верх, то шансы у них ещё есть. Главное — отвлечь внимание главного существа от этого лабораторного сектора, чтобы дать учёным возможность вывести средство, которое обезопасит тех, кто ещё остался в живых.

Харрис боялся, но контролировал свой страх. Пожалуй, если кто-то сейчас уже вторгся в его сознание, ему пришлось бы изрядно покопаться, чтобы обнаружить эмоции и чувства. Вскоре и в этом сокрытии отпала нужда. Сначала он ощутил активность в мозгу Колграда. Это была не человеческая активность, что было совсем неудивительно, но с другой стороны, это не была и активность, свойственная прилипалам. Этот человеческий организм подчинялся хозяину без каких-либо посредников. Это было гораздо более эффективно, но всё ещё недостаточно для того, чтобы одолеть самого Харриса. Он лишь потратил на несколько секунд больше, чтобы идентифицировать активность в мозгу оппонента как чувство тревоги, причём достаточно интенсивное. Кто бы ни пришёл с той стороны, он опасался Криса, и этим нужно было пользоваться.

Однако в обычном пространстве один шаг в одну единицу времени всегда оставался таковым, и было неважно, сколько мыслей за эту самую единицу времени успело посетить голову Криса Харриса. Он не осознал тот момент, когда сблизился. Осознание. Огромное количество мыслей сжавшихся в точку. Сверхмасса. Чёрная дыра, взорвавшаяся в мозгу. Целью были не те люди, которые окопались в лаборатории. Совсем нет. Их оно могло бы раздавить и раздавило бы при помощи подконтрольной биомассы, которой оставалось ещё очень и очень много.

Харрис в секунду сумел охватить своим сознанием весь Аурэмо. Толпу обращённых, небольшие кучки тех, кто ещё мог позволить себе роскошь оставаться собой, и которых

существо держало в резерве, просто на случай, если в определённый момент ему потребуются чистые люди для очередного эксперимента. А эксперименты эти могли быть очень нужны, при учёте, что не всех удалось поработить сходу.

Целью был он, Крис Харрис, и тело Колграда точно было выбрано неслучайно. Этот кто-то, там, на другой стороне, решил, что именно так легче всего будет выманить своего главного врага и атаковать его. Удар был бы очень тонким, но очень эффективным. Это Крис понял, когда падал вниз, ощущая, что его мозг как будто бы проткнула тончайшая игла. Он помнил и улыбку Колграда, и пулю, пронзавшую ему голову. В последнем жесте не было нужды. От главного революционера осталось только тело, уничтожение которого уже ничего не давало, а что до Харриса, то сам он в тот момент он чётко осознал, что ему пришёл конец.

Ему снилось ритуальное сожжение. Языки пламени плясали где-то рядом, и осторожно заходили на его тело, причиняя не столько боль, сколько дискомфорт, потому что ощущались, как щекотка. Щекотка, которая временами доставала до мозга. Мозг. Только его функционированием любое рациональное сознание может объяснить наличие ощущений, и никак иначе дела обстоять не могут.

Его сознание, вполне рациональное, да к тому же расширенное до небывалых для человека масштабов, сумело за долю секунды осознать множество факторов, сопоставить их с ощущениями, а внешне это выразилось лишь в том, что Крис Харрис, до этого лежавший на полу, подскочил.

Огня, конечно, уже не было, но он бушевал здесь ещё недавно. Было темно, но он всё отлично ощущал и без зрения, как будто бы за то время, что он пребывал вне себя, его сознание сживалось с восприятием прилипалы. Что же, в отношении ориентирования это было только на пользу, как и обострившееся осязание.

Именно оно в первую очередь забило тревогу, когда до Харриса дошла информация о том, что он отлично ощущает всё своё тело кроме одной руки. Ещё бы, она была ненастоящей, но вместо неё его сознание рисовало ему только лишь металлический остов, который уже не приводили в действие соответствующие механизмы. Они все сгорели в огне, как и его одежда. Только его тело осталось невредимым. Вернее, оно восстанавливало повреждения быстрее, чем огонь их наносил. А поскольку гореть в металло-пластиковых коридорах особенно нечему, то и бушевало пламя недолго.

Закончив с осознанием себя в первую очередь, во вторую Харрис озаботился тем, что произошло с учёными, с которыми он ещё недавно разговаривал. Однако завалы, на которые набросился огонь, были непроходимыми, а уже через долю секунды он ощутил, что внутри лаборатории никого нет.

Когда он поднялся и сориентировался в пространстве, в котором обычный человек не увидел бы и кончика собственного носа из-за темноты, он вдруг понял, что ему больше не нужна энергия в том виде, в котором её свойственно потреблять людям. Он ощутил, что, к примеру, огонь, который до трансформации мог сжечь его тело, просто напичкал его силами. Стоит оказаться на свету, и Харрис продолжит заряжаться. Именно поэтому существо отключило электричество и здесь, и во всех ближайших секторах. Однако это не будет достаточным препятствием для того, чтобы остановиться.

Посмотрев на коридор, который вёл к лаборатории, Харрис испытал сожаление. Теперь никто не сможет найти способ спастись от заразы, поглотившей Аурэмо. Никто, кроме него, так что ему предстоит отбросить всё, что до этого его сдерживало, и двинуться вперёд, поэтому Крис Харрис зашагал вверх по лестнице.

Найдя первого же мёртвого человека, которым оказался боец гарнизона, Крис разогнал с него прилипал, и первым делом снял с него штаны и надел на себя. У него не было никаких трудностей с тем, чтобы передвигаться абсолютно голым, но надевание на себя одежды он посчитал самым малым воздаянием своей человеческой сущности, ещё недавно занимавшей приличных размеров часть в его сознании. Да, теперь он далеко не человек. Совсем не человек, и это было то чувство, о котором он беззаветно мечтал, когда был моложе.

Он чувствовал, что больше ничто физическое не сможет причинить ему урон. Пули

будут как ложки питательной смеси. Огонь — живительный источник. Любая энергия будет поглощена и усвоена. Что делал бы каждый из людей, получи он такие возможности? Наверное, примерно то же, что и до этого. Кто-то устроил бы революцию, убил кучу людей, пользуясь своими новыми возможностями, а потом получил бы в своё распоряжение улучшенные условия жизни. Потом этого ему бы стало мало, и он принялся бы покорять мир. Однако всё дело в том, что сознание Харриса изменилось. Все человеческие стремления были ему чужды теперь. Это было очень мелко. Настолько, что он даже иногда испытывал сожаление в том, что когда-то был человеком.

Отдельному индивидууму свойственны те же общие желания, что и всему сообществу целиком. Распространить свои гены как можно дальше. У одного человека это мог быть определённый круг половых партнёров. У всей нации — как можно дальше в космос. Гены одного отдельного человека настолько отличаются от генов другого, насколько сама ДНК отличается от других самовоспроизводящихся молекул, которые используют другие космические виды для передачи своей наследственной информации.

Просто передача и всё. Сев как можно большего количества семян в надежде на то, что даже при маленькой вероятности прорастания урожай будет большим. Это имело вес в рамках нации, но когда люди вышли в космос, количество уже не могло играть такой роли, как приспособленность и особые навыки.

Прилипалы были теми самыми носителями генной информации на основе особых синтезирующих микроорганизмов. Они были способны выделять любые самовоспроизводящиеся молекулы. Естественно, что не все организмы были одинаково полезны, поэтому у существ развилось особое чувство — чувство нервной системы. Жертва обязательно должна ею обладать, и обязательно на таком уровне, чтобы быть способной на высшую нервную деятельность.

А дальше всё просто — пробраться внутрь, заставить сам организм синтезировать свои молекулы, и всё. От изменённого гемоглобина до чуждых микробов. Выдающиеся по своим функциям системы организма мгновенно становятся врагами сами себе. Конечно, это длинный путь, но существа, представляющие, так сказать, ценность для завоевания, обычно облачены в непроницаемую для физического проникновения одежду. Для более быстрого овладения и нужны были те самые прилипалы, сразу впрыскивавшие в мозг нужное количество токсинов и мутагенов, состав которых они продумали ещё до атаки. Одни и те же грабли на каждом углу — когда ты изучаешь очередное существо, нет гарантий, что одновременно с этим оно не изучает тебя. Ещё бы, прилипалы такие простые.

Харрис изучал свои новые знания так, как будто бы попал в библиотеку, полную книг, которые ещё не читал. Правда, его возможности к поглощению и пониманию информации были гораздо выше, чем у людей, просто читающих книги, к тому же она уже была внутри него, вся эта информация. В то время, когда он гиб, его интеллект, ищущий пути к спасению, сделал всё. Что ни говори, а приспособительные способности у прилипал и их хозяев крайне высокие, и Крис Харрис получил их.

Мозг хранил данные о перестроении и всего его организма. Это был человек только внешне. Только потому, что эта форма тела была первой попавшейся, а на деле в ней не было нужды. Как титановая пластина, которая всё ещё находилась в черепе. Её можно было оставить как напоминание о том, что вообще произошло, хотя Харрис мог приказать организму отторгнуть её прямо сейчас, а костная ткань восстановилась бы очень быстро, но он этого не делал. Равно как стоило ему захотеть почувствовать правую руку, как он начал

ощущать, что прикрепленный к нервным окончаниям протез мешает новой конечности расти. Уж его он был готов отторгнуть, потому что всегда не слишком любил. И хотя более выносливая и сильная рука часто его выручала, он предпочёл бы, чтобы у него была настоящая, своя собственная, поэтому к тому моменту, как на нём были форменные штаны бойца гарнизона, он избавился от протеза, который носил так много лет, и обзавёлся полностью здоровой рукой. Такой, какой он сам её помнил.

Харрис поднимался по лестнице и перерождался, осознавая себя частью чего-то огромного и поистине масштабного. Частью этого мира. Он может стать его тираном и всё построить так, как хочет сам. Всю свою жизнь он обязательно кому-то подчинялся, много терпел, и вот теперь эта новая жизнь, как воздаяние за все страдания. Он принял его, но как им распорядиться?

В любом случае начинать новую революцию нужно было с того, чтобы наведаться в гости к неизвестному существу, которое хоть и сдало позиции, вынужденно рассеяв туман вокруг себя, всё ещё было сильно и оставалось для Харриса в тени. Он не знал, сможет ли он победить. По абсолютной логике он даже сейчас не мог точно решить, являются ли его действия проявлением его собственного волеизъявления, или же ему их приказывает выполнять это неизвестное нечто.

Он видел разрушенный корабль, хоть тот и был погружен в кромешную тьму. Разрушенные надежды и устремления человечества. Ненавистники движения в космос, да и просто злые языки использовали запуск Аурэмо и ему подобные мероприятия, чтобы лишний раз поднять голову и сделать заявление. «Сначала не мешало бы наладить то, что мы имеем здесь и сейчас, у себя, а уже потом устремляться в космос». Многим они казались правыми, хотя большинство всё же оставалось в нейтралитете. Были и сторонники, среди которых очень небольшое число даже заслуживало снисходительного восхищения. Бьющийся из последних сил и иступленный человек находил возможность поднять голову в звёздное небо.

Как и у Криса Харриса когда-то, у большинства людей, оставшихся в Солнечной системе был свой тёплый угол и рацион. Нужно ли было биться только лишь за улучшение условий, или? Может быть, злые языки безоговорочно правы, и никакие Аурэмо не нужны? Харрис, считавший теперь свою точку зрения и свою волю абсолютными, предпочёл бы уничтожить их. Без этих гнойных нарывов уж точно было бы легче дышать остальным землянам.

Даже существо, которое не строило свой мир, не губило его, и то устремляется к новым границам в космосе. А как иначе назвать это существо, что овладело их кораблём? Простым паразитом, который кидается на то, что можно поглотить? Да, возможно у него есть черты паразита, но такие способности не могут быть лишь плодом классической эволюции, направленной только на биологическое выживание и распространение. Нет. С определённого момента эта эволюция стала для него контролируемой. А что ещё ожидать от существа, которое само управляет своими генными молекулами?

Впрочем, если бы оно было примитивным паразитом, было бы ещё хуже. Некая третья сторона могла бы издевательски подшучивать над людьми. Смотрите, даже простой поглотитель совершает межзвёздные путешествия, а вы, те, кто по собственному мнению обладает наукой, культурой и высоким общественным развитием, нет. Вы имеете способность к творчеству, но пренебрегаете ей. Какую участь вы ещё заслуживаете, кроме как гнить в системе, которую и разрушили-то собственными руками?

И самое жуткой для людей, к которым Харрис себя уже не относил, в том, что всё это являлось бы абсолютной правдой. И Аурэмо в том виде, в котором он сейчас был, являлся олицетворением разрухи и несбывшихся надежд.

Крис Харрис, ещё не так давно сам бывший человеком, ненавидел свой собственный народ. Потому что столько можно было сделать, столького достичь. Даже он делал это по мере своих сил. От природы не одарённый развитым интеллектом, он ещё перенёс две контузии и травму мозга, но и у него хватало ума многое понять. А что же научные умы? Где они были? И где они теперь...

Эти мысли были для него очень кстати. Он вошёл в большой зал, где находилась интеллектуальная элита Аурэмо. Он ощутил это по мозговым вибрациям, всё ещё исходившим от людей. Их прилипали не подавляли полностью, потому что эти орешки были ещё нужны. Их они оставили своему хозяину. Хотя более правильной была формулировка «они сделали из них своего хозяина». При отсутствии достаточного количества материала эти существа переходили в пассивный режим. Примерно в таком их застали Маркин на погибшем корабле. В те же моменты, когда в их распоряжении появлялась биомасса, и, что ещё важнее, мозговой материал, они начинали разрастаться. Пульсация, неотъемлемое явление. Спад в ожидании подъёма, огромный прогресс на пике.

И вот теперь, воссоздав один единственный организм, они были готовы двинуться дальше. Куда именно? Просто в звёздную даль. Эти существа при дефиците биомассы способны поглощать практически любую энергию. Сразу резко сократив популяцию и сконцентрировавшись около энергоблока корабля землян, они могли существовать даже не сотни, а скорее тысячи лет, а может быть, и того больше.

Но это где-то там, рядом с энергоблоком. Он же пришёл к истоку. Когда-то это помещение использовалось для собрания первых лиц миссии. Здесь принимались важнейшие решения, определявшие дальнейшую жизнь целой людской популяции. В том числе решение о том, чтобы остановиться и войти в контакт с инопланетным кораблём. Харрис счёл это символичным, как и то, что этот зал по-прежнему имел важное значение.

Тел учёных видно не было. Харрис лишь чувствовал их присутствие в небольших мешках, состоящей из инопланетной биоматерии. Она оплетала их полностью и защищала. Если допустить, что кто-то ворвался бы сюда с оружием, ему вряд ли удалось бы уничтожить составной мозг этого организма. Мозг, частью которого неведомым образом уже успели стать знакомые Крису Гордон и Кейт. Видимо, в распоряжении его главного врага находилось больше подчинённых, чем он рассчитывал.

Человеческая сущность Харриса была бы разочарована. Желая увидеть монстра во плоти, она наткнулась на помещение, напоминающее внутреннее пространство инопланетного кокона. Небольшие пузыри с человеческими телами по периметру, и свисающее с потолка в центре большое образование каплевидной формы. Активность, исходившая из него, была самой интенсивной, хоть и являлась полностью инопланетной.

Вот оно, настоящее чудовище. Не нужно пасти, не нужно тысячи глаз, щупалец, когтей и всех прочих атрибутов. Интеллектуальная мощь, совершенная программируемая генетика и физиология. Абсолютная приспособляемость под любые условия и под любой организм, который нужно употребить на данном этапе своего развития. Ты не должен бояться. Ты должен ощущать себя в относительной безопасности до тех пор, пока ты сам не станешь пищей. Правда, Харрису подобная участь не грозила, хоть он и ощущал давление, исходившее со всех сторон.

Сначала были чужие мысли, вторгшиеся в сознание Харриса. Чем-то они напомнили ему тот сумбур, который творился в его голове, когда он находился без сознания после удара офицера Маркина, только там он мог уловить хоть какие-то логичные последовательности событий, образы, а здесь всё было рвано и разрозненно.

Потом всё выровнялось. Это были воспоминания конкретного человека, причём вид, был похожим на то, что сейчас было перед ним. Через секунду он всё понял — примерно такую же формацию видел старший офицер Маркин на неизвестном корабле, ради которого они совершали остановку. Конечно, тот верховный мозг уже вряд ли функционировал, но когда-то он принимал решения, одно из которых, возможно, привело к тому, что тот аппарат был найден землянами.

Ещё через секунду Харрис почувствовал самого Маркина. Офицер не был поглощён хозяином, хотя разум его для этого вполне подходил. Он был нулевым пациентом, разносчиком заразы, полностью подконтрольным, самым сильным и самым беспощадным. В голове Харриса разом промелькнули виды того, как он, пользуясь доверием, сначала заразил всех революционеров, а потом при первой же удобной возможности перешёл на другую сторону и проделал то же самое там. Он обошёл весь корабль, неся смерть и волю своего хозяина, а теперь он с этим пришёл к Харрису. Правда, стандартная зараза для Криса уже была безвредна, как и всё остальное, что могло сделать это существо, тоже было бесполезно. Подавить Харриса было невозможно, и оба это знали.

— Я думаю, бессмысленно начинать с вашего приветствия, — сказал Маркин, когда Харрис обернулся на него.

— Уж уволь.

— Тогда скажи мне, чего ты хочешь?

— Ты спрашиваешь так, будто бы у тебя есть, что предложить мне.

— Может быть. Всё это зависит от того, кто ты, — он улыбнулся, но как-то неуверенно.

Что касалось этого самого «может быть», то оно тоже являлось выражением неуверенности. Это существо не может заглянуть внутрь Харриса, и поэтому использует такие формулировки. Оно должно представлять, что Крис уже не человек, но, похоже, не знает точно, как далеко он продвинулся в своём развитии.

— Давай представим, что ты правильно решил, кто я. Ты ведь думал об этом? — спросил Крис.

Харрис прошёл вдоль овального зала и направился в сторону смотровых стёкол, которые хоть и обросли по периметру инородными образованиями, всё ещё выполняли свою функцию.

— В тебе осталось что-то от человека, — сказала существо, глядя на Харриса, а его неуверенность в этот момент, казалось, стала меньше, — тебе ещё нужно глядеть на что-то глазами, чтобы постараться понять это. Проникнуть внутрь этого.

Крис Харрис не отвечал. Даже если бы он по умолчанию видел всё без глаз, на красоту звёздных россыпей хоть иногда стоило глядеть так, как это делал бы человек. В этом было что-то детское — так он мог заключить с вершины своего развития — но, пожалуй, именно этот детский восторг и был одной из самых прекрасных сторон человечества.

— Попробуй представить, что тебе не нужны глаза, — продолжало вкрадчиво говорить существо. При этом Харрис чувствовал, что уже не слышит слов, а сразу чужие мысли звучат в его голове, но только потому, что он сам позволяет их себе передавать, — вообрази всю красоту всех спектров. Тебе откроется вся вселенная.

Харрис как будто бы уже знал, о чём ему говорят. Равно как человек, физически приспособленный для определённых действий, не знает о них, пока кто-то его не обучит, он сейчас так же осознал свою способность.

Движение смыкающихся век, как отсечение человеческой сущности. Вселенная распахнулась перед ним, и это было уже нечто, чуждое людям, да и вообще сходным биологическим формам жизни. Пожалуй, если бы ему пришлось описывать увиденное кому-то из своих теперь уже бывших соплеменников, он не смог бы этого сделать. Открытый мир в сознании, огромный и прекрасный. Пожалуй, это тот же детский восторг, преумноженный в бесконечное число раз. Это было бы самое точное определение из тех, которые попытался бы понять человек.

— И весь этот мир, если ты захочешь, он наш, — всё так же вкрадчиво говорило существо голосом старшего офицера Маркина.

— То есть, он твой, а ты со мной поделишься?

Харрис открыл глаза и посмотрел на своего собеседника. Восприятие через высшее сознание было для него приятнее, но пока что, предаваясь ему, он чувствовал себя слишком открытым. Он постигал этот мир, но мир мог в любой момент поглотить его — так он это видел. Он не исключал, что это существо нарочно могло посвятить его в такие тонкости, чтобы он потерял себя и не смог выбраться. Растворился, потерялся, чего сейчас допускать было нельзя. Несмотря на кажущуюся лояльность, которую враг демонстрировал на человеческом уровне, его настоящие мотивы уж точно были не такими мирными.

— Это типичная ошибка для биологических форм жизни. Это их естество, которое они тащат за собой вдаль. Рано или поздно оно утягивает их назад, как балласт на дно, коим в этом случае является их родная планета, уже уничтоженная потребительством. И их естество разбивает их о плотную атмосферу их мира. Красочная месть, и столь же беспощадная.

Если бы Харрис воспринимал и слушал его, как человек, то его, пожалуй, утомили бы эти речи, но он не слышал их. Он их чувствовал. То, что в конкретно этом рассказе угадывалась история жизни человечества, ничего не значило. Он заключал, что их судьба, судьба людей, отнюдь не уникальна. Она лишь одна из многих. И убедиться в этом он мог уже давно. Стоит только вспомнить тех существ, с которыми они воевали в космических войнах.

— Так для них складывалось исторически, — продолжало тем временем существо, — они могли использовать только те ресурсы, которыми владели непосредственно. Ты можешь съесть ровно столько еды, сколько находится в твоём распоряжении. Ты можешь выпить ровно столько воды, сколько отобьёшь у дикой природы или врага. Дальше в их истории было то, что они называли цивилизацией. Однако люди только для себя становились всё цивилизованнее — их принципы стадного владения никуда не девались. Лишь сообщества от одного индивида и мелких кучек выросли до больших формаций. Казалось бы, это должно сделать их лучше в соответственное количество раз, но на выходе все они получили лишь незначительные улучшения. У них были разные принципы создания и распределения, которые лишь смазывали картину, частично вуалировали, но главный закон оставался тем же. По-прежнему большая часть представителей их общества оценивалась тем, чем обладала. И это очень просто. Ещё бы, биологическая форма стала обладать интеллектом, навыками, но чтобы показать уровень, всё равно нужно было вернуться к истокам. Ты то, чем ты владеешь. Ты можешь использовать только то, чем ты владеешь.

Если бы существо могло испытывать и показывать эмоции, подобные человеческим, то

сейчас бы оно говорило с ненавистью и презрением. Но самым примечательным было даже не это, а то, что Крис Харрис его прекрасно понимал, даже несмотря на то, что ещё несколько дней назад сам был вполне заурядным человеком.

— Но ты не владеешь ничем.

— Как только ты можешь позволить себе всё, что угодно, необходимость владеть исчезает. Всё дело в том, что сначала это нужно осознать, и именно поэтому у обычных биологических форм жизни с этим трудности. Мне и тебе они чужды. Не нужно владеть большими ресурсами — ты и так получаешь нужное количество энергии. Не нужны армии. А зачем? Даже если ты и решишь, как я, завоевать кого-то, то солдат можно набрать из них же. Но это всё ерунда, ты же понимаешь. Только подавление и власть.

— Конечно. А ещё дань своему биологическому прошлому. Если ты такой продвинутый, почему ты не смог покорить всех нас разом? И без этих прилипал. Почему?

— Потом что подавлять биологическое быстрее всего биологически. Люди, нужно отдать им должное, не хуже остальных форм жизни, имеющих соразмерные мозг и нервную систему. Но они проявили неожиданную сплочённость и концентрацию. Я захватил Маркина, но захватить остальных тем же способом не получилось.

— Интересно. А как тебе это удалось?

— Очень просто. Он верил в то, что может заразиться, даже несмотря на защиту, и я смог проникнуть в его сознание. Ну а дальше проще. Мне пришлось изучить его, и я сразу не смог спрятаться в человеческом теле, поэтому система защиты меня обнаружила. Потом, правда, я подмял под себя и её тоже, но первый момент был упущен.

— Не слишком походит на сверхразвитый разум.

— Я находился в состоянии спячки. Мне нужен был материал, чтобы пробудиться, а получил я его не сразу. Правда, когда Маркин вышел из карантина, мне уже не требовались усилия. Люди, которые сначала поразили меня своей сплочённостью и мастерством выживания в тяжёлых условиях, показали крайнюю разобщённость. Они воевали со своими же соплеменниками, так что там, где я ожидал новое сражение, мне удалось пройти с победным шествием. Я набрал силу, и меня уже не сдерживали даже перекрытия. Мне казалось, я знаю людей, я знаю, как их победить, и я уже победил их, но потом появился ты.

— И кто я?

— Ты результат ещё одного упущения и череды случайностей, из-за которых меня подвела моя же сила. Мутаген, который содержат мои существа, очень сильный и быстрый. Больше того, он способен вызывать изменения уже в самом носителе, а не в его потомстве. Он должен делать из людей и прочих существ моих слуг, но в случае с тобой он подействовал не так быстро, как должен был, и не совсем так, как было нужно. Я думал, что знаю людей, но ты отличался от них строением черепа.

Харрис усмехнулся, сложил руки на груди и продолжил созерцать часть звёздной сферы, доступную для обозрения.

— И какова твоя цель сейчас? — спросило существо через минуту, которую они провели в молчании.

— Я думал, ты дашь мне её.

Он немного помрачнел и повернулся на Маркина, хоть в этом и не было необходимости — и без помощи глаз Крис Харрис мог видеть всё, что его окружало. Скорее ему хотелось этим жестом заставить могущественное инопланетное существо действовать по человеческим лекалам. Он знал наверняка, что это вызывает у него эмоцию, аналогичную

человеческому раздражению, хоть сравнивать две столь разные формы жизни и было очень некорректно.

Однако существо принимало эту игру, и Харрису не нужны были его новые способности, чтобы понимать, почему. Оно хочет уничтожить его и всех остальных людей, если они, конечно, остались, потому что Харрис не чувствует никого. У этого инопланетного разума не может быть других мотивов, что бы он там не пытался сказать Крису Харрису и кому бы то ни было ещё. Подавление и уничтожение — оно знает только это. Подавление и уничтожение, которые можно устроить только через знание своего врага, и он знает людей. Людей, но не Крису Харриса. Обращаясь к нему с человеческой стороны и даже играя по его правилам, он хочет понять его, чтобы подавить и уничтожить, так что с точки зрения самого Харриса было очень важно не терять бдительность.

— Ты можешь всё, чего захочешь. Мы можем. Мы можем вернуться в твой мир и захватить его, а потом ты и я выстроим всё так, как тебе хотелось бы. Организуем цивилизацию, покорим другие миры.

— Что-то это всё как-то не вяжется с тем, что ты говорил об абсолютном могуществе, — заключил Харрис, — учитывая твои возможности, это всего лишь игра. Только здесь живые людишки, их наука и прочее.

— Да, но ты выстроишь всё так, как тебе хотелось бы. Раз и навсегда. Неужели тебе никогда не казалось, что этот мир несправедлив к тебе?

— Казалось.

— Так отомсти ему и им. Пусть они страдают за то, что однажды не оценили тебя. За то, во что они тебя ввергли. Нищета, голод, неверная женщина, чужое потомство на твоих плечах.

Крис Харрис слушал его и понимал, что погиб. Вопрос только в том, где именно. Там, в шлюзе, во время первого удара? Может быть, там, в коридорах около лаборатории, когда это существо напало на него, находясь в теле Колграда? А может быть, в один из моментов от начала своего путешествия, и даже не осознал свою гибель. Но что он погиб, это уж точно. Его память, всё, что он знал, стало достоянием этого существа. Все эмоции, переживания, внутренняя борьба. Ощущение нечестности мира, несправедливости. Страх и боль, которые он в себе подавлял. Сейчас, если позволить себе вспомнить человеческую сущность и то, что она при подобных воспоминаниях должна была испытывать, то можно и нужно было возненавидеть человечество.

Вот только было одно обстоятельство. Крис Харрис погиб. Его уже не существовало. Ни его боли, ни страхов, ни переживаний больше не было. Существо же, как будто по инерции, взывало к человеческому. Оно показало новые горизонты, но всё это было нацелено только на то, чтобы вызвать дискомфорт. Как если домашний кот, всю жизнь проживший в тёплом доме, однажды выйдет на улицу, будет чувствовать себя, мягко говоря, нехорошо, так и человек, познавший глубину мира, в первый момент захочет назад, в своё мягкое и тёплое тело и ограниченную в возможностях нервную систему. И теперь оно закрепляло эффект, вызывая к человеческому. Как иначе оно могло победить превосходящее сознание? Естественно, загнать его в прежние рамки, и там додавить. Это было бы совсем не так просто, как если бы это был обычный человек, но всё-таки возможно, что и являлось решающим аргументом.

Вот только Крис Харрис понимал, что мёртв. Мёртв не в общем смысле, а в сугубо человеческом. Как тот кот, если бы осознал, что его дом больше не существует для него.

Харрис не был тем индивидом, которого трогала неверность или вынужденное обеспечение жизни чужому потомству. Все люди перед ним были равны, и неважно было, кто, как и что делает.

— Почему ты не убьёшь меня? — спросил он напрямую.

— Потому что ты не такой, как они. Ты заслуживаешь другой участи, и я хочу помочь тебе. Хочу вызволить тебя из этого рабства. Душного плена...

— А может быть, ты просто не можешь?

Харрис нарочно не произносил эти слова вслух, а направил их к нему в мозг, а сам с как можно более безразличным видом отвернулся.

— Глупо было бы убивать такое творение, и ты это понимаешь. В каком-то роде, ты мой потомок, потому что являешься производной от меня. Как бы ты заботился о своём настоящем потомке?

— Пожалуй, я согласился бы с тем, что заботился бы, но я не тот потомок, о котором нужно заботиться, да, папочка?

На лице Маркина не изобразилась ни одна эмоция, когда Харрис, послав ему свои слова напрямую в мозг, повернулся и посмотрел в его глаза. Но это было не от того, что он ничего не чувствовал вообще и не почувствовал тревогу, сейчас граничащую со страхом. Он просто не мог реагировать по-человечески, и не мог показывать эти реакции так, как их показал бы человек. Это спасало его от того, что Харрис заподозрил бы смятение. Вернее, он его заподозрил, но не мог быть наверняка уверен в том, что надавил в правильном месте.

— Так чего ты хочешь?

— Знаешь, я ожидал, что получу что-то. Я думал, что раз тебе открыты такие широты, то ты можешь по могуществу сравниться с тем, кого люди именуют богом.

— Я могу. И теперь ты это можешь.

— И всё, что ты мне предложил, это вернуться и завоевать людей? — нахмурился Харрис, — тебе не кажется, что это слишком мелко? Что люди не заслуживают того, чтобы их завоёвывали? Чтобы кто-то могущественный выстраивал им цивилизацию, делал за них то, что они не могут или не хотят сами?

— Ты можешь завоевать кого угодно, не обязательно людей. Мы будем бесконечны, словно сама вселенная. Кто угодно будет лежать у наших ног.

— И это и есть вся твоя широта космоса?

Харрис произнёс эти слова вслух, обернувшись и зло посмотрев на существо, представшее перед ним в образе старшего офицера Маркина.

— Тогда я огорчу тебя, — продолжил он, — твой космос мал и ничтожен. И что с того, что ты можешь видеть всю вселенную так, как это недоступно никому из людей и им подобных? Ты сам прозябающее биологическое ничто!

— Хотел я этого или нет, — Маркин ответил ему, произнося слова вслух, — но я дал тебе возможности, которые неведомы ни одному из живущих ныне людей. И я знаю твои мысли. Ты решаешь, поступить так, как я говорю, или пожертвовать тем, что ты умеешь, во имя людей. Второе побеждает, и я не могу описать, насколько это оскорбляет и меня, и множество остальных, которые, имея они то, что сейчас имеешь ты, поступили бы правильно.

— Откуда тебе знать, правильно или нет?

Харрис произнёс это особенно зло, и в мыслях очень сильно ударил Маркина. Его удар, хоть и не имел физической составляющей, вышел сильным настолько, что, казалось, даже

стены содрогнулись, а не до конца мёртвые люди в коконах из инопланетного волокна зашевелились. Маркин отпрянул назад, желая уйти от атаки, но она настигла его. За ней последовала другая, более продуманная и направленная строго на него. Он упал, но дальше последовало то, что немного смутило Харриса.

Его сознанию уже вырисовалась картина, что, несмотря на наличие у этого существа развитого разума, оно имеет и биологическую составляющую. И как бы оно ни хотело от неё отделиться, у него не получается. Даже несмотря на то, что оно может проникать в сознание любой формы жизни, имеющей нервную систему, всё равно где-то должен быть некто, кто является, собственно, носителем этого сознания. Существо сильно, и оно смертно, но, самое главное, оно, как и Харрис, зависимо от своей биологической сущности. Оно так и не смогло её преодолеть. А где есть биологическая сущность, там есть и нечто животное — эмоции, невольно возникающие в соответствующих им ситуациях, и оно не сможет им полностью противостоять.

И когда уже Харрис рассчитывал увидеть страх этого высшего существа, окончательно его сломить, он получил неожиданно выразительный выход его эмоций — залиvistый смех, несмотря на боль, которая должна была его пронзать.

— Ты пожертвуешь всем этим ради них? — спросил Маркин, с лёгкостью преодолев приступ смеха, который был для него лишь частью людского языка эмоций, — ты пойдёшь на это?

— Не тебе решать, что мне делать! — отвернувшись к окну, Харрис глядел на звёздные дали и продолжал атаковать своего оппонента, который предпринимал последнюю попытку надавить на его человеческую сущность и тем самым его подавить.

— Они этого не заслужили. Мало что ли они кидали тебя? Мало они предавали тебя и заставляли опускаться вниз? Мало?

— Это уже не моё дело, и тем более не твоё.

Ментальное давление тоже было, но его оказалось легко выдержать. Харрис наносил удар за ударом. Это было лишь в его мыслях, но он чувствовал резкую пульсацию, подчиняющуюся его воле. А ещё он чувствовал, как это существо гибнет. Вернее, не само оно, а та его часть, которая подчинила себе Аурэмо и большую часть его жителей. Учитывая, что на том погибшем корабле остались ещё образцы, то с ним не покончено, далеко не покончено, но можно сделать так, чтобы оно не было помехой, и среди прочего Харрис сделает это.

Почувствовав, что на этом корабле уже нет ни одного живого представителя вида инопланетных паразитов, даже пребывающих в состоянии спячки, Харрис ощутил себя одиноким. Тогда, когда ему с подачи неизвестного существа открылся весь космос во всём его великолепии, он был подсознательно рад тому, что он не один. Что он не первый столкнулся с этим, и, хоть существо и преследовало свои собственные цели, участие, которое оно изображало, могло сойти за первичную поддержку.

Теперь же он стоял один, и впервые со времени своего пробуждения в новом качестве, Крис Харрис не знал, что делать. Он осознавал, что шёл сюда не на поединок с врагом, который в итоге породил то, что не смог контролировать, и проиграл. Он шёл сюда за ответами на самые главные вопросы. Они, как оказалось, хоть и не были им чётко сформулированы в период бытности человеком, всё же присутствовали в его разуме. И если раньше он от осознания их мог бы радоваться, то сейчас ему становилось не по себе, потому что ответов он не получил.

У него была высшая цель. Всё это желание спастись, желание стабилизировать жизнь, Марси, у которой тоже не было условий для жизни на Земле, её ребёнок, но не ребёнок Харриса, всё это были только отговорки. Он полетел в космос за другим. Он хотел высшей цели. Он жаждал её. Все жаждали её. И те, кто организовывал миссию, и те, кто проводил бессмысленную и беспощадную революцию в стенах этого многострадального корабля. Все хотели видеть свою цель. Не для всех она была высшей, но вряд ли кто-то отказался бы. Однако у Харриса всегда было лишь желание высшей цели, но не она сама. Ни революционеры, ни люди из верхушки Аурэмо не могли поставить её ни перед ним, ни перед кем-либо ещё. И вот, идя вверх, к тому, кто породил его, и к тому, кто жаждал его смерти, он ожидал, что найдёт там ответы и ту самую высшую цель, ради которой стоило обладать возможностями, которые он получил.

Почему он убил это существо? Потому что оно не дало ему цель. Больше того, оно и само её не имело. Высокие способности к размножению, заражению собой, последующему развитию, но всё лишь для того, чтобы удовлетворить собственное эго, раздувшееся до космических размеров. Оно презирало полностью биологические формы жизни, хотя само, в лучшем случае, не слишком далеко ушло от них. Всё оказалось пустым. Что теперь?

Он долго стоял так, черпая энергию космоса, чувствовал, как может контролировать всю биомассу, находящуюся на этом корабле, но это было не то, чего он хотел сейчас. Наверное, какой-нибудь эгоистичный человек и мечтал бы о таком контроле, вот только людям он не дан не просто так. Сейчас Харрис представлял, насколько изменился, и эти изменения, хоть и замедлились и видоизменились, всё ещё продолжались. Пожалуй, не всякий выдержал бы их, по крайней мере, оставшись собой в той степени, в какой сохранил себя Крис. Может быть, то, что произошло с ним, и есть та самая высшая цель? Высшая цель, состоящая в том, чтобы самому создать высшую цель для себя.

Он не знал, да и никто не знал бы на его месте, насколько верно это утверждение. Оно могло оказаться полностью ложным, но в тот момент это было неважно. Оно взбудоражило его, в один миг рассеяло слишком человеческое разочарование, овладевшее им, помогло вновь ощутить свою высшую суть.

Он превзошёл то существо, изначально будучи слабее него. Значит, оно смертно, и на одном лишь основании своего наличия не может утверждать, что во вселенной есть нечто бесконечное, кроме неё самой. А раз это его утверждение неверно, то можно смело подвергать сомнению и все остальные. Оно не достигло предела и не могло утверждать, будто познало всё в этом мире. Больше того, сам Харрис знал, что не достигнет этого предела в одиночку. Однако и марионеточные цивилизации, полностью подконтрольные его разуму, не смогли бы этого сделать. Но всё же, пока здесь есть те, кого он в силах оживить, а также те, кто в этом самом оживлении не нуждается, он сможет всё исправить. Если и жертвовать чем-то ради человечества, то жертвовать до конца.

Первым, откашливая желтоватую слизь, из кокона выпал Гордон. Глаза его были красными и лезли из обрит от напряжения. Ещё бы, человеческое тело не предназначено для таких доз нейротоксина, которым его накачало существо. К счастью, организм учёного освоил новый механизм его выведения. Это, пожалуй, было тем малым, что Харрис мог дать ему и остальным людям. Увы, полностью с этой формой жизни не покончено, и будущее человечество должно иметь иммунитет, дабы на пути к своей высшей цели не стать жертвой такого низменного существа.

Не изменять сознание, но направлять его. Это тот барьер, через который Харрису нельзя было переходить. Гордон и остальные, те, кто теперь станет вершушкой миссии Аурэмо, сами всё изучат и смогут частично обезопаситься. Остальное, касающееся встреченного ими врага, даст им Харрис, но это и будет самым серьёзным его влиянием на всё происходящее. Генетическую схему, препятствующую вырождению и способствующую восстановлению популяции, придумает Гордон и его люди. К сожалению, им придётся задействовать часть генного банка, предназначенного для будущей колонии, потому что потери их огромны. Харрис мог бы даже воскресить полностью мёртвых, воспользоваться копией их сознания, которую успело сделать существо, но это уже перестанет быть простым направлением. Нет, пусть люди не пробуют бессмертие на вкус, по крайней мере, раньше времени. Пусть помнят трагедии, которые могут постигнуть человечество, и тогда завтра не совпадёт революция и вмешательство инопланетной жизни, которые в данном случае могли просто уничтожить миссию спасения, а в другой раз, возможно, поставят под угрозу существование всей цивилизации.

Людям многое предстоит сделать, но они должны сделать это сами. Влиять, но не кардинально — вот позиция Харриса теперь. И сейчас, когда Гордон отошёл от химического и биологического шока — всё же человеку не суждено было выбраться из пут этого существа — он сможет помочь своей помощнице, которая уже начинает выпадать из соседнего кокона. Сознание Харриса просчитало, что после этого случая они сблизятся и создадут семью. Им давно пора было это сделать. Разве что лёгкий штришок — оба бросят курить. Тем более, что и об этом оба давно помышляли. Что же, полная очистка организма будет им хорошим импульсом в этом отношении.

Женщине пришлось тяжелее, но Харрис немного подкорректировал алгоритм выведения токсина, и он сработает лучше. Степень шока снизится, хотя, она и так бы выдержала его. Все остальные их коллеги тем более справятся. Показательно, что здесь находились только учёные, причём, самые выдающиеся из тех, кто был на Аурэмо. Пожалуй, не будет ничего плохого, если они составят костяк будущего сообщества.

Им понадобятся рабочие, и их тоже будет достаточно даже на первых порах. Харрис ощущал, что многие из нижних секторов живы. Пожалуй, тамошняя публика в плане развития интеллекта и нервной системы была для прилипал не самой вкусной пищей и не самым лучшим материалом для существа, поэтому и вышло так, что неудавшаяся революция унесла больше жизней тамошних граждан, чем биологическое заражение. И об этом пусть помнят — хороший урок.

Харрису очень кстати подумалось о том, что раз он не собирается в корне менять сознание людей, то кораблю и в дальнейшем понадобится гарнизон. В этом плане было

очень ценно то, что офицер Маркин был лишь марионеткой в лапах неизвестного существа, но не был им уничтожен. Он лишь получил урон, но современные технологии медицины позволят ему восстановить нервную систему. Его жена имеет похожие проблемы, а дочь в полном порядке. Велика вероятность, что после пережитых событий, закончившихся счастливым воссоединением, он сможет стать отличным командиром гарнизона Аурэмо.

Пожалуй, он будет первым спасённым Гордоном и остальными учёными. Времени ещё достаточно, а пока Харрис захотел проверить самое главное. То, что он по праву считал сердцем и корабля, и миссии. Самый важный ресурс Аурэмо — его колонисты, находящиеся в специальных капсулах, и генетическое хранилище. Первых он мог бы почувствовать, однако их жизненные показатели отличались от всех остальных, кто сейчас находился на Аурэмо, так что нужно было проверить их лично и провести своего рода калибровку — понять, как они отображаются на картине его восприятия, чтобы в дальнейшем иметь возможность следить за их состоянием.

Что же касалось генного банка, то он вообще не мог его почувствовать. Правда, существовала надежда, и очень большая, что существу он всё же был без надобности. Понять ценность самих колонистов оно не могло, а комплекты половых клеток человека, не имеющие нервной активности, не представляли для него никакой ценности. Так что можно было почти наверняка рассчитывать на то, что там, на несколько уровней выше, в отдельном закрытом блоке Крис Харрис найдёт то, что хочет. А сейчас пока он слегка перенаправил внимание Гордона и его напарницы, чтобы они не видели его. Ни к чему им знать и помнить, кто он такой. Это, пожалуй, не пойдёт на пользу, а что до материала для исследований, у них и без него его будет много.

Харрис не любил обращение к своей человеческой составляющей, но сейчас, окрылённая и воодушевлённая высшей целью, она ликовала и жаждала действий, что было очень приятно. Раз люди способны на такое, то и его надежда на них не напрасна.

Правда, эта человеческая сущность неожиданно поставила перед ним вопрос, пожалуй, не такой уж незначительный. Может быть, всё же стоит вернуться на Землю и начать развитие оттуда, а не продолжить курс, взятый Аурэмо? В сознании нового Харриса это был шаг назад, но этот вопрос всё равно нуждался в ответе.

Давать шанс человечеству, которое уже привело себя на грань гибели, или же создать новый очаг цивилизации? Попавший на плодородную почву, он отлично прорастёт. Пожалуй, если Харрис не будет слишком уж воздействовать на людей, как сам для себя решил, старое и истрадавшееся человечество поглотит хорошие начинания, доставшиеся ему хоть и без особого труда, но дорогой ценой. Нет. Миссия продолжится, но он подтолкнёт её в нужном направлении. Если не сразу, то постепенно.

Но всё это будет потом. Сейчас же перед ним открывались двери святыни. Храма, коим являлся закрытый колониальный блок Аурэмо. Благо, Крису Харрису не требовался ни допуск, ни что-либо ещё, чтобы пройти. Сюда, в святая святых, и в хорошие-то времена допускались далеко не все, а сейчас этот сектор был полностью закрыт. Конечно, существо тоже успешно могло взламывать электронные системы людей, но здесь для него было мало ценного, поэтому, к своей радости, Крис Харрис обнаружил хранилище нетронутым.

Вдоль стены справа стояли огромные криогенные капсулы, на каждой из которых был дисплей, отражавший состояние находящегося внутри колониста в реальном времени. Сейчас их жизни были доверены компьютерам, контролировавшим систему, создававшую нужные условия. Один сбой, и конец. Человек, находящийся внутри не сумеет выбраться без

посторонней помощи. Но теперь всё точно будет в порядке.

Напротив каждой капсулы находился шкафчик с личными вещами. На нём была выгравирована фамилия каждого колониста, и стоял кодовый замок, открыть который мог только сам хозяин. Впрочем, Харрису бы эта электроника тоже подчинилась, только он не считал нужным взламывать её. Неважно, что брали эти люди в такое дальнее путешествие через пространство и время. Может быть, там есть талисманы, отражающие их суеверия. В капсулу их брать было нельзя, но они всё равно находились рядом. Всё это было неважно. Важно то, что они смогут выстроить новую жизнь где-то далеко. Где-то, где у них будет шанс.

«Юлия Русакова» — прочитал Харрис на одном из шкафчиков и обратился к капсуле. Он чувствовал в ней слабую жизнь, едва уловимую, и все колонисты для него были равны сейчас в этом плане, но специалист по организации медико-генетического функционирования колонии Русакова и в жизни была невысокой хрупкой девушкой, при этом очень красивой. Сейчас она мирно спала, а система сообщала, что с её жизненными показателями всё в норме. А это и было самым главным, потому что для всего силового предназначался один из следующих граждан.

Радуан Баттлз едва поместился в капсулу. Возможно, имел модифицированный организм, но и это было неважно. Как показала практика, в космосе развитые боевые навыки могут защитить тебя хуже, чем низкокачественная титановая пластина в темени. К сожалению или к счастью для всех этих людей. Господин Баттлз был старшим специалистом по разведке и освоению территорий. Этаким кладёзь знаний и умений, призванных защитить колонию и обеспечить её расширение. Впрочем, он их и олицетворял.

Пожалуй, только откровенный дикарь, зайдя сюда, не ощутил бы особую ауру этого места. Ауру, говорившую, нет, кричащую о том, что, несмотря на все невзгоды и потери, у человечества есть будущее. Несмотря на глупость некоторых из людей, есть ещё те, кто сможет обеспечить им процветание. И только откровенный дикарь не оробел бы, видя перед собой запечатанные двери генетического хранилища. Вся память поколений, лучшее, что из неё можно было выбрать, и то, что стоило бы запомнить, находится здесь. Даже Крис Харрис ощутил робость, хоть уже и изжил в себе большую часть человеческой сущности.

Это древние документы и прочие носители информации можно уничтожить, хроники переписать, а артефакты объявить подделками. Но то, что хранится там, не подлежало изменению. Уже никто не сможет опротестовать подлинность этой информации. Это и есть вся история человечества. И она станет толчком к новому будущему. Определённо станет, и Крис Харрис этому поспособствует.

Сейчас же он покинул это помещение, убедившись в том, что не оставил никаких следов своего пребывания. Ему хватит и того, что эти люди живы, и что они исполняют своё предназначение, если Аурэмо и все, кто находится на нём, исполняют своё. Процесс уже начался, и он сможет контролировать его из любой точки корабля, но пока что в этом нет нужды. Общая трагедия всегда делает сообщество сплочённым. Верха обратят внимание на низы, вспомнив, что они есть, а низы, в свою очередь, осознают, что их соотечественники не самые страшные враги во вселенной. Чтобы всё организовать, потребуется много времени и сил, и люди с этим справятся.

Сейчас, спускаясь вниз, Харрис делал для себя последнее, что хотел. Он позаботился о том, чтобы о нём все забыли. Пожалуй, если он будет одиноким жителем своего же уровня, это никому не помешает. Апартаментов и так хватит. Марси и её ребёнок в сложившейся

ситуации смогут выжить и без него — свободного рациона теперь будет хватать, ну а что касается новой семьи, то она сама сможет об этом позаботиться. Пожалуй, было бы даже плохо наблюдать её смерть и смерть остальных. К счастью, отринутая человеческая сущность осталась далеко позади и уже не окажет давления на сознание Криса Харриса. Всё теперь будет хорошо для всех в той мере, в которой они сами способны обеспечить это для себя.

После рабочего дня, который он посчитал бы трудным, он сидел один в курилке, дымил сигаретой и прятал от чужих глаз открытую пластиковую банку пива. Человеческая сущность отошла даже не на второй, а на куда более далёкий план, но он периодически подкармливал её подобными мелочами, что было, конечно, не слишком хорошо, но это был единственный досуг, который помогал ему остановиться и погрузиться в мысли. А заодно новый Крис Харрис был куда менее подозрительным.

Как и всегда, в соответствии с законом подлости, шаги послышались ровно в тот момент, когда он делал глоток. Быстро спрятав банку за спину, он прислонился к стене и приставил сигарету ко рту. Молоденькая темноволосая девушка. Он помнил её, а она его нет. И всё равно, ему казалось, что она как-то странно на него смотрит. Пожалуй, существо ошиблось насчёт того, что человеческое сознание до безобразия примитивно. Он сейчас что-то видел в её глазах, но продолжал молчать. Сначала взгляд был любопытным, потом озадаченным, а потом она всё же решилась заговорить с ним.

— Простите, — сказала она нерешительно.

— Да, — не без интереса ответил Харрис, подняв на неё голову.

Он мог бы проникнуть в её сознание и узнать, о чём она думает, но он не делал этого уже очень давно и, больше того, не собирался. Люди изредка казались ему интересными, но только в тех случаях, когда сохраняли полную самостоятельность нервной деятельности.

— Мне кажется, я вас помню.

— Это неудивительно, — он добродушно улыбнулся, — мы почти соседи. Мои апартаменты поменьше, но у вас семья побольше.

— Нет, — она смело приблизилась и села почти рядом с ним, но так, чтобы сохранять удобный визуальный контакт.

— То есть? — озадаченно спросил он.

— Я помню другое...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ржев, 2 октября 2016 г.